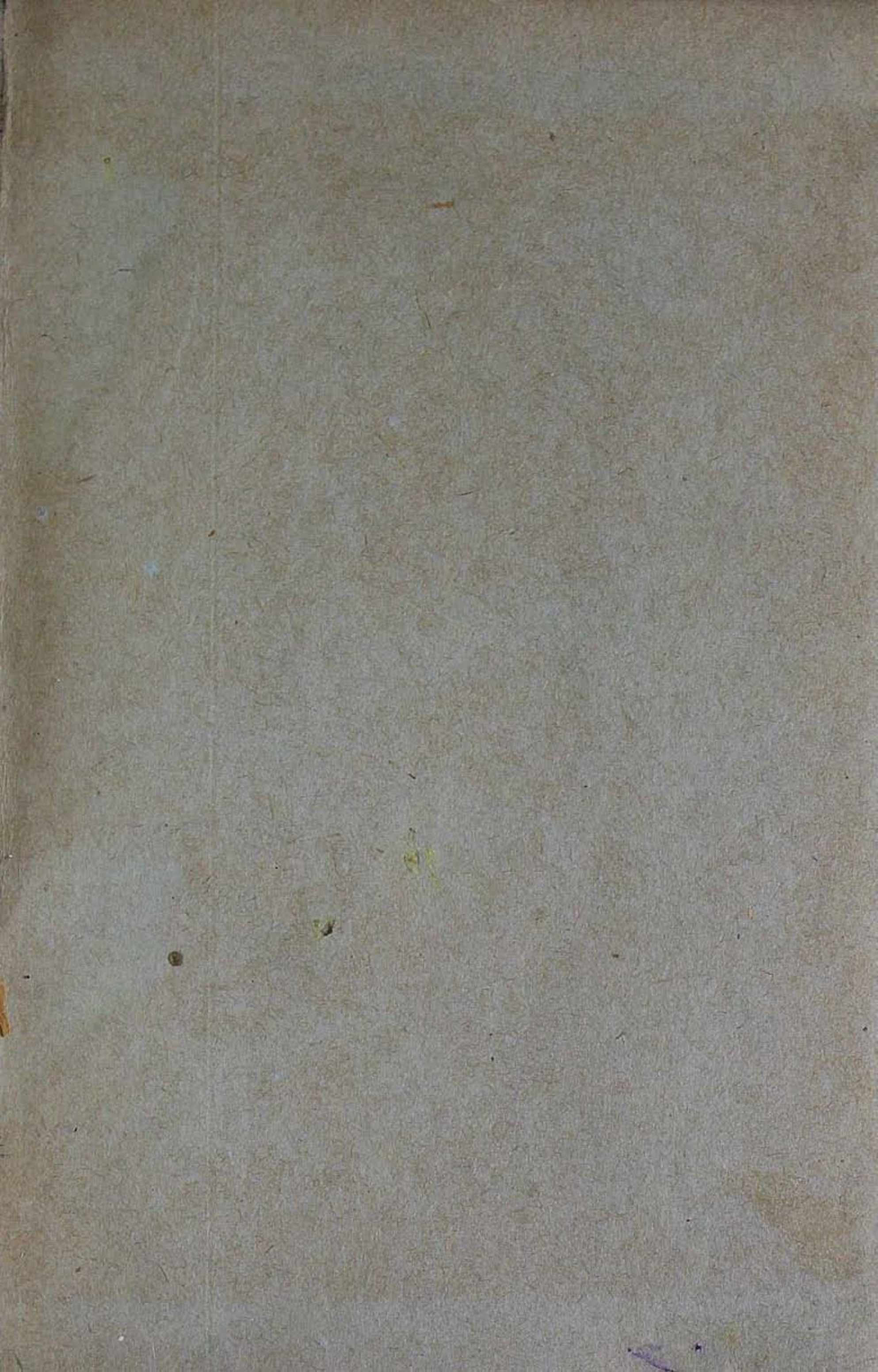
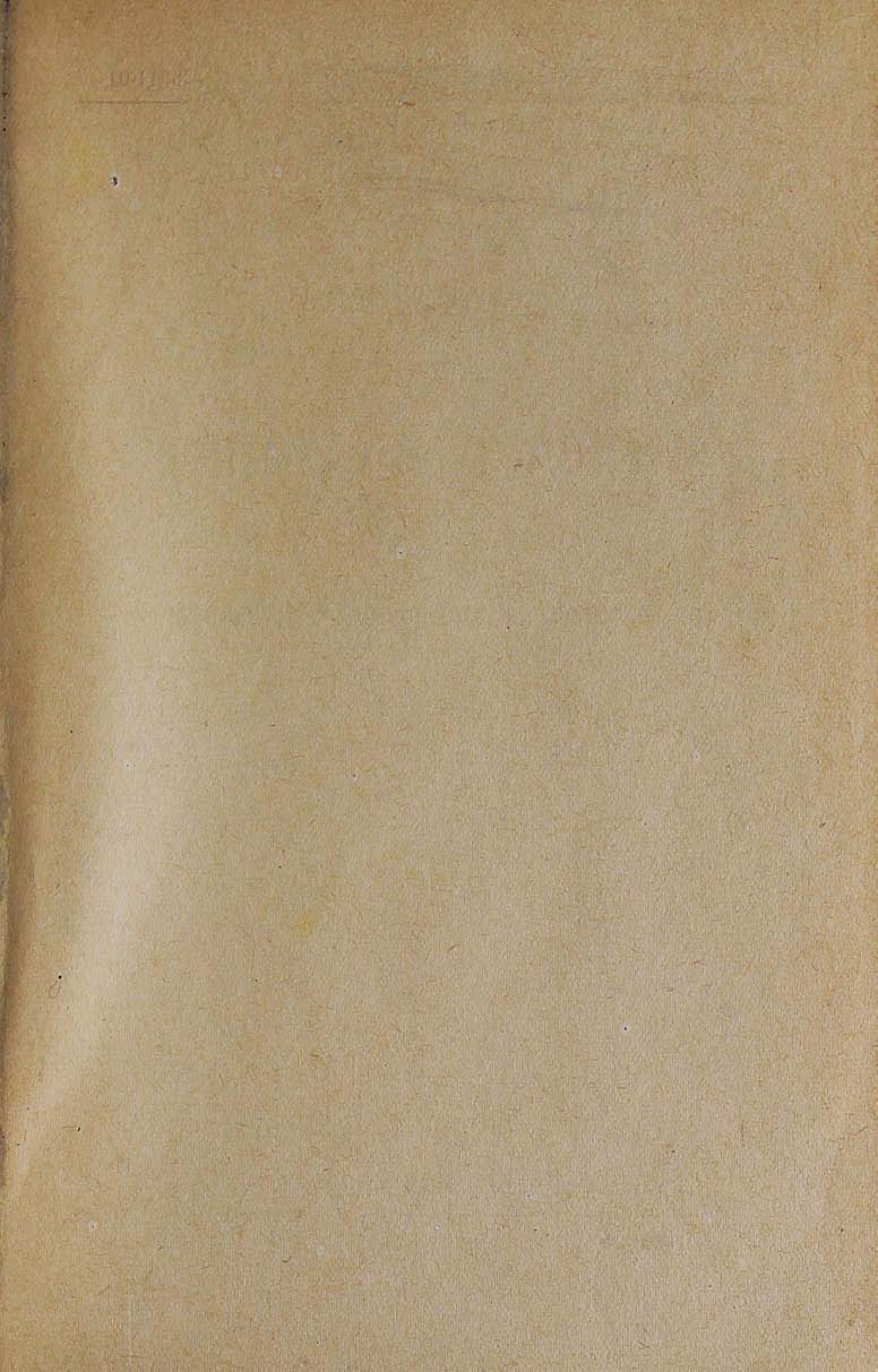
АКАД. Я. А. МАНАНДЯН

ТИГРАН ВТОРОЙ И РИМ

ՍՍՌՄ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱՅԻ ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՖԻԼԻԱԼ

ՊԱՏՄՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

ԱԿԱԴ. ՀԱԿՈԲ ՄԱՆԱՆԴՅԱՆ

ՏԻԳՐԱՆ Բ. ԵՎ ՀՌՈՄԸ

ՆՈՐ ԼՈՒՍԱԲԱՆՈՒԹՅԱՄԲ ԸՍՏ ՍԿԶԲՆԱՂԲՅՈՒՐՆԵՐԻ

ԱՐՄՖԱՆ-Ի ՀՐԱՏԱՐԱԿՉՈՒԹՅՈՒՆ

ԵՐԵՎԱՆ 1943

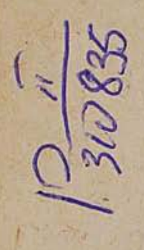
АРМЯНСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК СОЮЗА ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

АКАД. Я. А. МАНАНДЯН

ТИГРАН ВТОРОЙ И РИМ

В НОВОМ ОСВЕЩЕНИИ ПО ПЕРВОИСТОЧНИКАМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АРМФАН

ЕРЕВАН 1943

Печатается по распоряжению Президиума Армянского филиала Академии Наук СССР.

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящий труд акад. Я. А. Манандяна „Тигран Второй и Рим“ переведен с армянского языка А. А. Паповяном. Перевод исправлен и редактирован автором. В конце книги даны хронологическая таблица, именной и географический указатели, составленные автором.

1. ПРЕДИСЛОВИЕ

История древней Армении в эпоху Тиграна Второго изложена, крайне сжато и мимоходом, в трудах, главным образом, европейских ученых, имевших целью изучение не специально истории Армении, а истории Рима и Понтийского царства. Из этих трудов наиболее важными являются работы трех крупнейших историков—Моммзена, Рейнака и Ферреро[1]. Имеется, кроме того, подробное исследование о походах Лукулла в Армении молодого германского ученого, ученика К. Леманна-Гаупта, Курта Экгардта, которое напечатано в германском журнале „Клио" (т. IX, 1909 г., и т. X, 1910 г.).

Почти во всех исторических и филологических работах самих армян, как и в трудах, посвященных истории древней Армении, на русском и французском языках—Халатьянца, Геворка Арслана, Доленс-Хача, Турнебиза, Ж. Моргана и др.—изложение событий эпохи Тиграна взято почти без изменений из вышеозначенных трудов Моммзена или же Рейнака. Исключение составляют, преимущественно, армянские историки Чамчян и Астурян, которыми использованы также греческие и латинские первоисточники и попутно указаны их недостатки и недостоверность.

Как совершенно правильно отмечают сами европейские ученые, сообщения основных первоисточников, написанных спустя почти целое столетие или же несколько веков после событий эпохи Тиграна и Митридата, сомнительны часто и ненадежны, так как исторические происшествия описаны

[1] *Моммзен*, Римская история, т. II и III, Москва, 1887 г., *Th. Reinach,* Mithridate Eupator roi de Pont, Paris, 1890. *Ферреро*, Величие и падение Рима, т. I, Москва, 1915.

в них пристрастно и в пользу римлян. И, действительно, Рим, как известно, с большим мастерством умел насаждать у себя тенденциозную историографию, которая, вопреки исторической правде, услужливо преувеличивала и особо отмечала военные успехи республики и обходила молчанием исторические факты, невыгодные для нее. В этом отношении показательно и крайне любопытно признание Цицерона в его „Речи за Манилиев закон". „Позвольте мне тут, Квириты,—говорит Цицерон в этой речи,—последовать примеру наших поэтов-летописцев и умолчать о нашем поражении"[1].

Тенденциозность римских источников отмечена, как известно, еще в первом веке нашей эры, еврейским историком Иосифом Флавием. В своей книге „О войне иудейской" он указывает, что даже у римских писателей-очевидцев сильно искажены подлинные исторические факты и даны, в угоду римлянам, или хвалебные тенденциозные описания, или же клеветнические измышления об их врагах.

Следует отметить, что не только Рим, но и Армения и Понт имели в эту эпоху свою собственную историографию. Плутарх (Lucull. 22,3—6), Страбон (XIII, I, 55) и др. упоминают, например, исторический труд о Тигране Великом, написанный Метродором Скепсийским, прозванным „ненавистником римлян" (Misoromeos), которого они считают талантливым и блестящим писателем. Имеются также сведения об утраченных исторических трудах Гераклида, Тевкра, Аполлонида, Диофанта и др., сторонников Митридата Понтийского. Однако, после завоевания римлянами Понта и подчинения Армении римскому влиянию сохранились, к сожалению, лишь те исторические произведения, авторы которых были приверженцами или же явными панегиристами империалистического Рима. История эпохи Тиграна Второго могла бы, несомненно, предстать перед нами в совершенно новом свете, если бы сохранились также и произведения вышеуказанных историков Митридата и Тиграна.

Несмотря на вышеотмеченные недостатки сохранив-

[1] См. Полное собрание речей Цицерона в русском переводе, под редакцией *Ф. Зелинского*, т. I, С.-Петербург, 1901, стр. 511.

шихся источников, исторические концепции и обобщения Моммзена, Рейнака и других ученых основаны, как подробно указано в моем исследовании, почти исключительно, на этих именно ненадежных источниках, сообщения которых использованы ими без предварительного и тщательного критического разбора. Безоговорочно использованы ими сомнительные и недостоверные свидетельства даже Плутарховых биографий, в которых дано не правдивое отображение событий Тиграновой эпохи, а тенденциозная и злостная каррикатура Тиграна Второго и феодального строя его государства. Европейские ученые, к сожалению, упустили из виду, что использованные ими сообщения римских авторов опровергаются очень часто при помощи свидетельств нейтральных эллинистических источников, в которых имеются объективные и правдивые сведения об этой же эпохе.

В данной работе мы опираемся на сравнительное и критическое изучение всех вышеуказанных источников и, как нам кажется, посредством тщательного подбора их, представляется возможным дать историю Армении в эпоху Тиграна Второго в новом освещении и более подробно и основательно, чем это было сделано в предыдущих исследованиях.

Освещение, данное европейскими учеными историческим событиям эпохи Тиграна, имеет и другой существенный дефект. Вышеуказанные историки не только безоговорочно пользовались тенденциозными и ненадежными сведениями римских источников, но они и сами относились враждебно к Востоку и к восточным народам. Одновременно они симпатизировали, соответственно своим политическим склонностям, тем или другим историческим лицам римской рабовладельческой республики и явно идеализировали их. Итальянский, например, ученый Ферреро, считающийся одним из крупных буржуазных историков, называет Лукулла, который был грабителем и могильщиком богатых и пышных городов и эллинистической культуры Понта, защитником и покровителем эллинизма. „Повсюду он (Лукулл), —говорит Ферреро, —разграблял великие сокровища,

наслаждался ролью великого покровителя эллинизма, по-своему высказывая капризные выходки великодушия, беспримерного в военной истории Рима"[1]. Моммзен и Рейнак не только не обратили внимания на культурную и прогрессивную деятельность Тиграна в Армении, но они даже основание им эллинистического города Тигранакерта, который должен был стать центром и опорой эллинизации и развития культуры в его отсталой стране, склонны были приписать деспотической прихоти и кичливой надменности Тиграна. В „Римской истории" Моммзена ясно заметно, кроме того, его явно неприязненное отношение к Востоку и народам Азии. Он особо подчеркивает, например, что на Востоке „подданный верен, как собака, и фальшив, как собака"[2]. По его мнению, азиатцам свойственна „готовность принимать на себя в угодливость султану роль палача"[3]. Такое произвольное и необоснованное принижение „подданных" Востока и, наоборот, явная идеализация Лукулла и Помпея, а также и республиканского рабовладельческого Рима, являясь антинаучной тенденцией, мешали, конечно, выяснению в работах Моммзена, Рейнака и Ферреро действительной и неприкрашенной истории Рима и Востока в эпоху Тиграна Второго.

Нам кажется, кроме того, что следует решительнейшим образом отвергнуть господствующее в европейской историографии мнение, будто бы понтийско-римские и армяно-римские войны имели характер крайне ожесточенной общенациональной и священно-религиозной борьбы Востока с Западом[4]. Моммзен находит даже возможным утверждать, что эти войны „были началом восстания против римлян, вызванного совершенно иными и гораздо более глубокими причинами несочувствия,—они были началом реак

---

[1] См. „Величие и падение Рима", т. I, перевод *А. Захарова.* Москва, 1915, стр. 184.

[2] „Римская история", т. II, перевод *В. Н. Неведомского,* Москва 1887, стр. 271.

[3] Ibidem, стр. 290.

[4] См. *Моммзен,* Римская история, т. III, Москва, 1887, стр. 59—60 и *Reinach,* Mithridate Eupator, стр. 365.

ции азиатцев против западных народов"[1]. Точно также указывает и Рейнак, что эти войны были проявлением „старого антагонизма Азии и Европы"[2]. На самом же деле эти войны, предпринятые рабовладельческим республиканским Римом с целью ограбления и финансовой эксплоатации восточных стран, велись не против „варварского" Востока, а против двух прогрессивных монархов, которые всячески стремились преобразовать свои государства путем широкого насаждения в них городов греческого типа и эллинистической культуры, а также и развития торговли, ремесл и промышленности. Об этой преобразовательной деятельности Митридата и Тиграна следует, как нам кажется, признать правильным мнение французского ученого Моргана. „Сокрушив Митридата и Тиграна,—говорит Морган,—римляне клали конец македонской культуре в Азии, в которой из всех прежних государств, возникших после завоевания Александра Великого, оставались лишь обломки и только царьки, неспособные поддержать былую славу эллинов. Два великих царя Понта и Армении были последними монархами, которые были способны возродить в своих государствах передовую цивилизацию Эллады"[3].

Из сказанного видно, что главная ответственность за позднейший культурный регресс Ближнего Востока всецело ложится на Рим. Империалистическая республика не только разграбила и опустошила ближневосточные страны во время завоевательных походов, но она продолжала разорять их и после подчинения римской власти путем жесточайшей финансовой и ростовщической эксплоатации. Как известно, беспрерывным потоком направлялись в Италию и Рим расхищенные богатства и сокровища Востока и уводилось в рабство его сельское, рабочее и ремесленное население. Нетрудно поэтому заключить, что причиной ненависти и антагонизма, как и глубокого разрыва, суще-

---

[1] *Моммзен*, Римская история, т. II, перевод *Неведомского*, Москва, 1887, стр. 273.

[2] Mithridate Eupator, стр. XI.

[3] См. *Jacques de Morgan*, Histoire de peuple arménien, Paris, 1919, стр. 80.

ствовавшего в последующие века между Востоком и Западом, был, главным образом, рабовладельческий и ростовщический Рим.

В заключение мы считаем нужным отметить также, что в отличие от работ Моммзена, Рейнака, Ферреро и др., в которых история Тигранидской Армении изложена бегло и сжато, в зависимости и связи с историей Рима или же Понта, в нашем исследовании она впервые подробно изучена в рамках истории самой Армении, с которой названные ученые не были обстоятельно знакомы.

Не считаем излишним также указать, что при помощи выводов недавно изданного историко-географического моего исследования, в котором точно определены направления древних магистральных путей Армении и установлены названия и местоположения большинства станционных пунктов мировой римской карты Tabula Peutingeriana, в настоящей моей работе выяснены впервые также невыясненные маршруты римских войск в Армении и Закавказье и приведены семь маршрутных карт, иллюстрирующих военные походы Лукулла и Помпея.

2. ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ ДО ТИГРАНА II

Владычество Александра Македонского и Селевкидов положило в истории Передней Азии начало не только широкому экономическому развитию и быстрому культурному подъему страны, но, отчасти, и социальному ее преобразованию.

Македонское господство явилось для Передней Азии исключительной эпохой бурного расцвета ее торговли, ремесл и промышленности, возникновения многочисленных эллинских колоний и городов и зарождения эллинистической городской культуры, в результате чего все дальнейшее ее развитие получило совершенно новое направление.

Эллинский Запад, завоевав в 334—330 гг. до н. э. всю Переднюю Азию и основавший здесь крупную завоевательную державу, простиравшуюся до Индийского океана и северовосточных областей Ирана, обратил эту богатую страну в арену широкой колонизации. Он стремился преобразовать Восток через эллинистические автономные города и колонии, а затем и вовсе слить его с собою. Ту же политику эллинизации после Александра Македонского и его преемников проводили,—особенно в первый период своего владычества,—и Селевкиды.

Однако, эта политика эллинизации, равно как и длительное присоединение обширного Востока, оказались для господствовавших эллинов предприятием чрезвычайно трудным, значительно превосходившим их сравнительно слабые силы.

Процесс постепенного разложения и расчленения великой завоевательной державы Селевкидов начался еще при наиболее могущественных ее царях. Приблизительно к 305

году Селевкиды лишились прежде всего своих индийских владений. Затем около 255 г. отложились Бактрия и Согдиана. В этот же период времени отвоевали у них свою самостоятельность или независимость Каппадокия, Понт, Армения и Атропатена. Наконец, в том же третьем и в следующем—втором вв. (до н. э.) выступили против них новые и могущественные их соперники—парфянские Аршакиды и Рим, которые впоследствии должны были постепенно унаследовать все Селевкидское царство.

Основателем Парфянского царства считается Аршак I, происходивший из родственного парфянам кочевого племени апарнов, или парнов. Став во главе своих соплеменников, около 250 г. до н. э. он поднял против Селевкидов восстание, в котором был убит их сатрап. После смерти Аршака I его брат и преемник—Тиридат, или Аршак II, одержав решительную победу над Селевком II Каллиником (248—210 гг.), окончательно утвердился в Парфии, а вскоре после этого он захватил и соседнюю Гирканию с ее центром в городе Задракарте, в нынешнем Астрабаде.

Парфянское царство, образовавшееся на северовосточной границе великого царства Селевкидов, вначале, как видим, не представляло еще сколько-нибудь крупного государства. Великодержавная ее экспансия, положившая конец дальнейшему распространению власти Селевкидов и продвижению эллинизма на иранском Востоке, начинается при Митридате I (в 171—138 гг. до н. э.). Использовав внутренние распри Селевкидов, Митридат завоевал их восточные земли—от индийского Кавказа до реки Евфрата и границ Каппадокии[1]. Западный эллинизм был, таким образом, вынужден сдать свои политические и культурные позиции восточному иранизму. Под властью Селевкидов остались на время лишь Северная Сирия и Киликия.

В том же втором веке, когда парфяне захватывали одну за другой восточные области Селевкидов, против царства Селевкидов и других мелких эллинских государств выступил на западе Рим.

---

[1] См. *M. Juniani Justini*, Epitoma historiarum Philippicarum Pompeii Trogi, XLI, 5, 8.

Распространение римской власти на восточные страны Средиземноморья началось уже после второй пунической войны (218—201 гг.). Решительная победа, одержанная римлянами над Антиохом Великим при Магнезии в 190 г., дала им возможность упрочить свое влияние на мелкие государства Малой Азии. Как в Греции, так и здесь, Рим выступил вначале в роли покровителя и освободителя мелких государств и угнетенных народов. В действительности же он преследовал свою определенную политическую цель— посеять взаимную вражду среди этих дружественных мелких государств, возбудить их друг против друга и, обессилив их, утвердить повсеместно свое господство.

Став полным хозяином в Греции и Македонии, Рим вскоре сбросил с себя маску бескорыстного освободителя и в 133 году вторгнулся в Малую Азию в качестве завоевателя и утвердил свою власть в Пергаме. Завещание Пергамского царя Аттала III, коим последний оставил свое царство и все свое достояние в наследство Риму, следует приписать, по всей вероятности, энергичным усилиям вероломной и ловкой римской дипломатии. Пергам после этого превратился в римскую область под названием „Провинция Азия".

Это вторжение агрессивного завоевателя Рима в Азию знаменовало, как будет показано ниже, начало тех бедствий и опустошений, которые своими последствиями оказались роковыми и гибельными для дальнейшего экономического и культурного развития эллинистического Востока.

Восток покоряли с целью его эксплоатации и эллинские завоеватели; но они, как указано выше, одновременно основывали здесь сотни городов и колоний, создавали благоприятные условия для развития торговли, ремесл и промышленности и тем самым способствовали общему прогрессу страны. Между тем владычество Римской республики в 1 в. (до н. э.) явилось для восточных стран злополучной эпохой их экономической и культурной деградации: римляне лишь выкачивали из них несметные богатства, уводили бесчисленное количество рабов и разграбляли и разоряли местные эллинистические города и государства.

Следует при этом отметить, что разоряли и расхищали Азию не только прославленные полководцы Римской республики или же чиновники и откупщики последней, толпами стекавшиеся вслед за ними на Восток, но и ее знаменитые политические деятели, даже из лагеря прогрессистов. Так, по предложению народного трибуна Гая Гракха был издан в 123—122 гг. ряд законов, в большинстве своем не имевших, правда, непосредственного отношения к Востоку, но крайне усиливших и без того тяжелую эксплоатацию Провинции Азии. Достаточно вспомнить хотя бы хлебный закон (lex frumentaria), согласно которому в столице производилась раздача римским гражданам хлеба по дешевой цене. Закон этот послужил Гракху основанием к тому, чтобы обложить Провинцию Азию новыми и тяжкими налогами, как прямыми, так и косвенными. Мало того, самое взимание налогов он предоставил по специальному декрету на откуп богатому финансовому сословию всадников, желая этим обеспечить их сотрудничество в своей борьбе с патрицианской аристократией. Положение осложнялось еще тем, что законом Семпрония (lex Sempronia judicaria), изданным в том же 123 году, тому же сословию всадников была предоставлена здесь и вся уголовная юрисдикция.

Опутанная благодаря этим законам густою сетью самовластия алчных римских откупщиков и ростовщиков, Провинция Азия, вполне понятно, должна была быть в конце концов истощена и обескровлена экономически[1]. Невыносимое положение как самой провинции, так и союзных Риму малоазиатских государств, с правдивой искренностью отмечает в своей истории Ливий. Куда вступали римские откупщики,—пишет он,—там оказывалось бессильным публичное право и упразднялись свободы союзников[2].

Хлынувшие из Рима и Италии крупные и мелкие ростовщики, равно как и агенты римских банков, жестоко эксплоатировали не одну только Провинцию Азию. Они с

---

[1] Ср. *Victor Chapot*, La province romaine proconsulaire d'Asie, Paris, 1914, стр. 41—49.

[2] Liv., XLV, 18.

одинаковой жестокостью эксплоатировали и союзные Риму мелкие государства Малой Азии: Вифинию, Галатию и Каппадокию. Рано или поздно и эти союзники Рима должны были лишиться своей призрачной независимости и стать жертвой агрессии хищнического римского государства.

Насколько тяжело было римское господство в Азии, видно из следующего яркого и образного описания немецкого историка Т. Моммзена:

После введения в действие вышеупомянутых законов,— говорит Моммзен,—„и без того уже тягостное римское владычество превратилось в Азии в такой невыносимый гнет, что ни царский венец, ни хижина поселянина не были ограждены от конфискации; что каждый колос рос для римского сборщика десятины; что каждый ребенок свободных родителей, повидимому, появлялся на свет для того, чтобы сделаться жертвою торговцев рабами ... и если бы в этих мирных странах и среди живших там изнеженных народов появился человек, способный подать сигнал к всеобщему восстанию, то там можно было ожидать самых изумительных и самых страшных событий“[1].

И действительно, вскоре, как увидим ниже, вспыхнуло сперва в Малой Азии, а затем также в Греции крупное восстание, перероставшее постепенно в социальную революцию. Поджигателем этих потрясающих исторических событий явился Митридат Понтийский, могущественный и непримиримый соперник римлян.

Понтийское царство—главный участник этих великих событий—было расположено на юге Черного моря, между Вифинией, Галатией, Каппадокией и Малой Арменией. При владычестве Ахеменидской Персии страна эта, с ее населением из семитических, арийских и коренных малоазиатских племен, подверглась сильному влиянию иранского быта и культуры. Но в приморских городах Понта—Сипопе, Амизе, Трапезунте и других еще до появления Ахеменидов были основаны греческие колонии, ставшие мощным оплотом

[1] См. „Римская история“, т. II, перевод *Неведомского*, Москва, 1887, стр. 269.

для распространения эллинской культуры и языка. Персидская знать, которая владела здесь землями и поместьями, составляла значительную часть господствующего класса Понта. Из знатнейшего персидского рода происходил и Митридат 1 (302—266 гг. до н. э.), считающийся основателем Понтийского царства.

Это молодое государство, успевшее значительно расширить свои границы еще при первых преемниках Митридата 1, достигло вершины своего могущества и славы в начале первого века (до н. э.), в царствование Митридата Евпатора, прозванного Великим (111—63 гг.). За короткий срок этот могущественный царь завоевал древнюю Колхиду до Диоскурии и до нынешнего Сурама, Таврический Херсонес и соседние скифские земли в нынешней Южной России, а также Малую Армению на юго-востоке Понта, составлявшую до этого отдельное государство. В результате этих крупных завоеваний Понт сделался величайшим государством в Малой Азии и наиболее могущественным противником великодержавного Рима.

К югу от Понта и Малой Армении была расположена Каппадокия, граничившая с древней армянской Софеной и простиравшаяся до Киликии—на юге, до Ликаонии—на западе, и до Галатии—на северо-западе. В Каппадокии также, как и в Понте, в первые годы владычества Селевкидов образовалось отдельное государство, основателем которого был Ариарат II (предположительно в 301—280 гг.), происходивший, как и понтийский царь Митридат I, из знатного персидского рода. Ариарат II, согласно свидетельству Диодора Сицилийского[1], сумел завладеть Каппадокией при содействии царя арменов Ардоата (Ἀρδοάτης), предоставившего ему вспомогательные войска. Господствующий класс и в Каппадокии, как и в Понте, состоял большей частью из помещичьей персидской знати, и страна, со времен владычества Ахеменидов, находилась под влиянием иранской государственности и культуры. Однако и здесь в городах утвердился эллинизм, пользовавшийся сильным влиянием, главным образом, среди высших слоев населения.

---

[1] *Diod.* XXXI, 19,5.

В исторических событиях периода Митридата и Тиграна, кроме Понта и Каппадокии, принимали участие также Вифиния и Галатия.

Вифиния находилась в северозападном углу Малой Азии, у берегов Черного моря, Босфора и Пропонтиды, и простиралась до Пафлагонии—на востоке, до Галатии—на юго-востоке и до Мизии—на юге. Название свое страна получила от фракийских вифинов, переселившихся вместе с другими фракийскими племенами с Балкачского полуострова в Малую Азию. Переселенцы эти образовали здесь свое государство Вифинию, полунезависимое при владычестве Ахеменидов и ставшее независимым в начале третьего века. Вифиния, как и другие западные районы Малой Азии, находилась под сильным влиянием эллинистической культуры.

В центре Малой Азии была расположена Галатия, граничившая с Вифинией, Понтом и Каппадокией. Наименование свое страна получила от галатов, или кельтов, явившихся в 277—276 гг. (до н. э.) через Фракию в Малую Азию и поселившихся здесь во Фригии. Этот пришлый и воинственный народ, делившийся на три племенных ветви с отдельными родами внутри каждой из них, не сумел создать себе монолитного государства и потому стал игрушкой в руках ловкой римской дипломатии.

Галатия, Вифиния и Каппадокия, как будет видно из дальнейшего изложения, сделались послушными союзниками агрессивного римского государства и вместе с римскими войсками принимали участие во всех крупных, как римско-понтийских, так и армяно-римских войнах.

3. ДИНАСТИЯ АРТАКСИАДОВ И ТИГРАН II

После падения Ахеменидской Персии ни Александр Македонский, ни Селевкиды не могли сколько-нибудь прочно и продолжительно овладеть Арменией.

Вместо двух персидских сатрапий, на которые делилась Армения при Ахеменидах, здесь образовались три отдельных княжества—Малая Армения, Софена („Цопк") и Великая Армения, правителями которых являлись или потомки бывших сатрапов, или же местные армянские князья. Эти армянские княжества, хотя и считались сатрапиями государства Селевкидов, однако, вассальная их зависимость от Селевкидов часто носила почти номинальный характер.

Поражение Антиоха Великого при Магнезии (в 190 г. до н. э.) послужило сигналом к всеобщему движению за независимость не только в Малой Азии, но и на всем Армянском нагорье. После этого поражения два полководца Антиоха Великого, управлявшие с его согласия Великой Арменией и Софеной, как рассказывает Страбон [1], перешли на сторону римлян и объявили себя независимыми царями.

В первой половине второго века армянские земли все еще оставались, таким образом, расчлененными на три отдельные страны с особым царем во главе каждой из них. В Малой Армении царствовал союзник Фарнака Понтийского (190—169 гг.) Митридат; в Великой Армении—Арташес; в Софене, Акисене, Одоманте и в нескольких других областях—Зариадр.

Наиболее могущественным и обширным из этих трех царств, как видно из заслуживающего внимания свидетельства греческого историка Полибия, была Великая Армения.

---

[1] *Strabo*, XI, 14, 15.

Упомянутого Арташеса он называет *„правителем наибольшей части Армении“*.[1] То же самое подтверждает и Страбон.

„Говорят,—свидетельствует Страбон,—что вначале Армения была мала, но что она увеличена была Артаксием и Зариадром ... Они расширили пределы своих владений, отрезавши куски земли у соседей, а именно: у мидийцев отняли Каспиану, Фавнитиду, Басоропеду; у иберов—склон горы Париадра, Хорзену, Гогарену, лежащую по ту сторону Куры; у халибов и моссинойков—Каренитиду и Ксерксену, которая граничит с Малой Арменией или составляет часть ее; у катаонов—Акилисену и местность на Антитавре; у сирийцев—Тамориту“[2].

Из приведенного свидетельства Страбона видно, что Арташес покорил Каспийскую страну, или Пайтакаран (Κασπιανή), Васпуракан (Βασοροπέδα), Фавнитиду (?), склоны Париадра (т. е. Тайк), Хорзену (Χορζηνή)[3], Гугарк (Γωγαρηνή), область Карин (Καρηνῖτις), Дерджан (Ξερξηνή)[4] и Тморик (Ταμωνῖτις)[5]. Зариадр же покорил область Акилисену (Ἀκιλισηνή) и страну, расположенную в районе Антитавра. Продолжая свой рассказ, Страбон сообщает далее, что при нем жители этой расширенной Армении все были единоязычны, т. е. говорили на армянском языке. Принять это утверждение Страбона мы можем, конечно, лишь с определенной оговоркой. Известно, что в различных районах Армении, еще при Сасанидах, и даже после них, жили разноязычные племена. Свидетельство Страбона следует, пови-

[1] См. „Всеобщая история в 40 книгах“, перевод *Мищенко*, т. I-III, Москва, 1890—1899, XXV, 2, 12.

[2] *Strabo*, XI, 14, 5 (528).

[3] Название Χορζηνή Маркварт предлагает исправить и читать Χολαρζηνή, см. Eranschahr nach der Geographie des Ps. Moses Xor., Berlin, 1901, стр. 116.

[4] Ξερξηνή следует исправить в Δερξηνή (у *Плиния* Nat. Hist., 5, 83—Derxene, Derzene), ср. *Hübschmann H.*, Die altarmenischen Ortsnamen, Strassb., 1904.

[5] В греческом тексте Страбона Ταμωνῖτις следует исправить в Ταμωρῖτις. См. *Markwart*, Eranschahr, стр. 170.

димому, понимать в том смысле, что при нем в Армении господствующим и наиболее распространенным языком был армянский.

Кроме Великой Армении и Софены, в том же втором веке (до н. э.) расширилась и Малая Армения, покорившая область Западного Париадра и северовосточные приморские районы Понта и раздвинувшая, таким образом, свои границы до Черного моря.

„Малая Армения,—говорит Страбон,—достаточно плодородная страна. Ею, как и Софеною, управляли всегда собственные князья, то состоявшие в дружбе с прочими арменами, то независимые от них. Под владычеством их находились также тибарены и халдаи, так что царство их простиралось до Трапезунта"[1].

Таким образом, в Армении и на севере Каппадокии вместо единого и монолитного государства образовались три независимых армянских царства. Понятно, что подобная разбросанность арменов и указанное расчленение их страны должны были служить преградой для их общего и дружного сотрудничества.

Необходимость объединения этих армянских земель сознавалась больше всего, повидимому, именно в этот период их политического развития. Известно, что Арташес I, так сильно раздвинувший границы Великой Армении, готовился завладеть и соседней Софеной. Однако, усиления Великой Армении и политического объединения армянских земель не могли допустить ни Каппадокия, ни Понт. Малая Армения и Софена, независимости которых угрожала опасность со стороны могущественного царства Артаксиадов, тесно примкнули к чужеземным этим государствам, уповая на их помощь против нависшей над ними опасности. Диодор Сицилийский рассказывает[2], что присоединить Софену к Великой Армении не удалось Арташесу лишь вследствие вмешательства каппадокийского царя Ариарата V. И если

---

[1] *Strabo,* XII, 3, 28.

[2] *Diod,* (exc. de virtut.), XXXI, 22.

Меружан, сын Зариадра, бежавший в Каппадокию при наступлении Арташеса, получил обратно отечественное царство, то этим он был обязан исключительно помощи, оказанной ему Ариаратом.

О Великой Армении Артаксиадов литературные источники сохранили, к сожалению, лишь отрывочные и случайные сведения. Из сообщений их представляют особую ценность свидетельства Страбона и Плутарха о столице Арташате, которая была основана Арташесом I, по всей вероятности, в 166 г. (до н. э.)[1].

„Города Армении, — говорит Страбон, — следующие: Артаксата, которую называют также Артаксиасатою и которую основал Ганнибал для царя Артаксия, и еще Арксата; оба города лежат на Араксе: Арксата — на границах Атропатены, Артаксата — подле Араксенской равнины; последняя прекрасно отстроена и служит царской резиденцией. Город этот расположен в углублении, похожем на полуостров; кругом его, исключая перешейка, тянется перед рекою стена; перешеек его обведен рвом и насыпью“[2].

Что город Арташат был основан по совету Ганнибала и по его указаниям, об этом подробно свидетельствует и Плутарх в следующем своем сообщении:

„Рассказывают, — говорит Плутарх, — что карфагенянин Ганнибал, после поражения Антиоха римлянами, отправился к армянину Артаксию. Он наставлял и руководил им в полезных начинаниях и, между прочим, заметив в стране прелестное и удобнейшее место, невозделанное и запущенное, начертил на нем план города; он повел туда Артаксия и, показав место, убеждал его основать там город“ (Лукулл, XXXI, 5).

Многие из историков считают сомнительными как основание Арташата по совету Ганнибала, так и бегство по-

---

[1] *Fabricius*, Theophanes von Mitylene und Q. Dellius, als Quellen der Geographie des Strabons, Strassburg, 1888, стр. 32, 131.

[2] См. *Страбон*, XI, 14, 6 (перевод *Мищенко*).

следнего в Армению. Тем не менее, вышеприведенные свидетельства весьма ценны, так как они вполне определенно удостоверяют самый факт основания города Арташата во втором веке при Арташесе I. Представляют, кроме того, особый интерес и исключительную ценность сведения, сообщаемые Страбоном о местоположении города Арташата и об его укреплениях.

Основание Арташата в Айраратской равнине можно считать одним из важнейших деяний Арташеса. Айраратская равнина с тех пор стала центром политического и культурного объединения Армении.

Выбор местоположения города был сделан удачно как с военной, так и с экономической точек зрения. Расположенная в центре Армянского нагорья, Айраратская равнина лучше была защищена от неприятельских нападений, чем окраинные районы Армении. Кроме того, через эту равнину, и именно мимо Арташата, пролегал магистральный путь транзитной торговли, шедший из Средней Азии и Китая к черноморским портам.

Основатель династии Артаксиадов является, таким образом, и первым организатором Великой Армении, которая еще при его жизни стала обширным государством, расположенным в пределах почти всех своих естественных границ и простиравшимся от Северной Месопотамии до реки Куры и от Атропатены до Софены и Малой Армении. Сделавшись одним из сильных государств Передней Азии, Великая Армения с этих пор принималась во внимание в международных отношениях и играла в них определенную роль. Полибий, описывая войну, которую вели в 180 году Фарнак Понтийский и царь Малой Армении Митридат против царей Пергама, Капподокии и Вифинии, приводит в своей Истории подписанный ими мирный договор и свидетельствует, что в этом договоре участвовал также „правитель наибольшей части Армении Арташес"[1].

Подобное усиление независимой и сплоченной Армении оказалось опасным для бывшего сюзерена армянских зе-

---

[1] *Polyb.*, XXV, 2, 12.

мель—царства Селевкидов. Приблизительно в 165 году (до н. э.) Антиох IV (175—164 г.г.), как свидетельствуют Диодор Сицилийский и Аппиан[1], предпринял поход в Армению. Арташес I потерпел поражение в этой войне, но он вскоре сумел восстановить свои утраченные права.

Из другого сообщения Диодора Сицилийского[2] известно, кроме того, что селевкидский сатрап Тимарх, восставший и объявивший себя царем Мидии (в 161 г.), имел союзный договор с Арташесом I и с его помощью расширил границы своего царства до Селевкии и Зевгмы.

Эти сведения источников, скудные и случайные, не дают, конечно, ясной и полной картины тех крупных перемен, которые произошли в Армении при Арташесе I. Однако, и приведенные отрывочные указания свидетельствуют о том, что с образованием независимого и сильного государства Артаксиадов в истории древней Армении наступила новая эпоха.

Заслуживает внимания и представляет особый интерес тот факт, что крупные исторические события этой эпохи нашли свое отражение в древних эпических песнях и народных преданиях, которые были использованы Моисеем Хоренским. О том, что Арташат был основан Арташесом, Хоренский знал, как свидетельствует он сам, „из песен випасанов (рапсодов), которые пелись в Гохтне“[3].

У Хоренского, как я уже отмечал в одном из своих предыдущих трудов[4], сохранились также и определенные воспоминания об исторических событиях и войнах, происходивших в Армении в эпоху Оронта-Ерванда и Арташеса I. Эти события были ему известны также из песен випасанов или же из древних армянских сказаний. Опорой этому новому предположению о войнах Арташеса I против Оронта-Ерванда могут, повидимому, служить греческие надписи,

---

1 См. *Müller*, Fragm. hist. graec., II, стр. X и *App.*, Syr., 45 и 46.

2 *Müller*, F. H. G., II. стр. XII.

3 См. История Армении *Моисея Хоренского*, перевод *Эмина*, Москва, 1893, кн. II, гл. 49.

4 См. мою работу „О торговле и городах Армении“, Эривань, 1930, стр. 97.

обнаруженные в Армавире, которые, к сожалению, до сих пор еще не изданы.

Сведений о Великой Армении и об остальных армянских царствах, относящихся к периоду времени после Арташеса I и до Тиграна II (95—55 гг. до н. э.), мы почти не имеем.

Из ценного сообщения Юстина известно лишь, что великое Парфянское государство, завоевавшее постепенно пограничные с Арменией селевкидские страны, вело войну также против армянского царя Артавазда. Последний, по всей вероятности, тот самый Артавазд, который упоминается в армянском эпосе как сын и преемник Арташеса I [1].

В упомянутом свидетельстве Юстин сообщает:

„Артавану наследовал сын его Митридат, прозванный за свои подвиги Великим ... С большим мужеством он вел многочисленные войны против соседей и присоединил к Парфянскому государству много народов. Он вел несколько удачных войн также против скифов и отомстил им за обиды, причиненные его предкам. Впоследствии он воевал с царем арменов—Артаваздом". [2]

Не только из этого свидетельства Юстина, но также и из других свидетельств письменных источников известно, что парфянам удалось окончательно покорить страны Месопотамии и Атропатены именно при Митридате II Великом (123—88 гг. до н. э.). Следовательно, можно с уверенностью предположить, что поход Митридата Великого против Артавазда имел место после покорения соседних с Арменией стран и что поход этот был предпринят им, повидимому, со стороны Атропатены и с участием, как полагает Маркварт, союзного и вассального атропатенского царя [3].

Хотя во время этой армяно-парфянской войны парфянам не удалось покорить Армению, но они нанесли, пови-

---

[1] См. *Моисей Хоренский*, I, 30; II, 50, 51—53, 55, 61 и 62.

[2] *Just.*, Epit., XLII, 2, 3—6.

[3] Eranschahr, стр. 109.

димому, армянам поражение и, как свидетельствуют Юстин и Страбон, взяли в качестве заложника Тиграна II[1].

Что во время нашествия Митридата Великого Армения не была покорена им, видно еще из следующего сообщения Страбона:

„В настоящее время,—говорит Страбон,—парфяне владычествуют над мидийцами и вавилонянами, но они никогда не покоряли своей власти армян. Правда, они часто вторгались в Армению, но никогда не покоряли их себе силою, потому что Тигран всегда оказывал сильное сопротивление, как рассказывали мы в описании Армении“ [2].

Интересны свидетельства Аппиана и Страбона о Тигране, который был заложником у парфян. Тигран II, по словам Аппиана, был сыном не Артавазда, а одноименного Тиграна [3]. Страбон же, говоря об Арташесе I и Зариадре, сообщает, что Тигран II происходил из рода Арташеса I.[4]

По вопросу о преемниках Арташеса I и о родстве Артавазда с Тиграном II в новейших исторических трудах имеются противоречивые мнения. Наиболее вероятным представляется из этих мнений предположение Рейнака, считающего Тиграна II, в полном согласии с утверждением Аппиана, сыном Тиграна I, Артавазда же братом последнего.[5]

Следует отметить, что от внимания историков и исследователей ускользнуло то существенное для вопроса обстоятельство, что указание Аппиана на происхождение Тиграна II, при ближайшем ознакомлении с историческим трудом Моисея Хоренского, находит подтверждение и в соответствующих свидетельствах его Истории. У Хоренского, как было отмечено выше, сохранились любопытные исторические воспоминания о первых царях из рода Арташеса I,

---

1 *Justin.*, XXXVIII, 3, 1, и *Strabo*, XI, 14, 15 (532).

2 *Strabo*, XVI, 1, 19 (745)—перевод *Мищенко*.

3 *App.*, Syr., 48.

4 *Strabo*, XI, 14, 15 (532).

5 *Reinach Th.*, Mithridate Eupator, стр. 104; *Markwart*, Eranschahr, стр. 173.

которые были ему известны из народного эпоса или древних сказаний. Основываясь на этих сказаниях, Хоренский свидетельствует, что сын и преемник Арташеса, Артавазд, был бездетен и что после Артавазда в Армении царствовал его брат Тиран[1]. Эти ценные сведения отца армянской истории, как видим, совпадают с вышеприведенным свидетельством Аппиана. На основании этих данных, мне кажется, мы можем считать вероятным, что Арташесу I наследовал сын его Артавазд; последнему—брат его Тигран I, Тиграну же I—сын его Тигран II.

Подробные сведения о Великой Армении, как указано выше, мы имеем лишь, начиная с Тиграна II.

Тигран II, бывший заложником у парфян, вступил на престол в 95 году (до н. э.). Дата его воцарения известна нам из сообщения Плутарха[2]. Согласно его свидетельству, в 70 году, когда Аппий Клавдий прибыл в качестве посла к Тиграну, последний царствовал до этого уже 25 лет.

В качестве выкупа за освобождение и за возвращение ему отечественного престола Тигран II, по словам Страбона[3], передал парфянам семьдесят долин, представлявших, по мнению Маркварта[4], те области, которые Арташес I завоевал в Атропатене.

По освобождении из плена и возвращении на родину, Тигран, согласно свидетельству Аппиана, возложил на себя царскую корону в том именно месте Армении, где впоследствии им был основан город Тигранакерт. Из этого свидетельства Аппиана видно, что древняя область Ахдзник, или Арзанена, в которой на месте нынешнего Фаркина определено в последнее время местонахождение древнего города Тигранакерта, находилась не в Софене, а в пределах царства Артаксиадов, в Великой Армении[5].

Первым делом Тиграна II после воцарения было присоединение к своему царству соседней Софены. Царь Со-

---

[1] *Моисей Хоренский*, II, 61.

[2] *Plut.*, Lucull., XXI.

[3] *Strabo*, XI, 14, 15.

[4] Eranschahr, стр. 109.

[5] *Markwart*, Südarmenien und die Tigrisquellen. Wien, 1930, стр. 119.

фены Артанес (94 г. до н. э.) не мог рассчитывать на помощь своего союзника и покровителя—каппадокийского царя, так как Каппадокия в это время едва сама охраняла свою номинальную независимость при помощи римлян.

„Тигран был, — рассказывает Страбон, — потомок Артаксия; он владел собственной Арменией, которая граничила с Мидией, Албанией и Иберией до Колхиды и Каппадокии при Евксине. Потомком же Зариадра был софенец Артанес, владевший южными и, главным образом, западными частями Армении. Он был побежден Тиграном, который и сделался обладателем всей этой страны“ [1].

Под властью Тиграна II, таким образом, объединились Восточная и Западная Армения, которые как при Ахеменидах, так и при Селевкидах, представляли отдельные и самостоятельные страны. Третье же армянское царство—Малая Армения, которая была расположена вне естественных границ Армянского нагорья, еще в конце второго века, т. е. до покорения Софены Тиграном, была завоевана и присоединена к Понтийскому царству Митридатом Евпатором.

С присоединением Софены могущественное и обширное государство Тиграна II граничило на западе, кроме Понта, также с Каппадокией. Соседями же Великой Армении на юге и востоке были мелкие государства—Озроена, Кордуена, Адиабена и Атропатена, находившиеся под верховной властью парфян; на севере же—Албания и Иберия.

Вскоре, после 94 года, на Востоке разгорелась продолжительная и упорная борьба между Римом и Понтом, борьба, в которой, как мы увидим, приняло участие и могущественное государство Тиграна II.

---

1 *Strabo*, XI, 14, 15.

4. АРМЯНО-ПОНТИЙСКИЙ СОЮЗ И ПОХОД ТИГРАНА II В КАППАДОКИЮ

В начале первого века (до н. э.) Понт, как указано выше, стал могущественным и крупным государством, сильно расширившим свои границы при Митридате Евпаторе, названном Великим.

Понт (или древняя Понтийская Каппадокия), при Ахеменидах бывший частью коренной, или Великой Каппадокии, был связан с этой последней не только культурными и религиозными, но, отчасти, и определеннными племенными узами. Но помимо этих исторических связей смежная с Понтом Каппадокия имела для Митридата также и крупное стратегическое значение, так как ее обширные северовосточные границы простирались до Малой Армении и выходили почти в тыл самого Понта. Нетрудно поэтому понять, почему Мидридат Великий всячески домогался присоединения к своему царству этой соплеменной и единоверной страны.

В 99 году (до н. э.) Митридату удалось осуществить фактическое завоевание Каппадокии, куда он назначил царем своего восьмилетнего сына—Ариарата IX. Но вскоре, в 95 году, он был вынужден подчиниться решению римского сената и понтийские войска должны были очистить Каппадокию, в которой был избран царем Ариобарзан 1 Римлянофил.

В царствование как раз этого Римлянофила, а именно в 94 году, Тигран II завладел Софеною, которая, как было сказано, была сопредельна с Каппадокией и издавна поддерживала с последней дружественные и союзнические отношения. При этих условиях было совершенно естественно, что Тигран рассматривал Каппадокию, эту бывшую защит-

ницу и покровительницу Зариадридского царства Софены, как опасную для Великой Армении соседку. Равным образом понятно и то, что Ариобарзан 1, этот послушный и покорный слуга римской политики, являлся преградой на пути осуществления вышеуказанных политических устремлений Понта, от которых не мог отказаться Митридат Евпатор.

В начале первого века (до н. э.) как Тигран, так и Митридат, одинаково должны были рассматривать Каппадокию, как общего врага, и вполне естественно, что они должны были стремиться к объединению своих сил против соседнего этого царства.

В моем труде „О торговле и городах Армении“[1]) я, опираясь на мнение Рейнака, полагал, что дружественная политика понтийских царей и, в частности, Митридата Евпатора по отношению к Армении, Атропатене и Иберии объясняется интересами крупной торговли Понта[2]. Дружба этих стран имела исключительное значение для Понта, так как крупные порты Понта являлись средоточием и узловыми пунктами обширной мировой торговли и международных транзитных путей, которые шли из Дальнего Востока и Средней Азии и через Экбатану и Арташат направлялись, главным образом, в понтийские города—Амиз и Синоп.

Эти дружественные отношения между Понтом и Великой Арменией приобрели еще более тесный и искренний характер при Тигране II. Исходя из общности жизненных интересов своих стран, Тигран II и Митридат Евпатор заключили в 95 (или 94) году дружественный союзный договор, имевший целью не подготовку армяно-понтийской войны против Рима, как об этом тенденциозно и сбивчиво рассказывает Юстин, а, вероятнее всего, оказание Тиграном II военной помощи Митридату против соседней Каппадокии. Согласно этому союзному договору, подкрепленному браком Тиграна с дочерью Митридата—Клеопатрой, стороны согласились, что покоренные города и области достанутся Митридату, пленные же и движимое имущество—Тиграну.

---

[1] „О торговле и городах Армении“, стр. 48.

[2] *Reinach*, Mithridate Eupator, стр. 78 и 234.

Свидетельство Юстина в части, касающейся этого договора, считаю необходимым привести в полном извлечении:

„В то время царем Армении, — рассказывает Юстин, — был Тигран, который давно уже был заложником у парфян и только недавно был возвращен в родное царство. Митридат сильно желал иметь его союзником против римлян, против которых он давно замышлял войну. И хотя римляне никогда не причиняли Тиграну какой-либо обиды, Митридат все же склонил его, через Гордия, к нападению на Ариобарзана, который был весьма слаб. Для того же, чтобы устранить всякое подозрение в какой-либо хитрости, он женил Тиграна на дочери своей — Клеопатре. При первом же нападении Тиграна Ариобарзан собрал свое имущество и бежал в Рим. При помощи Тиграна, таким образом, была восстановлена в Каппадокии власть Митридата. В это самое время умер Никомед [царь Вифинии] и Митридат изгнал из царства [Вифинии] сына его, так же называвшегося Никомедом. Когда последний явился в Рим просить о помощи, сенат вынес решение о том, чтобы оба царя [Ариобарзан и Никомед] были восстановлены в своих царствах. Для исполнения этого решения были отправлены в качестве легатов М. Аквилий и Манлий Малтин. Когда весть об этом дошла до Митридата, последний заключил союз с Тиграном, чтобы начать войну против римлян. Они договорились, чтобы города и земли принадлежали Митридату, люди же и все, что можно было перевозить, — Тиграну“[1].

Приведенное свидетельство Юстина, послужившее основанием для спорных заключений в европейской историографии, как совершенно правильно было отмечено Рейнаком, до того сбивчиво, что должно быть признано сомнительным[2].

---

[1] *Justin.*, XXXVIII, 3, 1—5.

[2] Mithridate Eupator, стр. 115, прим. 3.

В действительности же события 93—89 гг., которые путанно и сжато изложены в сообщении Юстина, как видно независимо от Юстина из других литературных источников, происходили в следующей последовательности.

В 93 году (до н. э.), непосредственно после присоединения Софены, Тигран II, побуждаемый Митридатом, как об этом свидетельствует и Юстин, напал на Каппадокию и занял всю страну. Ариобарзан бежал в Рим, и вместо него, в том же 93 году, вновь воцарился малолетний сын Митридата—Ариарат, опекуном которого был Гордий. Сдав завоеванную им Каппадокию сыну Митридата, Тигран II сам вернулся в Армению. Обстоятельство это, само по себе, дает, по моему, основание предположить, что упоминаемый Юстином договор, согласно которому покоренные города и земли должны были принадлежать Митридату, был заключен, вероятно, до 93 года.

Вскоре после этого, как видно из сообщения Плутарха[1], по приказанию римского сената был отправлен в Каппадокию пропретор Киликии Сулла, который нанес поражение войскам Гордия и Тиграна и возвратил престол Каппадокии союзнику Рима Ариобарзану I. В бытность Суллы на берегах Евфрата к нему явился туда в 92 г. посол парфянского царя Митридата II—Оробаз. Последний, по сообщениям источников[2], вступил в дружественные переговоры с Суллой и предложил ему установить границы между их государствами по течению реки Евфрата. Это сообщение источников доказывает совершенно ясно несостоятельность мнения Курта Экгардта, относящего войны Тиграна II с парфянами, равно как и присоединение Месопотамии и мелких вассальных парфянских царств к Армении, к периоду времени до 92 года[3].

Немедленно вслед за возвращением Суллы, вероятно в 91 году, на Каппадокию вновь совершили нападение Митраас и Багоас, повидимому, полководцы Тиграна. Арио-

---

[1] *Plut.*, Sylla, 5.

[2] Там же, 5, *App.*, Mithrid., 75, *Florus*, 70.

[3] *K. Eckhardt*, Die armenischen Feldzüge des Lukullus, Klio, Bd. IX, 4, стр. 403.

барзан и на этот раз бежал в Рим и его престол был отдан вновь сыну Митридата — Ариарату[1].

В том же 91 году, после смерти Никомеда II, возникли по вопросу о престолонаследии междоусобные распри в Вифинии. Рим назначил сюда царем старшего сына Никомеда II — Никомеда III. Однако, младший сын Никомеда II, Сократ, обратился за помощью к Митридату и, опираясь на понтийские войска, захватил сам всю Вифинию без согласия Рима.

Изгнанные цари — Ариобарзан I и Никомед III, как свидетельствуют Юстин и Аппиан, вновь отправились в Рим просить о помощи. Римский сенат на этот раз направил на Восток Мания Аквилия и Манлия Малтина, которые в 89 году без боя и без какого-либо сопротивления восстановили их в их царствах[2].

Приведенные фактические данные не оставляют сомнения в том, что свидетельство Юстина об исторических событиях 93—89 гг., отличаясь в целом неполнотой, в отдельных своих частях является, вдобавок, спорным и недостоверным.

Так, Юстин упоминает лишь первое нашествие Тиграна II на Каппадокию и умалчивает второй поход его полководцев Митрааса и Багоаса. Из его рассказа получается впечатление, будто Никомед III так же, как и Ариобарзан, бежал в Рим в 93 году, что не соответствует действительности. Наконец, союз Митридата с Тиграном Юстин относит не к 93 и 91 годам, когда они действовали во всем согласно заключенному ими договору, а к римско-понтийской войне 88 года, в которой, как будет показано ниже, Тигран не принимал никакого участия.

Относясь с доверием к этому сомнительному свидетельству Юстина, европейские историки дали вопросу об участии Тиграна II в событиях 93—84 гг. спорное и недостоверное освещение. Лишено достаточного основания, по-моему, прежде всего общераспространенное мнение о Тиг-

---

[1] *App.*, Mithrid., 10.

[2] *Justin.*, XXXVIII, 3, 4, и *App.*, Mithrid., 9—11.

ране, как о послушном и безмолвном орудии в руках Митридата Евпатора для осуществления последним своих политических целей[1]. Мы уже отметили выше, что участие Тиграна в завоевании Каппадокии в 93 году объясняется тем обстоятельством, что после присоединения Софены к Великой Армении Каппадокия оказалась опасной соседкой на западных ее границах. Нетрудно также догадаться, что для Армении имело важное значение и второе нашествие 91 года, так как в дружественных переговорах Суллы с парфянами (92 г.), как сообщает Плутарх[2], участвовал и царь Каппадокии Ариобарзан I Римлянофил. Соглашение о дружбе между парфянами, Римом и Каппадокией не могло, конечно, быть желательным для Тиграна II. И понятно поэтому, что, передавая Каппадокию Ариарату и Гордию, Тигран в сложившейся в то время военной и политической обстановке обеспечивал свой тыл на западе и укреплял свои политические позиции в грядущих армяно-парфянских войнах.

Следует считать крупным недоразумением также мнение Моммзена, Моргана и других[3] о том, будто союзный договор Тиграна II с Митридатом Евпатором касался не только Каппадокии, но и римско-понтийских больших войн 88—84 гг., которые, по их предположению, заблаговременно и совместно подготовляли Митридат и Тигран. Предположение это послужило названным историкам основанием для обвинения Тиграна II в нарушении им во время этих войн договора, заключенного с Митридатом[4]. Как мы увидим ниже, в конце девяностых годов (до н. э.) ни Митридат, ни Тигран не могли иметь намерения воевать с римлянами. Совершенно невероятно также, будто перед назрев-

---

[1] Ср. *Th. Reinach,* Mithridate Eupator, стр. 105; *Eckhardt,* там же, Klio, IX, 1, стр. 403—404; *Dolens* et *Khatch.,* Histoire des anciens Arméniens, Genève, 1907, и др.

[2] *Plut.,* Sylla, 5.

[3] *Моммзен,* Римская история, т. II, Москва, 1887, стр. 286; *J. Morgan,* Histoire du peuple arménien, Paris, 1919, стр. 70; *В. Брюсов,* Летопись исторических судеб армянского народа, Москва, 1918, стр. 24, и др.

[4] См., например, *Reinach,* Mithridate Eupator, стр. 311.

шими армяно-парфянскими войнами Тигран II мог начать безумную и авантюристическую войну против могущественного Рима.

Мне кажется, можно считать более чем вероятным, что римский источник, использованный Юстином, приурочивая заключение союза между Митридатом и Тиграном ко времени после прибытия Мания Аквилия на Восток и до возникновения римско-понтийской войны 88—84 гг., заведомо преследовал цель переложить ответственность за последовавшие войны на Митридата и Тиграна. На самом же деле, как увидим ниже, повод к этой войне был дан не Митридатом, а Манием Аквилием. Тигран же, не принимавший вовсе участия в этой войне, совершенно неосновательно обвиняется в нарушении союзного договора. По вышеуказанному договору он брал на себя обязательства исключительно в отношении Каппадокии, но не римско-понтийской войны.

Ошибочность и тенденциозность свидетельства Юстина об этом договоре, как будет видно из дальнейшего изложения, подтверждается и всеми последующими историческими фактами.

5. ПЕРВАЯ ВОЙНА С МИТРИДАТОМ (88—84 гг.)

Войну Митридата против Рима, равно как великую социальную революцию на Востоке и в Греции, я надеюсь рассмотреть подробнее в одном из своих последующих исследований. Теперь же я остановлюсь на этих событиях мимоходом и по тому специальному соображению, что некоторые из европейских историков, как например, Шпигель и Моммзен, ошибочно приписывают участие в этой войне и Великой Армении Тиграна II[1].

Относительно войны 88—84 гг. стало также господствующим мнение, будто Митридат Евпатор упорно готовился к ней и вооружался против римлян, поставив себе задачу изгнать их из Азии, для чего он и заключил предварительно союз с Тиграном II.

Предположения эти, по моему, нуждаются в пересмотре. Фактические данные источников, напротив, вполне определенно свидетельствуют о том, что Митридат прилагал все усилия к тому, чтоб избегнуть этой грозной войны. В Риме он тратил огромные суммы, чтобы через подкупленных им сенаторов добиться мирного разрешения спорных вопросов. Источником постоянного разлада с Римом служил не только вопрос о Каппадокии, но и особенно вопрос о Вифинии. Понт был кровно заинтересован в дружбе и нейтралитете Вифинии, так как около ее северо-восточных границ находился Босфорский пролив. Для приморского государства Митридата, пышные и богатые эллинистические города которого были крупными центрами мировой транзитной торговли, вопрос о черноморских проливах, естественно, представлял жизненный интерес.

[1] *F. Spiegel,* Eranische Alterthumskunde, Bd. III, Leipzig, 1878, стр. 92; *Моммзен,* Римская история, т. II, перевод *Неведомского,* Москва, 1887, стр. 286—287.

Что в 88 году Митридат, действительно, не желал войны с Римом, подтверждается свидетельствами и самих римских источников. Из этих источников мы знаем, что, несмотря на исключительную, политическую и экономическую важность, какую вопросы о Каппадокии и Вифинии имели для Понта, Митридат все-таки, желая избегнуть войны, не воспротивился восстановлению в своих царских правах свергнутых им же самим царей — Никомеда и Ариобарзана.

Ответственность за войну 88—84 гг. ложится, несомненно, не на Митридата, а на римского посла Мания Аквилия. Это он подговорил Никомеда напасть и разграбить северо-восточные области Понта до Амастриды и именно он принудил его за счет ограбленного понтийского населения возместить ему и римским финансистам расходы на его воцарение.

Митридат не оказал сопротивления и воздержался от войны даже при этом разбойничьем нападении Никомеда. Он продолжал вести мирные переговоры с Римом и просил лишь о том, чтобы ему было позволено защищаться и бороться против Никомеда. И лишь после того, как римские послы отказали ему и в этом, он пришел к убеждению, что дальнейшие переговоры бесполезны и что единственным средством самозащиты является война.

> „Против разбойника,—воскликнул он,—ведь каждый прибегает к оружию, если и не для спасения, то, по крайней мере, для отомщения“ [1].

Мирные переговоры Митридата, как правильно полагал Моммзен, представляли не хитрый дипломатический маневр, а искреннее стремление его избегнуть войны, которой он не желал и которую он считал тяжелой и опасной.

> „Хотя разрыва,—говорит Моммзен,—не желали ни римский сенат, ни Митридат, ни Никомед, но его желал Аквилий,—и война началась“ [2].

Хотя Моммзен признает, что Митридат не желал войны с Римом, но он, тем не менее, предполагает, будто еще до

[1] *Justin*, XXXVIII, V, 2.

[2] *Моммзен*, Римская история, II, Москва, 1887, стр. 286.

МИТРИДАТ ЕВПАТОР

начала этой войны Митридат заключил новый и более тесный союз с Тиграном и получил от него вспомогательную армию [1].

Предположение Моммзена о заключении Митридатом нового союза с Тиграном, основанное, несомненно, на вышеозначенном свидетельстве Юстина, как мы видели, совершенно неправдоподобно. Результатом простого недоразумения является также, как указывает в одной из своих статей Рейнак [2], и другое предположение Моммзена о том, что будто вспомогательную армию Митридат получил от Тиграна еще до начала войны.

На участие в этой войне десятитысячного отряда арменов имеется, действительно, указание у Аппиана [3]. Последний, кроме основного войска Митридата (τὸ οἰκεῖον), состоявшего из 250.000 бойцов пехоты и 40.000 кавалерии, особо упоминает также вспомогательную десятитысячную конницу Малой Армении (συμμαχικά). Конница эта, как известно из свидетельств источников, под предводительством сына Митридата Ариарата и, вероятно, армянского полководца Немана, или Наймана, участвовала в двух крупных и победоносных битвах у реки Амния и под Протопакией. Но отряд этот был не вспомогательной армией, доставленной Тиграном, а конницей Малой Армении, которая в то время была, повидимому, присоединена к Каппадокийскому царству Ариарата [4].

После первых же побед Митридата у реки Амния и под Протопакией борьба в Малой Азии приняла постепенно характер сначала национальной, а затем социальной революции. Победоносное вступление понтийских войск в западную Малую Азию вызвало огромное воодушевление среди, главным образом, эллинских националистов и, особенно, демократов. Последние питали безмерную ненависть к жестокой власти Рима, который, упразднив независимость

[1] Там же, стр. 286 и 287.

[2] Revue des études grecques, II, стр. 384.

[3] *App.*, Mithrid., 17.

[4] *Reinach,* Mithridate Eupator, стр. 122, прим. 1.

эллинов и став на защиту знати и плутократии, совместно с ними притеснял народные массы. О том, насколько эти притеснения были жестоки, свидетельствуют сами римские источники. Цицерон, например, указывает, что одно наименование „римлянин“ вызывало в Азии отвращение; налоги же, десятины и таможенные сборы, являлись здесь орудием смерти.

Митридат, который перед войной путешествовал тайно по Малой Азии и был знаком с ее внутренним положением, с самого начала войны стал защитником и покровителем эксплоатируемого малоазиатского населения. Пленных малоазиатцев солдат он не только освобождал и отпускал по домам, но и снабжал их деньгами на дорожные расходы.

В 88 году, в течение самого короткого времени, Митридат завоевал почти всю Малую Азию. Население принимало его с распростертыми объятиями и почитало его как освободителя и нового Дионисия. Его, как и Александра Македонского, считали здесь основателем новой эллиноазиатской империи.

Беспощадные хищения, производившиеся римлянами-завоевателями свыше сорока лет, породили здесь ярую и безудержную ненависть к Риму и, особенно, к его откупщикам и ростовщикам. И можно признать вполне вероятным мнение английского историка Меривеля [1] о том, что резню в Малой Азии около 80.000 италийцев следует приписать скорее этому чувству ненависти и злобы, чем предварительным секретным инструкциям Митридата.

Уже в 88 году пожар восстания охватил постепенно всю Малую Азию и в освобожденной стране вскоре стихийно разгорелась одна из величайших социальных революций, перекинувшаяся затем и в Грецию.

Летом того же 88 года в Греции подняли восстание афиняне, которым их посол сообщил из Малой Азии, что они, сбросив с себя римское иго, освободятся от долгов и восстановят свою прежнюю демократию и свои прежние свободы.

---

[1] General history of Rom, 1875.

К концу 88 года понтийские войска под предводительством сына Митридата—Ариарата вступили в Европу и заняли Фракию и часть Македонии. Здесь вместе с основными войсками Ариарата, являвшегося в то время царем не только Каппадокии, но, повидимому, и Малой Армении, принимала в сражениях участие также упомянутая выше армянская конница. Вскоре после восстания Афин, кроме Фракии и части Македонии, перешли на сторону Митридата одно за другим почти все мелкие государства Эллады и все острова Эгейского моря, за исключением Родоса.

Следует отметить, что в европейской историографии эти крупные исторические события описаны довольно тенденциозно и наиболее видные лица Митридатовой эпохи изображены с явным пристрастием. С этой точки зрения весьма характерно, что сами римляне, которые были заклятыми врагами Митридата, дают более положительную и более объективную характеристику его личности, чем новейшие европейские историки. Цицерон сравнивает Митридата Евпатора с Александром Македонским и считает его величайшим после него полководцем [1]. Юстин свидетельствует, что Митридат был величественен и величием своим превосходил всех царей, как современных ему, так и последующих времен [2]. Моммзен же, наоборот, называет Митридата „жестокосердным, вероломным и бессовестным восточным уроженцем самого обыкновенного разряда“ [3]. А Рейнак считает его варваром под маской эллинизма и ненавистником средиземноморской культуры [4].

Эти и подобные им характеристики личности Митридата, встречаемые в новейшей европейской историографии, столь же несправедливы, сколь и неосновательны. Не трудно, однако, догадаться о причинах антипатии, с которой упомянутые европейские историки относятся к Митридату. Объясняется эта антипатия отчасти тем, что Митридат попытался

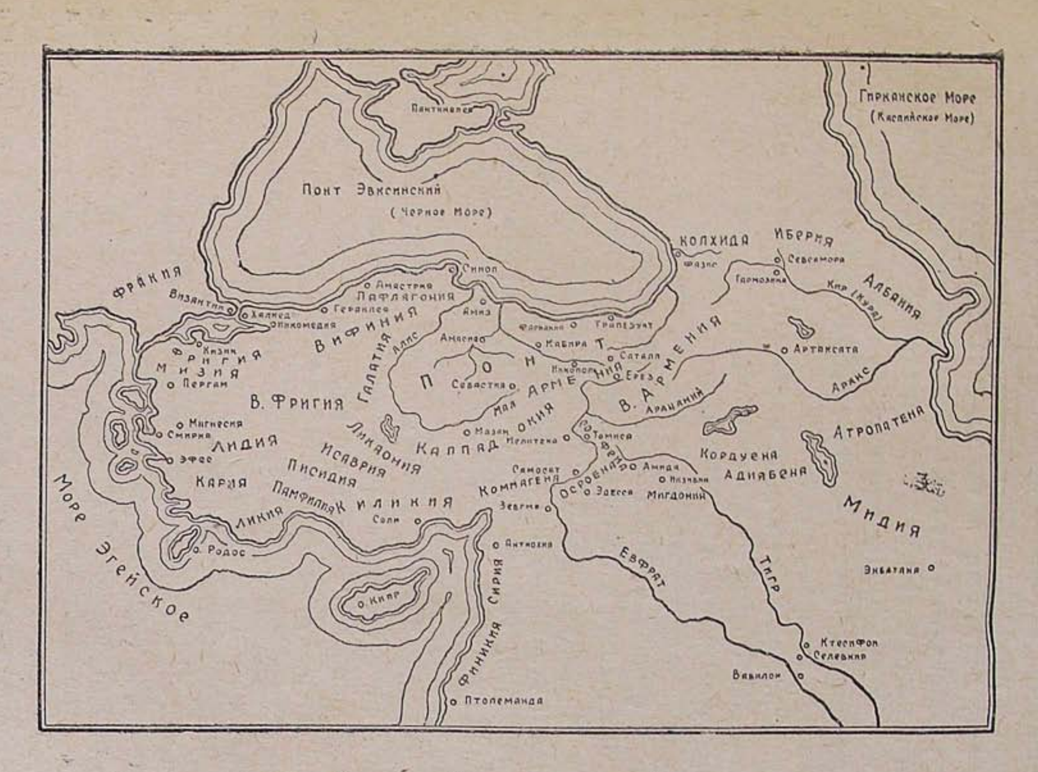
---

[1] Acad. II, 1, 3.

[2] *Justin.*, XXXVII, 1, 7.

[3] *Моммзен*, Римская история, II, Москва, 1887, стр. 272.

[4] *Reinach*, Mithridate Eupator стр. 299.

Карта Ближнего Востока в начале I в. до н. э.

разложить римскую республику не только силою оружия, но и при помощи социально-классовой революции, а это для большинства историков является смертным грехом по отношению к цивилизации.

Митридат уже в самом начале своего владычества хотел облегчить тяжелое экономическое положение Малой Азии и потому всю занятую им страну он освободил как от налоговых недоимок, так и от будущих налогов на пятилетний срок. Моммзен считает безрассудством даже и это гуманное распоряжение Митридата[1]. Для разоренного населения Малой Азии имели, кроме того, крупное значение также социальные и экономические меры, предпринятые Митридатом в 87 и 86 гг. против местной плутократии, которая была соучастницей Рима в эксплоатации Малой Азии и была поэтому сторонницей римского владычества.

В качестве защитника и покровителя населения Малой Азии Митридат предоставил свободу подчинившимся ему городам; туземному населению и чужеземцам он дал права гражданства. По его приказанию были аннулированы все долги; малоимущие были наделены землею; рабы получили свободу.

Около 15.000 освобожденных рабов, как сообщают источники, сражались в рядах понтийских войск, отправленных в Грецию для борьбы с римлянами. Заслуживает внимания и то, что жители острова Хиоса, сторонники римлян, были отправлены в ссылку в Колхиду под надзором собственных рабов.

В результате разгоревшейся революции война с римлянами теперь продолжала вестись параллельно с гражданской войной и классовой борьбой. И вскоре в тылу действующей понтийской армии против Митридата подняли восстание господствующие классы Малой Азии и Греции—знать и плутократия.

Когда в начале 87 года была переброшена из Рима в Беотию армия Суллы, большая часть Греции, с ее сильными антидемократическими элементами, перешла на сторону

---

[1] *Моммзен*, Римская история, II, Москва, 1887, стр. 290.

римлян. Понятно поэтому, что Рим как своими одержанными в Греции победами, так и военными успехами в Малой Азии, был обязан не только превосходству своих профессиональных и обученных войск или же измене понтийского полководца Архелая, но также и внутренним контрреволюционным восстаниям против Митридата. О том, как велика была ненависть и злоба восставших против Митридата, можно судить по соответствующим свидетельствам источников. Согласно этим сообщениям, в Малой Азии были осуждены на смертную казнь до 1600 чел. по обвинению в соучастии в покушении на жизнь Митридата.

Первая война с Митридатом окончилась в 84 году и, согласно заключенному в Дардане словесному соглашению, Митридат отказался от всех своих завоеваний, обязался уплатить Сулле контрибуцию в 2.000 талантов и выдать ему 70 или 80 военных кораблей.

Исходя из предположения об участии Тиграна II в этой войне, указанные выше историки считают непонятным и странным то обстоятельство, что в Дарданском договоре не содержится упоминания о Великой Армении.

„...отношения римлян к царю Армении Тиграну,—говорит Моммзен,—с которым они фактически вели войну, были совершенно не затронуты этим договором. Весьма основательно усмотрел в нем Тигран безмолвное дозволение захватить в свои руки римские владения в Азии. Если невозможно было допустить, чтоб владения эти могли быть отданы в жертву варварам, необходимо было добром или силою притти к соглашению с новым сильным властителем Азии“.[1]

Эти соображения Моммзена основаны на явном недоразумении и потому не могут считаться приемлемыми. Тигран, как было указано выше, вовсе не участвовал в этой войне и вовсе не брал на себя обязательства участвовать в ней; и потому вполне естественно, что римляне не имели основания привлечь его к Дарданскому договору.

Восстановление римского владычества в Малой Азии

[1] *Моммзен,* Римская история, Москва, 1887, т. III, стр. 32.

оказалось для последней страшным бедствием. Революция была подавлена здесь жесточайшим образом; ряд городов подверглись опустошению и разграблению, бесчисленное количество рабов было угнано в Италию и Рим. В наказание за „неверность“ Малая Азия должна была уплатить контрибуцию в 2.000 талантов и, помимо этого, должна была внести полностью налоги за предыдущие пять лет (88—84 гг.). Около шести месяцев римские войска жили в малоазиатских городах в исключительном довольстве; население обязано было содержать их и кормить богато и обильно и выплачивало каждому из воинов жалование в более чем сорокакратном размере против нормального.

Таким образом, начиная с 84 года Малая Азия подвергалась исключительной эксплоатации и ограблению. Она вынуждена была распродать все свои богатства и даже свое трудовое квалифицированное население. И, несмотря на это, она не смогла уплатить не только указанных колоссальных долгов, но даже процентов на них.

Краткое изложение истории первой митридатовой войны мы сочли необходимым также и потому, что тусклые воспоминания о ней сохранились у Хоренского в его Истории и Географии. Эти свидетельства Хоренского, нуждающиеся в специальном рассмотрении, я привожу полностью.

1. Хоренский, II, гл. 12, стр. 64—65 (перевод Эмина, Москва, 1893 г.):

„Но Арташес, покорив всю сушу между двумя морями, покрыл Океан множеством кораблей, желая поработить весь Запад; и так как в Риме были (в то время) большие смуты и волнения, то никто слишком не сопротивлялся Арташесу. Но я не могу сказать— вследствие чего возникли ужасные беспорядки и смуты (и от чего его) многочисленные войска начали истреблять друг друга. Арташес искал было спасения в бегстве, но, как говорят, пал от руки своих воинов, после двадцатипятилетнего царствования.

Также в Элладе Арташес, взяв изображения Зевса, Артемиды, Афины, Гефеста, Афродиты, приказывает отправить их в Армению. Не успели еще они проник-

нуть во внутрь нашей страны, как приходит весть о смерти Арташеса. Тогда бросили их поспешно в крепость Ани, а жрецы последовали за ними и остались при них".

2. Хоренский, II, гл. 13, стр. 65:

„Прежде вступления его (Арташеса) в Азию, имя его гремело уже в крепости Аттике".

3. Хоренский. „География", изд. Сукряна (на арм. яз.), Венеция, 1881 г., стр. 17:

„Эвбея — большой остров и вблизи — маленький островок — Атлант, который, говорят, заняли войска армянского царя Арташеса, чтобы корабли не терпели затруднения в продовольствии, пока продолжалась осада замка Дивного; ибо воды здесь беспричинно отливали и приливали, и, как говорят, здесь же умер Арташес".

В этих свидетельствах Хоренского, как правильно было отмечено Марквартом,[1] замок Дивный—это Афины, которые в то время были осаждены Суллой; большой же остров Эвбея, действительно, был захвачен войсками Митридата. Соответствует действительности и то, что в 88 году, при покорении Фракии, Македонии и Эллады, Рим не мог „слишком сопротивляться" понтийским войскам вследствие происходившей там внутренней смуты.

Не будучи знаком с греческими и римскими источниками, относящимися к этой войне, Хоренский, естественно, не мог представить действительную историю той эпохи и потому, смешивая события, он предположил, что изложенные им события могли иметь место при царе Крезе и Арташесе Завоевателе.

В первой из вышеприведенных цитат обращает на себя внимание свидетельство Хоренского об отправке из Эллады в Армению статуй Зевса, Артемиды, Афины, Гефеста и Афродиты. По вопросу об этих статуях французский ученый А. Каррьер высказал мнение, что „отправка греческих кумиров в Армению не соответствует какому-либо действи-

---

[1] *Markwart*, Eranschahr, стр. 4.

тельному факту, а является продуктом размышлений и предположения Хоренского"[1].

Это утверждение Каррьера, мне кажется, более чем спорно. Из свидетельств Агафангела и Хоренского известно нам, что статуи Зевса, Артемиды, Афины и Гефеста находились в Ани—Камахе, Ерезе, Тиле и Багаридже, которые в период митридатовой войны не были еще присоединены к Армении и входили в состав Понтийского царства Митридата.[2]

Поэтому представляется вполне возможным, что статуи эти были перевезены из Греции именно во время первой митридатовой войны, как об этом свидетельствует Хоренский, у которого сохранились воспоминания об этих исторических событиях.

---

[1] *Каррьер*, Восемь капищ языческой Армении по Агафангелу и Хоренскому, арм. перевод Ташьяна, Вена, 1899, стр. 39.

[2] Ср. *Makwart*, Die Genealogie der Bagratiden, Caucasica, Fasc. 6, 2 Teil, Leipzig, 1930, стр. 63.

6. ЗАВОЕВАНИЯ ТИГРАНА II

В конце девяностых годов (до н. э.). Тигран II, как мы видели, заключил союз с Митридатом Евпатором, установил с ним отношения дружбы и тем самым обеспечил свой тыл на западе.

После заключения этого союза и по окончании своих каппадокийских походов 94 и 91 гг. Тигран воспользовался внутренними междоусобиями, возникшими в Парфии после смерти Митридата II (в 90 или 88 г. до н. э.), и начал свои победоносные войны против враждебных и соперничавших с ним парфянских Аршакидов. Точные даты этих войн и хронологическая их последовательность в исторических и филологических трудах освещаются часто путанно и неправильно.

Начав войну против парфян, Тигран, прежде всего, отвоевал у них обратно семьдесят долин, уступленных им в качестве выкупа за свое освобождение. Долины эти, по мнению Маркварта, представляли те области, которые были завоеваны Арташесом II в северо-западной Атропатене [1]. Из ценного свидетельства Страбона [2] видно, что кроме указанных семидесяти долин Тиграном была завоевана и область Большой Ахбак, расположенная вокруг нынешней Башкалы. Эту область впоследствии, в 33 году (до н. э.), атропатены отобрали обратно у армян [3].

„Атропатены,—говорит Страбон,—имеют могущественных соседей в арменах и парфянах, которые часто урезывают их область; но атропатены сопротивляются

---

[1] *Markwart*, Eranschahr, стр. 109.

[2] *Strabo*, XI, 13, 2. В сообщении Страбона Маркварт предлагает Συμβάκη исправить и читать Ἀλβάκη.

[3] Eranschahr, стр. 109.

и получают обратно отнятое; так, взяли они назад Симбаку [=Ахбак] от армян, попавших под власть римлян, и вошли в дружбу с Кесарем [1].

Поход Тиграна против Адиабены, где он подверг разрушению районы Ниневии и Арбелы[2], был предпринят им, вероятно, после занятия Ахбака. Заслуживает особого внимания и интересное сообщение Страбона о том, что армяне основались даже в этой, столь отдаленной стране, где они составляли значительную часть населения.

„Адиабена,— говорит Страбон,— большей частью равнинна. Составляя часть Вавилонии, Адиабена тем не менее имеет собственного правителя, хотя она иногда присоединялась к Армении. Мидийцы, армяне и третьи вавилоняне, представляющие здесь многочисленнейшие народности, установили между собою с самого начала такие отношения, что во всякое благоприятное время совершали нападения друг на друга и затем снова примирялись[3].

Покорив и подчинив своей власти Адиабену и Мидию—Атропатену, Тигран продолжал свое наступление на юго-восток, где он дошел до летней резиденции парфянских Аршакидов—столицы Экбатаны. Он предал здесь огню их замок Адрабану, находившуюся на расстоянии 10 километров от Экбатаны [4].

Поражение парфян, естественно, привело к тому, что все соседние с Арменией государства, бывшие до тех пор вассалами парфянских Аршакидов, были вынуждены признать верховную власть Тиграна. Цари сопредельных с Арменией стран—Адиабены, Кордуены, Мидии—Атропатены—подчинились после того власти Тиграна и, повидимому, были обязаны платить ему дань и доставлять во время войны вспомогательные войска. Кассий Дион свидетельствует также, что царь Атропатены Митридат был женат на дочери Тиграна [5].

---

[1] *Strabo*, XI, 13, 2 (перевод *Мищенка*).

[2] Там же, XI 14, 15.

[3] Там же, XVI, 1, 19 (перевод *Мищенка*).

[4] *Isid. Charac.*, § 6—*Müller*, Geogr. graeci min., I, 250.

[5] *Cass. Dio*, XXXVI, 14.

Парфяне, разбитые в войне, были вынуждены не только примириться с создавшимся фактическим положением вещей, но должны были уступить Тиграну всю Месопотамию вместе с входившими в ее состав Мигдонией и Осроеной. Одновременно они, как видно из соответствующего свидетельства Юстина[1], заключили с Тиграном специальный союзный договор и отказались в пользу него от своего титула „царь царей".

Овладев Месопотамией, лежавшей у южных границ Армении, Тигран переселил из южной Месопотамии в район Осроены—Эдессы арабские кочевые племена, которым он, как свидетельствуют Плутарх и Плиний[2], поручил охрану транзитных торговых путей. Они должны были взимать в пользу казны Тиграна таможенные пошлины, главным образом у переправы через Евфрат, находившейся к западу от Зевгмы. Из соседней Осроене Мигдонии, в которой крупное стратегическое значение имел город Низибин, Тигран образовал, повидимому, особое княжество, управление которым он передал брату своему Гурасу.

Армяно-парфянские войны и завоевания Тиграна, как можно установить при ближайшем ознакомлении с источниками, происходили большей частью в период первой войны с Митридатом, приблизительно в 89—85 гг. Астурян, несомненно, ошибается, когда он покорение парфянских стран относит к периоду после присоединения Сирии и после 84 года[3]. Гутшмидом совершенно правильно было указано, что овладеть Сирией, которая не была сопредельна с Арменией, можно было лишь после предварительной победы над парфянами и лишь после покорения Месопотамии[4].

После армяно-парфянских войн, приблизительно в 84—83 гг. (до н. э.), Тиграну II удалось завладеть и всей верхней Сирией за исключением города Селевкии, располо-

---

[1] *Justin*, XL, 3.

[2] *Plut.*, Lucull., XXI и *Plin.*, VI, 28, 142.

[3] *Астурян*, Политические отношения между Арменией и Римом, (на арм. яз.), Венеция. 1912, стр. 39.

[4] *A. von Gutschmid*, Untersuchungen über die Geschichte des Königreichs Osroëne, Petersb. 1887, стр, 20, прим. 4.

женной близ Антиохии. О завоевании Сирии представляет интерес следующее свидетельство Юстина.

„Когда в результате взаимной ненависти братьев,— рассказывает Юстин,—и вражды родителей, которую продолжали и их сыновья, обессилели в упорных боях и цари сирийские, и само царство сирийское, народ стал уповать на внешнюю помощь и искать себе чужеземных царей. Часть народа думала, что следовало бы пригласить Митридата Понтийского; другая—Птоломея из Египта; другие же возражали, говоря, что Митридат впутался в войну с Римом, а Птолемей—всегда был врагом Сирии; все, однако, пришли к соглашению относительно царя Армении—Тиграна, который имел свои собственные силы и вместе с тем был союзником парфян и зятем Митридата“ [1].

По этому же вопросу о Сирии и Финикии особенно важно также и свидетельство Страбона, который в противоположность Юстину указывает, что Тигран занял эти страны не мирным путем, а силою оружия.

„Впрочем Тигран,—говорит Страбон,—также подвергся превратностям судьбы. Сначала он был заложником у парфян, потом он добился от них возвращения на родину ценою семидесяти долин в Армении. Усилившись, Тигран получил обратно эти земли и еще разорил собственную страну парфян подле Ниневии и Арбел. Он подчинил себе также Атропатену и Гордиену, а с ними вместе и остальную Месопотамию, и, перешедши Евфрат, покорил Сирию и Финикию“ [2].

Это сообщение Страбона, как видим, находится в противоречии со свидетельством Юстина, который ясно и определенно говорит, что Тигран овладел Сирией по добровольному предложению населения. Относительно этого противоречия можно признать вполне приемлемым объяснение Астуряна. По его мнению, оба указанных свидетельства могут быть признаны правильными, так как приглашенный

---

[1] *Justin*, XL, 1, 1—3.

[2] *Strabo*, XI, 14, 15 (перевод *Мищенка*).

одной партией, Тигран должен был силою оружия подчинить себе другую партию[1].

Сторонниками Тиграна были здесь, повидимому, город Антиохия и ее купцы, заинтересованные в международной транзитной торговле. Присоединение Сирии к Армении имело для них крупное экономическое значение, поскольку основная магистраль мировых торговых сношений, пролегавшая через Зевгму, после покорения Месопотамии оказалась в руках Тиграна.

После занятия северной Сирии Тигран покорил затем и восточную—Низменную Киликию (Cilicia Pedias), составлявшую северо-восточную часть Селевкидского государства, а также небольшое царство Коммагену, лежавшее на востоке от Низменной Киликии.

Таким образом, на западной границе своих владений Тигран стал непосредственным соседом римлян, завоевавших в 102 году (до н. э.) западную Нагорную Киликию (Cilicia Tracheia).

Столица Селевкидов Антиохия, с ее полумиллионным населением, сделалась главной резиденцией Тиграна на юге. От имени Тиграна и с его изображением в этом городе чеканились те красивые монеты, которые в большом количестве дошли до нас и хранятся ныне в музеях. Селевкидскую Сирию Тигран преобразовал в наместничество, куда, по свидетельству Аппиана,[2] назначил правителем своего полководца Багарата (*Μαγαδάτης*=**Βαγαδάτης*). Армянское предание, сохранившееся у Мар-Абаса, как полагает Маркварт,[3] этого именно Багарата и считает родоначальником нахарарского рода Багратидов.

Уже в 83 году, первом после заключения договора между Суллою и Митридатом, как указывает Моммзен,[4] сирийские хроники властелином своей страны считают Тиграна, причем о Киликии и о Сирии они упоминают, как об армянских сатрапиях под властью Багарата.

---

[1] *Астурян*, „Политические отношения", стр. 34, прим. 3.

[2] *App.*, Syr., 48.

[3] *Markwart*, Eranschahr, стр. 174.

[4] *Моммзен*, Римская история, т. III, перевод *Веселовского*. стр. 40.

Интересные соображения относительно армянского владычества в Сирии высказывает Рейнак.[1]

„Сирия,—говорит он,—вздохнула свободно; и хотя она подчинилась чужеземному унизительному господству, но зато в течение четырнадцати лет пользовалась миром, безопасностью и благоденствием“.[2]

Из случайных и отрывочных сведений, сообщаемых источниками, можно установить, что Тигран, и после завоевания Сирии в 84—83 гг., долгое время вел борьбу в восточной части Малой Азии и в Финикии, главным образом против укрепленных и неприступных городов. В Финикии и южной Сирии сопротивление против Тиграна организовала селевкидская царица Клеопатра, или Селена. И весьма вероятно, что эти части Сирии и приморские города Финикии были завоеваны Тиграном лишь постепенно, ценою упорных и продолжительных боев.

После смерти Суллы (78 г.) и до третьей войны с Митридатом (74—71 гг.) Тигран вновь предпринял поход против Каппадокии, повидимому, опять по внушению своего тестя Митридата.

Каппадокия, по словам Аппиана,[3] на этот раз как бы попала в сети, будучи окружена завоеванными Тиграном землями не только со стороны Софены, но также и со стороны Коммагены и Киликии. Во время этого нашествия Тиграну удалось занять столицу Каппадокии Мазак и много других эллинистических городов, из которых он переселил в новооснованный им город Тигранакерт около 300.000 жителей.[4]

Однако, следует считать невероятным утверждение

---

1 *Reinach*, Mithridate Eupator, стр. 312.

2 14 лет, считая с 83-го до 69 года. См. *App*.. Syr., 48. Владычество Тиграна в Сирии, по Юстину (XL, 1, 4), продолжалось 17 лет. По мнению Huse („Очерк римской истории и источниковедения“, СПБ., 1910, стр. 288), цифра XVII в тексте Юстина может быть опиской вместо цифры XIII По мнению Рейнака (Mithridate Eupator, стр. 312, прим. 6), продолжительность армянского владычества у Юстина указана до окончательного поражения Тиграна в 66 году.

3 *App*., Mithrid., 67.

4 Там же, 67; ср. также *Strabo*, XII, 2, 9 (539).

Моммзена о том, будто еще до этого похода Тигран присоединил к Софене город Мелитену и примыкавшую к ней область[1]. Утверждение это, разделяемое также Халатьянцем[2] и другими, лишено основания, поскольку известно из свидетельств Саллюстия и Тацита[3], что в 69 году, во время похода Лукулла, город Мелитена и примыкавшая к ней область, лежавшие к западу от Евфрата, находились в пределах не царства Тиграна, а в составе царства Каппадокии. В Тигранакерт и Армению были переселены жители не только каппадокийских городов, но также городов Низменной Киликии, в частности, приморского города Соли[4].

Войны Тиграна в Финикии и, в частности, покорение им города Птолемаиды, упоминаются у Иосифа Флавия. Покорение Птолемаиды имело место не в 74 году, как утверждает Моммзен[5], а в 70 году (до н. э.), до похода Лукулла в Армению[6].

Соответствующее свидетельство Иосифа Флавия привожу полностью.

> В это время,—говорит Иосиф,—пришла весть, что армянский царь Тигран с 300.000-ым войском вступил в Сирию и должен притти также в Иудею. Узнав об этом, царица и народ Иудеи, естественно, пришли в ужас. К Тиграну, осадившему в то время Птолемаиду, они отправили послов с многочисленными и подобающими подарками. Царица же Селена, которую звали также Клеопатрой и которая царствовала в Сирии, возбуждала население оказать сопротивление Тиграну. Послы явились к нему и умоляли его быть добрым и милостивым к их царице и народу. С этих пор Тигран проявлял к ним заботливое отношение, ободрял и обнадеживал их. После того, как Тигран уже взял Птолемаиду, пришли сообщить ему, что Лукулл, пре-

---

[1] *Моммзен*, Римская история, т. III, Москва, 1887, стр. 39.
[2] *Халатьянц*, Очерк истории Армении, Москва, 1910, стр. 160.
[3] *Sall.*, IV, frg. 59; *Tac.*, Annales, 15, 27.
[4] *Plut.*, Pomp. 28,4; ср. также *Cass. Dio*, XXXVI, 37.
[5] *Моммзен*, Римская история, т. III, стр. 40.
[6] Ср. *Plut.*, Lucull., 21, 2.

следуя Митридата, не мог захватить его и что Митридат бежал в Иберию. Ему донесли также, что Лукулл осадил Армению и разоряет ее. Узнав об этом, Тигран вернулся в свою коренную страну"[1].

В одном из сражений, происходивших в Сирии и Финикии, Тиграном, по свидетельству Страбона, была захвачена в плен царица Селена—Клеопатра. Он заключил ее в крепость Селевкию, построенную против Зевгмы, и в 69 году, перед походом Лукулла, приказал казнить ее[2].

За двадцать пять лет своего царствования (95—70 гг. до н. э.) Тигран II, как видим, безмерно расширил свое царство, которое к концу семидесятых годов (до н. э.) простиралось от Черного моря и реки Куры до Средиземного моря и границ Египта и от Великой Мидии до римской Нагорной Киликии и Каппадокии. Палестина, как видно из свидетельства Иосифа Флавия, хотя и не подверглась нападению Тиграна, но и она, повидимому, в известной мере признавала его верховную власть. В этом отношении заслуживает внимания свидетельство Аппиана[3] о том, что верховной власти Тиграна подчинялась вся Сирия до границ Египта.

С завоеванием Киликии и Коммагены Тигран уже вступил в Малую Азию и стал, как было указано выше, непосредственным соседом Нагорной Киликии. Союзная римлянам Каппадокия оказалась в окружении Понта, Софены, Коммагены и Низменной Киликии. Она была почти беззащитна благодаря своему неблагоприятному стратегическому положению.

Завоевания Тиграна у берегов Средиземного моря и, особенно, опустошительные его нашествия на союзную Риму Каппадокию, естественно, дискредитировали авторитет Римской Республики в восточных странах. И, несмотря на это, Рим сохранил нейтралитет и не оказал защиты даже союзной Каппадокии.

Нейтралитет Рима вполне понятен и объясняется поли-

---

[1] *Jos. Flav.*, Antiquit., XIII, 16, 4; ср. также Bell. Jud., I, 5, 3.
[2] *Strabo*, XVI, 2, 3.
[3] *App.*, Syr., 48—49.

тическими условиями того времени. Завоевания Тиграна происходили или во время Митридатовых войн, или же при кровавой диктатуре Суллы, когда внутренние распри раздирали и обессиливали Рим. Тигран сам не имел, конечно, основания для войны с римлянами, поскольку они не вмешивались в его дела и не создавали преград на пути завоевательной экспансии Великой Армении.

Эти благоприятные условия и явились причиной тому, что в течение двадцати пяти лет (95—70 гг.) Армения постепенно превратилась в могущественную и великую державу.

7. УСИЛЕНИЕ ЭЛЛИНИЗМА В АРМЕНИИ И ОСНОВАНИЕ ГОРОДА ТИГРАНАКЕРТА

Великая и обширная держава Тиграна II, представлявшая пеструю смесь различных племен, наречий и культур, не могла, конечно, считаться государством сплоченным, устойчивым и прочным. Под верховной властью Тиграна объединились и области с племенно-родовым патриархальным строем, и феодальные страны, и эллинистические города с их особой организацией.

Соседние царства, признавшие верховную власть „царя царей" Тиграна, обязаны были, повидимому, выплачивать ему определенную дань и выставлять, в случае войны, вспомогательные войска, при этом каждое из этих вассальных царств и каждое из самостоятельных армянских княжеств сохраняло свои прежние порядки и свою особую организацию.

Первенствующую роль в этом обширном армянском государстве Тиграна играла, несомненно, армянская землевладельческая знать, являвшаяся его основным оплотом как в победоносных войнах, так и государственных и правительственных делах. И действительно, на ответственный пост правителя в Низибине, в этом важнейшем стратегическом пункте, как было упомянуто выше, был назначен его брат Гурас; управление же всей Антиохией—было вверено армянскому князю Багарату.

Этим именно усилением господствовавшей в Армении военно-землевладельческой знати и, главным образом, беспрепятственным и поступательным политическим и экономическим развитием Армении следует, повидимому, объяснить головокружительные успехи Тиграна и его завоевательные устремления.

„Ключ к успехам Тиграна Великого,—совершенно правильно замечает Халатьянц,—нужно искать в том огромном запасе экономических сил, который накоплялся в Армении в течение веков,—в эпоху мирного владычества Персов (519—336 гг.), при Селевкидах (312—190) и позднее."[1]

В моем труде „О торговле и городах Армении"[2] (на русск. языке) я подробно указывал на то, что в отношении роста народонаселения и экономического развития Армения находилась в несравненно более благоприятных условиях при мирном владычестве Ахеменидов, при Селевкидах и предшественниках Тиграна II, чем после победы Помпея (в 66 г. до н. э.), когда она стала государством-буфером между соперничавшими великими державами Запада и Востока.

Можно с полной уверенностью предположить, что армянское население в царствование Арташеса I и Тиграна II численно превосходило население более поздних веков. В частности, при Страбоне, как видно из его собственного свидетельства,[3] армяне не только занимали все Армянское плоскогорье, но и составляли значительную часть населения в Адиабене и в северной Месопотамии.

Этот рост населения, равно как мирное экономическое и политическое развитие Армении в предшествующие века, несомненно, также значительно благоприятствовали завоевательной экспансии ее при Тигране II.

В одном из моих предшествующих трудов[4] я считал, кроме того, вероятным и другое предположение, а именно, что Армения, уже при Арташесе I переживала раннюю стадию феодализма и что в ней уже имелись присущие феодальной организации зачатки и некоторые основы. Плиний[5]

---

[1] *Халатьянц*, Очерк истории Армении, стр. 161.

[2] „О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен", стр. 50—53.

[3] *Strabo*, XVI, 1, 19 и 26.

[4] См. мою работу „Феодализм в древней Армении", (на арм. яз.), стр. 248—251.

[5] *Plin.*, Nat. Hist., VI, 10, 2.

23—79 гг. н. э.) свидетельствует, что в его время Армения делилась на 120 префектур, именуемых им стратегиями, т. е. „воеводствами“. Стратегии эти, существовавшие, по всей вероятности, уже при Тигране II, в подавляющем своем большинстве должны быть признаны, как указывает Адонц,[1] нахарарскими землями, в которых экономически и политически преобладающую роль играла землевладельческая знать, господствующее же положение в производстве занимало не столько трудовое рабство, сколько, как я полагаю, полусвободное и свободное крестьянство.

Заслуживают в этой связи внимания и сведения, сообщаемые Плутархом о четырех царях, обслуживавших Тиграна.

> „Для его (Тиграна) услуг,—сообщает Плутарх,—было много царей. Четверо из них следовали за ним, как в своем роде провожатые или телохранители. Если он ехал верхом, они бежали за ним в коротких платьях; когда же сидел и был занят официальными делами, они стояли возле, взяв друг друга за руку“.[2]

Опираясь на это сообщение Плутарха, представляющее утрированную карикатуру феодального церемониала, Маркварт[3] полагает, что упомянутые Плутархом четыре царя—это четыре бдешха Армении, происхождение которых следует, вероятно, отнести ко времени царствования Тиграна II. Адонц также считает вероятным,[4] что четыре бдешха феодальной Армении, о которых сообщают подробные сведения Агафангел, Фауст и Моисей Хоренский,—это монархи прежних, больших и самостоятельных государств, признавших при Тигране II политическое верховенство армянских царей.

Беглые и случайные сообщения источников не дают, к сожалению, возможности рассмотреть со всей обстоятельностью внутреннюю жизнь Армении доаршакидской эпохи. Известно лишь, что наиболее крупные реформы Тиг-

---

[1] *Адонц*, Армения в эпоху Юстиниана, СПБ. 1908, стр. 392.

[2] *Plut.*, Lucull., 21, 6.

[3] *Markwart*, Eranschahr, стр. 171—173.

[4] *Адонц*, Армения в эпоху Юстиниана, стр. 283 и 410—411.

рана выразились в основании им города Тигранакерта и в проведении политики насаждения и развития в Армении эллинизма и эллинистической городской культуры. Тигран, повидимому, понял, что экономическому и культурному прогрессу армянского патриархального общества может в сильнейшей мере способствовать эллинистического типа город, являвшийся в то время центром развития торговли, ремесел и промышленности.)

Следует отметить, что эллинофильство в рассматриваемую эпоху представляло явление общее и для соседних с Арменией стран. Еще во втором веке (до н. э.) царь Каппадокии Ариарат V (163—130 гг.), долго путешествовавший по Италии и Греции, пригласил к себе греческих художников и писателей. Главные центры своего государства—Мазак и Тиану он преобразовал в самоуправляющиеся города эллинистического типа, при чем в первом из них, по свидетельству Страбона,[1] действовали законы Харондаса.

Эллинская культура и особое эллинистическое городское устройство имели еще большее распространение в Понте, особенно при Митридате Евпаторе, которого европейские историки сравнивают с Петром Великим.

Главным оплотом распространения в Понте эллинской цивилизации и греческого языка с древнейших времен служили греческие приморские города—Амастрида, Синоп, Амиз, Трапезунт и другие, более мелкие, греческие колонии. Города эти сильно выросли при Митридате Евпаторе и успели превратиться в богатые портовые центры крупной международной торговли. Незадолго до покорения их римлянами, города эти,—говорит Рейнак,[2]—не только сами достигли высокой степени благоденствия и культурного развития, но и способствовали экономическому прогрессу Понта и Великой Каппадокии, распространяя на них животворящее влияние эллинизма.

При заботливой и щедрой поддержке Митридата во всех понтийских городах были построены великолепные здания, застроены целые кварталы и повсюду пышно рас-

---

[1] *Strabo*, XII, 2. 9.

[2] *Reinach*, Mithridate Eupator, стр. 246.

цветали эллинские искусство и наука, пользовавшиеся особым покровительством царя. Митридат постепенно и последовательно преобразовывал свое государство и распространял повсюду эллинскую культуру. При нем не только столица Амасия, но даже и ряд поселков уже превратились в эллинистические города. Ясным показателем распространения и усиления эллинской культуры являлись понтийские городки Комана, Кабира, Газиюра, Пимолиса и Талавра, чеканившие у себя медные монеты с греческими надписями и греческими мифологическими изображениями.

Митридат, как и Александр Великий, повидимому, поставил себе целью примирить и слить с западной эллинской культурой восточно-иранскую культуру, под сильным влиянием которой находился Понт, и с этой целью он постепенно перестраивал на новых основах экономическую и культурную жизнь своей страны.

О степени культурного сближения иранизма с эллинизмом свидетельствует прежде всего религиозное их сближение и слияние понтийских местных божеств с греческими, как, например, отожествление Ма и Ормузда с Артемидой и Зевсом Стратием. Одним из несомненных доказательств этого же сближения при Митридате следует признать назначение грека Дорилая жрецом знаменитейшего священного города Команы.

Что параллельно с этим культурным и религиозным сближением происходило здесь также и сближение различных племенных группировок населения с греками, видно из биографии крупнейшего географа Страбона (около 64 г. до н. э.—19 г. н. э.), родившегося в понтийской Амасии и в числе своих предков упоминающего наряду с греками также перса Моаферна и пафлагонца—Тибия.[1]

В государстве Митридата Евпатора осуществлялось, таким образом, великое начинание Александра Македонского, направленное, по выражению Диодора,[2] к установлению между Азией и Европой „единодушного согласия и родственной дружбы".

---

[1] *Strabo*, XI, 2, 18 (499) и XII, 3, 33 (557).

[2] *Diod.*, XVIII, 4, 4.

Ту же политику развития эллинистической городской культуры и экономического благоустроения и роста страны проводил и Тигран в Великой Армении.

Эта преобразовательная деятельность, как подробно изложено в моем труде „О торговле и городах Армении“ [1], была начата еще до Тиграна, главным образом, в Софене, лежавшей в непосредственном соседстве с царством Селевкидов. Развитие Софены находилось под сильным влиянием того культурно-экономического переворота, который имел место в Сирии и Месопотамии. И именно в Софене, как известно, были основаны первые эллинистического типа города Армении—Аршамошат и Каркатиокерт.

Влияние эллинизма из Софены и Месопотамии, естественно, должно было в известной мере проникнуть и в северные области Великой Армении. Ясным доказательством этого влияния являются греческие надписи эпохи Селевкидов, найденные в Армавире. Здесь же, в Айраратской равнине, как мы видели, Арташесом был основан город Арташат.

Однако, более широкое и решительное распространение получили в Великой Армении эллинизм и эллинистическая культура при Тигране II.

Осуществить это преобразование, конечно, было гораздо труднее в Армении, чем в Понте, в котором уже с древних времен имелись многочисленные эллинские города. Для развития в ней городов и городской культуры необходимо было переселить из соседних культурных стран целые города; осуществить же это возможно было лишь принудительными мерами. Поэтому Тигран принужден был переселить в Армению купцов, ремесленников и квалифицированные трудовые массы чужеземцев, которые должны были заложить в ней основу эллинистической городской культуры и служить базой для экономического и культурного развития страны.

С этой именно целью он, как мы видели, насильственно поселил в Армении жителей тех эллинистических городов Каппадокии, Киликии, вероятно, также Сирии, Кордуены и

[1] „О торговле и городах Армении“, стр. 25—31.

Адиабены[1], которые были завоеваны им во время вышеозначенных походов.

Кроме вышеприведенных сведений, интересное сообщение об этих переселениях мы находим у Страбона.

1. Страбон, XI, 14, 15 (перевод Мищенка):

„Усилившись до такой степени, он [Тигран] основал город... который он назвал Тигранакертом, он поселил в нем жителей двенадцати эллинских городов, им же разоренных".

2. Страбон, XII, 2, 9:

„Несправедливо обращался с населением [города Мазака] армянин Тигран, когда сделал набег в Каппадокию; всех жителей он изгнал в Месопотамию и населил ими большую часть Тигранакерта; впоследствии все, имевшие возможность, возвратились на родину по завоевании Тигранакерта римлянами".

Об этих же переселенцах, поселенных не только в Тигранакерте, но также и в Арташате и других центрах Армении, мы имеем ценные свидетельства у Фауста и Моисея Хоренского[2], подробно рассмотренные в моем труде „Феодализм в древней Армении"[3].

Политическим и культурным центром обширной империи Тиграна II должен был стать основанный им город Тигранакерт. Этой цели не могли служить ни столица Армении—Арташат, ни город Селевкидов—Антиохия, так как они находились на окраинах государства. В частности, избрав в качестве постоянной резиденции Антиохию, Тигран рисковал бы потерять связь с Великой Арменией, которая была основой и опорой его военных успехов.

О городе Тигранакерте довольно подробные сведения сообщают римские и греческие историки, описавшие поход Лукулла в Армению и осаду и взятие им Тигранакерта.

Город Тигранакерт, согласно описанию Аппиана[4], был окружен стеною, вышиною в 50 локтей, настолько широкой,

---

[1] *Plut.*, Lucull, 26, 2.

[2] *Фауст*, IV, 24 и 55; *Моисей Хоренский*, II, 16, 19, 49, 65; III, 35.

[3] „Феодализм в древней Армении", стр. 216—219.

[4] *App.*, Mithrid., 84.

что в ней были построены конюшни для лошадей и складочные помещения. Внутри города находилась укрепленная и неприступная цитадель.

Вне городских стен Тигран построил себе великолепный дворец, вокруг которого были расположены рощи, места для гулянья, парки для охоты и пруды для разведения рыб. Там же, недалеко, находился укрепленный замок.

В Тигранакерт насильно были переселены не только жители вышеуказанных эллинистических городов; сюда же, под страхом конфискации имущества, были переселены также армянская знать и мегистаны.

Как эта знать, так и простые городские жители, согласно свидетельству Плутарха[1], старались заслужить расположение царя и содействовали ему в постройке и расширении города.

Моммзен[2], как и многие из исследователей-армяноведов, пользовавшиеся его Историей Рима, сравнивают древний Тигранакерт с Ниневией и Вавилоном. Леманн-Гаупт также полагает, что Тигранакерт как по типу, так и по плану был похож на ассирийские города[3]. Однако, это сопоставление, как было указано в моем труде „О торговле и городах Армении“[4], явно ошибочно. Вавилон и Ниневия ни по типу, ни по своему плану не могли, конечно, быть похожи и соответственны городам, возникшим в эллинистических государствах. Как известно из описаний литературных источников, в Вавилоне и Ниневии, на обширных пространствах и среди отдельных кварталов расстилались пашни, луга, сады и фруктовые рощи. Главным занятием жителей были здесь не столько торговля и ремесла, сколько сельское хозяйство. Ниневия, как сообщает пророк Иона, (III, 2), занимала пространство в три дня пути. Окружность Вавилона, согласно свидетельству Геродота[5], равнялась 480 стадиям (около 85 километров).

Ясно, поэтому, что Тигранакерт, который в 69 году (до н. э.) был окружен и осажден сравнительно немного-

---

1 *Plut.*, Lucull., 26, 3.

2 *Моммзен*, Римская история, III, стр. 41.

3 *C. F. Lehmann-Haupt*, Armenien einst und jetzt, Bd. I, стр. 396—399.

4 „О торговле и городах Армении“, стр. 56.

5 *Herod.*, I, 178.

численными войсками Лукулла, не может быть сравниваем и, тем более, отожествлен с вышеприведенными городами. Он как по своему плану, так и по торгово-промышленному своему характеру мог соответствовать лишь городам эллинистического типа.

О местоположении Тигранакерта высказывались учеными разноречивые мнения. Такое же непримиримое разногласие существовало и в самых древних источниках.

Страбон, самый древний из них, местоположение Тигранакерта указывает в Мигдонии,[1] Птолемей[2]—в Кордуене; Евтроп же и Фауст[3]—в Ахдзнике—Арзанене. Заслуживает особого внимания свидетельство Тацита[4], сообщающего, что Тигранакерт отстоял от Низибина на расстоянии 37 римских миль (около 55 клм.).

Придерживаясь свидетельств Страбона и Тацита, Моммзен,[5] как и другие ученые, местонахождение Тигранакерта предполагал к югу от горы Масия и реки Тигра и к северу от Низибина. Г. Киперт, который считал свидетельство Тацита искаженным и предлагал слова „septem et triginta" („тридцать семь") исправить в „centum et triginta" („сто тридцать"), местоположение Тигранакерта определял на месте развалин древнего города Арзна (вблизи нынешнего Сгерта), находящегося не на юге, а на севере от реки Тигра[6].

В вопросе о местоположении Тигранакерта имеют важное значение, кроме приведенных свидетельств, также указания Плиния и древних географических карт. В этих последних свидетельствах обращает на себя внимание, прежде всего, то обстоятельство, что река Никефорий, которая протекала, согласно Тациту[7], около Тигранакерта, у Плиния[8] упо-

---

1 *Strabo,* XVI, 1, 23.

2 *Ptolem.,* V, 13, 22.

3 *Eutropius,* Breviarium, VI, 9, 1; *Фауст,* IV, 24.

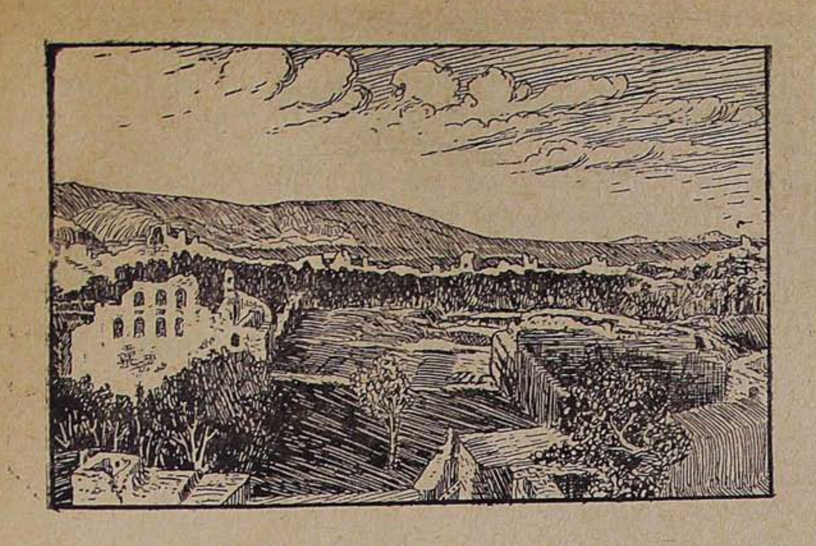
4 *Tacitus,* Annales, XV, 5

5 *Mommsen,* Die Lage von Tigranokerta, Hermes, IX, 1875.

6 Monatsberichte der Akad. der Wissen. zu Berlin, 1873.

7 *Tac.,* Annales, XV, 4.

8 *Plin.,* Nat. Hist., VI, 31, 3 (Paris, 1883, изд. *M Littré).*

Город Фаркин—Тигранакерт.

минается вместе с рекою Партением, как левый приток реки Тигра. Следовательно, как мы видим, по данным Евтропа, Фауста и Плиния, местонахождение Тигранакерта устанавливается на левой стороне от реки Тигра и в древнем Ахдзнике—Арзанене. То же самое подтверждают и древняя карта Птолемея и Таблицы Певтингера, на которых Тигранакерт отмечен также к северу от Тигра.

Пользуясь этими и другими данными источников, немецкие ученые Леманн и Бельк[1] произвели тщательные изыскания в вышеуказанных местах и в результате их пришли к убеждению, что древний Тигранакерт находился к северу от реки Тигра, на месте нынешнего города Фаркина. Интересно, что еще до них то же мнение было высказано германским фельдмаршалом Мольтке,[2] вероятно, по соображениям чисто стратегическим.

Что древний Тигранакерт должен был, действительно,

---

[1] Ср. *Lehmann—Haupt,* Armenien einst und jetzt, I, стр. 381—429, 501—523.

[2] *Moltke H. von,* Briefe über Zustände und Begebenheiten in der Türkei (1835—1839), Berlin, стр. 287.

находиться в нынешнем Фаркине,—это подтверждается теперь и новыми данными о местонахождении отмеченных в Таблицах Певтингера станций Zanserio и Cymisa, которые, несомненно, лежали к северу от Тигранакерта. Станция Cymisa римской карты, как указано в моем труде „Главные пути Армении“,[1] тождественна с нынешним Кильдизом (* CYΛΔIZA=CYMIZA). Она находилась на пути из Тигранакерта в Арташат, на расстоянии ровно 50 римских миль, или около 75 километров от Тигранакерта—Фаркина, как это показано в Таблицах Певтингера.

Выбор места для города Тигранакерта следует признать удачным и целесообразным с точки зрения не только политической, но также стратегической и экономической. И, действительно, нынешний Фаркин лежит в самом центре империи Тиграна и, будучи расположен на южном склоне Таврских гор, в достаточной мере защищен. Месторасположение Тигранакерта представляло весьма большое удобство и с точки зрения торговых сношений, так как он лежал близко около большой царской дороги Ахеменидов и имел тесное общение с крупными торговыми центрами.

Новооснованный город должен был, повидимому, сделаться центром не только международной торговли, ремесел и промышленности, но также эллинистической науки, искусства и литературы. В Армению, как сообщает Плутарх,[2] был приглашен изгнанный из Афин ритор Амфикрат. Он с пренебрежением отклонил приглашение Селевкидов и жил при дворе Тиграна. Метродор из Скепсиса,[3] известный философ и писатель, которого Плиний называет „ненавистником римлян“ (Misoromaeus),[4] был видным политическим деятелем сперва в Понте, а затем в Армении. Он, как известно, написал подробную историю Тиграна II, от которой, к сожалению, не осталось никаких следов. В Тигранакерте, как рассказывает Плутарх,[5] был построен театр, куда со

[1] „Главные пути Армении“, стр 90—92.
[2] *Plut.,* Lucull., 22, 7.
[3] Там же, 22, 3—6; *Strabo,* XIII, 1, 55.
[4] *Plin.,* Nat. Hist., XXXIV, 16, 2.
[5] *Plut.,* Lucull. 29, 4.

всех сторон приглашались греки-артисты. Из другого интересного сообщения Плутарха известно также, что Артавазд, сын Тиграна, писал на греческом языке трагедии, речи и исторические произведения, из которых некоторые существовали в его время[1].

Заслуживает особого внимания и то, что в Армении так же, как и в Понте и других эллинистических странах, произошло под влиянием эллинизма сближение религий. Армянские языческие боги были отожествлены с греческими богами: Армазд—с Зевсом, Михр—с Гефестом, Анаит—с Артемидой, Нанеа — с Афиной, Астхик — с Афродитой, Тир — с Аполлоном и Вахакн—с Гераклом. Насколько сильно было это влияние, видно из того, что в царствование Тиграна II, как было отмечено нами, статуи греческих богов, вывезенные из Греции и Малой Азии, были размещены в армянских языческих храмах.

На основании всех этих фактических данных, относящихся к преобразовательной деятельности Тиграна II, можно притти к заключению, что не только в Каппадокии и Понте, но и в соседней Армении было начато движение против господствовавшего влияния иранизма и были заложены основы для эллинизации старого быта.

Эти же факты убеждают нас, что трудно согласиться с Моммзеном, который как армяно-римские, так и римско-понтийские войны характеризует как реакционное движение, направленное против западных народов. Еще более несостоятельно его утверждение, будто Митридат возглавлял реакцию азиатов против эллинизма[2].

Эпоха Тиграна II являлась исключительным периодом политической мощи и культурного и экономического расцвета древней Армении. Понятно поэтому, что исторические события этой эпохи нашли свое отражение в народном эпосе. Об этих событиях слагались в древней Армении песни и сказания, воспоминания о которых сохранились в течение многих веков.

---

[1] Там же, Crass., 33, 1.

[2] *Моммзен*, Римская история, II, стр. 273—275.

Народные предания о Тигране II были живы еще при Моисее Хоренском; существовало в его время литературное произведение, написанное в стихах,[1] автор которого, по всей вероятности, пользовался древними историческими песнями и преданиями. Однако, упоминаемого в этих источниках Тиграна, который, несомненно, является Тиграном II из рода Арташеса, Хоренский, согласно своей неправильной хронологической концепции, считает союзником персидского царя Кира.

Подробные исторические воспоминания о Тигране, приведенные в 24—31 главах первой книги Истории Хоренского, как правильно указывает М. Абегян,[2] в большей своей части воспроизводят исторические события и соответствуют сообщениям греко-римских источников. И действительно, не только его сообщения о завоевании Мидии, но также и нижеприведенные его свидетельства относятся, несомненно, к Тиграну II.

1. Хоренский, кн. I, гл. 24, перев. Эмина, Москва, 1893, стр. 38:

„Расскажем теперь о Тигране и его деяниях. Державством и разумностью он превосходил всех наших царей, а мужеством не только этих мужей, но и всех прочих. В союзе с Киром он сокрушил владычество маров и, покорив греков, не малое время держал их в повиновении. Он раздвинул границы нашего местожительства до древних крайних его пределов. Он был предметом зависти для своих современников, для нас же являются желанными и он и его время".

2. Хоренский, кн. I, гл. 24:

„Став во главе мужей и показав мужество, он [Тигран] тем возвысил наш народ и нас, находившихся под игом других, сделал налагателями ярма на многих и заставляющими платить себе дань. Он умножил накопление золота, серебра и драгоценных камней и

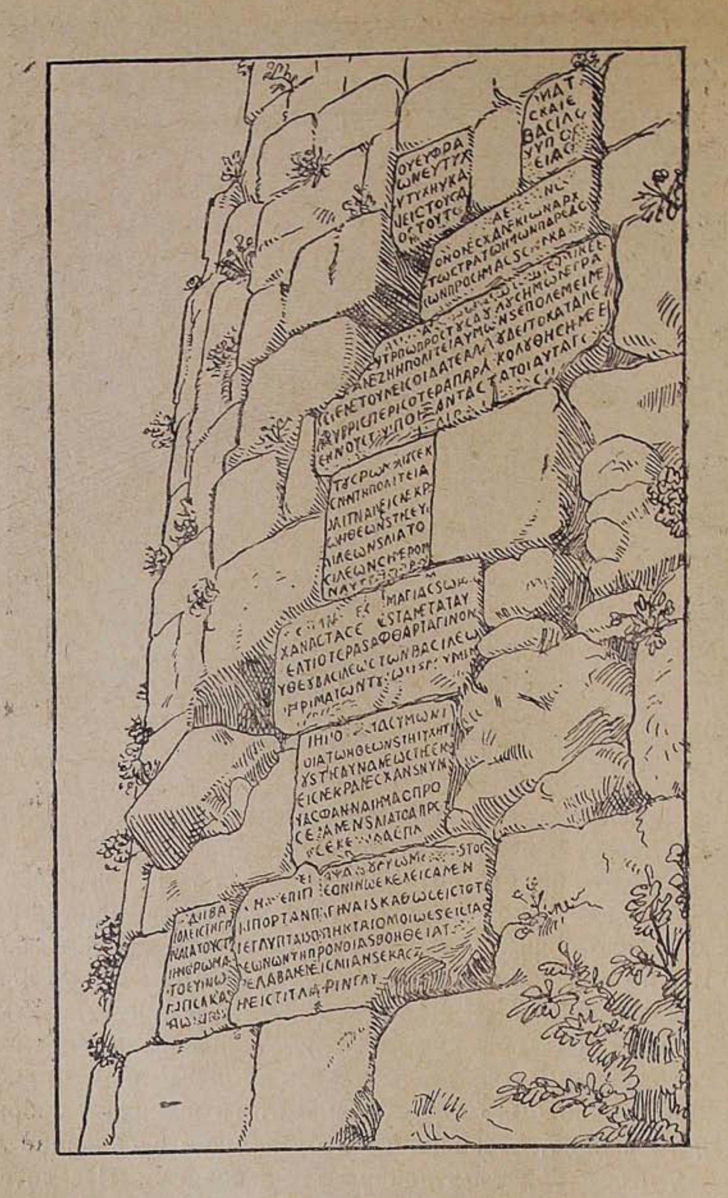
[1] *Мойсей Хоренский*, I, гл. 21 и 24.

[2] *Абегян М.*, Армянские народные мифы, (на арм. яз.), Вагаршапат, 1901, стр. 448—474; ср. также *Гельцер*, Краткая история армян, (на арм. яз.), перев. *Галемкаряна*, Вена, 1897, стр. 8—9.

Фаркин—Развалины восточной стены.

разноцветной, ранзнотканной одежды мужчин, равно и женщин. В такой одежде невзрачные, став красивыми, казались дивными, а красивые казались богоподобными, по понятиям того времени.—Пехота очутилась на конях; пращники стали вообще меткими стрелками; паличники были вооружены мечом и копьем; (прежде) безоружные покрылись щитом и железной броней. Достаточно было одного вида этого воинства, собранного в одно, закованного в блестящие и сияющие латы, чтобы обратить неприятеля в бегство. Насадитель мира и зиждитель, Тигран медом и елеем питал все возрасты".

Греческая надпись армянского царя из Аршакидов (на северной стене Фаркина).

3. Хоренский, кн. I, гл. 30:

„Повествуется и следующее. После совершения этих дел Тигран с многочисленной свитой по-царски отправляет сестру свою Тигрануи в Армению, в пригород, построенный Тиграном и, по его имени, названный Тигранакертом“.

4. Хоренский, кн. III, гл, 28:

„Они [осадные машины], расшатав, разрушили, опрокинули стены [Тигранакерта], плотно и массивно выведенные Тиграном Хайкидом“.

В первом из вышеприведенных отрывков в точности отражено кратковременное владычество Тиграна II над греками Селевкидского царства[1]. Во втором, особо важном и интересном,— указаны реорганизация армянской армии и дано описание состояния того изобилия и благоденствия, в котором находилась Армения, и того богатства, которое было накоплено в эпоху Тиграна. Третий и четвертый отрывки—также исторически вполне достоверны и относятся к основанию Тигранакерта в Аҳдзнике.

Указание во втором отрывке, что Тигран „медом и елеем питал все возрасты“, как отмечено в моем труде „О торговле и городах Армении“[2], есть, очевидно, риторическая гипербола, которая правдоподобна в отношении лишь господствовавших классов. Вполне возможно и более чем вероятно, что в результате усиления обогатившихся верхов и расширения их власти и привилегий, ухудшалось правовое положение крестьян-шинаканов.

Что приведенные сообщения Хоренского о накопленных денежных и иных богатствах исторически достоверны,— это, как увидим ниже, подтверждается и свидетельствами Плутарха об огромных суммах, вывезенных из Армении Лукуллом и Помпеем.

---

[1] *Абегян М.*, Армянские народные мифы, стр. 454.

[2] „О торговле и городах Армении“, стр. 65—66.

8. ТРЕТЬЯ ВОЙНА С МИТРИДАТОМ И БЕГСТВО МИТРИДАТА В АРМЕНИЮ

Первая война с Митридатом, как мы видели, окончилась лишь словесным соглашением, состоявшимся в 84 г. до н. э. между Суллой и Митридатом в Дардане. Соглашение это носило характер скорее временного перемирия, чем прочного и длительного мира.

Непрочность мира, установленного на основе этого словесного соглашения, обнаружилась уже через год после его заключения.

В 83 г. правитель Римской Азии—Мурена, игнорируя дарданское соглашение, без санкции римского народа и сената, самовольно возобновил войну против Митридата. Эта вторая Митридатова война, продолжавшаяся около 3-х лет (83—81 гг. до н. э.), была прекращена по приказанию Суллы лишь после того, как побежденные римские войска были вынуждены отступить из Понта.

По окончании этой второй войны Митридат, будучи искренним сторонником мира, отправил в Рим специальные посольства (в 79 и 78 гг.) просить о письменном оформлении дарданского соглашения и ратификации его римским сенатом. И лишь после того, как двукратные его обращения оказались безрезультатными, он пришел к убеждению в неизбежности возобновления войны, которой сам он не желал.

Если третья Митридатова война разразилась только спустя пять лет после неудачи этих переговоров, а не ранее, то причиной этому служили лишь осложнения во внутриполитической жизни Рима. После смерти Суллы (78 г. до н. э.) против правительства в Риме восстала демократическая партия и борьба, которую вели в Испании эмигран-

ты-демократы под гениальным руководством Сертория, приняла для Рима угрожающий характер.

Пятилетнюю передышку Митридат использовал максимально для подготовки к войне, ставшей неизбежной. Во время предыдущей войны он уже убедился, что небольшое, но обученное и сильное войско, имело несомненные преимущества по сравнению с большими восточными армиями, оказавшимися, несмотря на численное превосходство, неспособными успешно вести борьбу против римского обученного войска. Митридат приложил теперь все усилия к тому, чтобы вооружить, обучить и организовать свою армию по римскому образцу, и в этом ему помогали италийские эмигранты, нашедшие у него убежище после гражданской войны. Новое войско Митридата, на этот раз численно меньшее, чем прежние его армии, качественно не уступало римским легионам.

Помимо реорганизации войска, Митридат, по словам Аппиана, приказал построить в большом числе корабли, изготовить необходимое количество оружия и заготовить для войска два миллиона медимнов (около пяти миллионов пудов) пшеницы.

> „Соратниками Митридата в эту войну,—говорит Аппиан,—кроме прежних сил являлись халибы, армены, скифы, тавры, греки, гениохы, белые сирийцы и те, страна которых лежит в районе реки Термодонта и называется страною амазонок"[1].

Армены, упоминаемые в этом свидетельстве Аппиана после халибов, очевидно, те армены Малой Армении, которые, как было указано выше, принимали участие также и в первой Митридатовой войне.

Интересно и весьма знаменательно то обстоятельство, что Тиграном как до начала первой Митридатовой войны, так и перед этой третьей войной был вновь предпринят поход против Каппадокии[2], откуда он, как подробно было изложено выше, переселил в Армению жителей Мазака и других городов. Поход этот против общего врага Ариобар-

---

[1] *App.*, Mithrid., 69.

[2] По Рейнаку, в 77 году до н. э. См. *Reinach*, Mithridate Eupator, стр. 313.

зана был предпринят Тиграном, вероятно, по просьбе Митридата с целью обезопасить последнему его тыл со стороны Каппадокии. Как было указано выше, царство это, находившееся в союзе с Римом, имело для последнего крупное военное значение и представляло вместе с тем большую опасность как для Понта, так и для Армении.

Выше мы видели также, что армяно-понтийский союз имел в виду не римско-понтийские войны, а лишь Каппадокию. Хотя в исторических трудах и преобладает мнение, что по этому союзному договору Тигран был обязан воевать вместе с Митридатом против римлян и что будто во время третьей римско-понтийской войны он, в нарушение этого договора, не оказал помощи Митридату, однако это мнение лишено всякого основания и не находит подтверждения в первоисточниках, при внимательном и критическом изучении последних.

Союзником Митридата в третью войну был не Тигран, империя которого, только что основанная, не была обеспечена от опасности нападения со стороны парфян, а вождь римской демократии—Серторий, которым была собрана и организована в Испании мощная армия против консервативного правительства Рима. Митридат прекрасно понимал, что гигантский и могущественный Рим был почти непобедим. И потому он решил не воевать одновременно с обеими римскими партиями, как это он сделал в первую войну. Он надеялся спасти свою страну от нависшей над ней опасности, главным образом, заключением соглашения и союза с демократической партией против правительства, стоявшего у власти в Риме.

Митридату удалось притти к соглашению с Серторием, к которому он с этой специальной миссией отправил двух римских офицеров—Луция Фанния и Луция Магия, ярых противников Суллы и его партии, нашедших убежище в Понте. Союз с Серторием был заключен на следующих условиях: Провинция Азия должна была остаться под властью римлян; Вифиния же, равно как Пафлагония и Каппадокия, являвшиеся яблоком постоянных раздоров между римлянами и Понтом и имевшие жизненное значение для Понта,

должны были быть отданы Митридату. Последний отправил Серторию в Испанию 40 кораблей и денежную субсидию в 3.000 талантов.

Поводом к возникновению третьей войны с Митридатом послужил вопрос о присоединении Вифинии к Риму. В конце 74 г.[1] умер царь Вифинии Никомед, оставивший по завещению свое царство и все свое достояние в наследство Риму. Вифиния, уже давно эксплоатировавшаяся и угнетавшаяся римскими откупщиками и ростовщиками, обладала плодородными землями, рудниками, богатыми городами, гаванями и доходными таможнями. Заинтересованные итальянские финансисты, естественно, не хотели выпустить из рук эти богатства. И они постарались и добились решения сената о занятии Вифинии, хотя занятие это нарушало политическое равновесие, установленное дарданским соглашением и являлось равносильным объявлению войны Митридату.

Утверждая свое владычество в Вифинии, Рим становился не только непосредственным соседом Понта, но также полновластным хозяином Черноморских проливов. Он мог закрыть их в любое время и, тем самым, подорвать экономическое благосостояние крупных торговых городов Понта и Боспорского Царства.

Весной 73 г., когда римляне не располагали еще достаточным количеством войск в Малой Азии, Митридат неожиданно для них и без объявления войны двинул свои армии— одну против Каппадокии, другую против Вифинии; а корабли—по побережью Вифинии, по направлению к проливам. Армия, брошенная против Каппадокии, должна была, повидимому, защищать тыл Понта с юга, со стороны римской Киликии. Вторая же—главная армия имела задачу занять Вифинию и завладеть проливами.

В самый короткий срок эта вторая большая армия про-

---

[1] Спорные вопросы хронологии третьей Митридатовой войны рассмотрены в конце 1-го тома исторического труда Ферреро „Величие и падение Рима", I, 333—343. Однако, хронологические указания и уточнения в исследовании Рейнака (Mithrid. Eupator, стр. 321, примеч.) мне представляются более вероятными.

шла через Пафлагонию и Галатию и совершенно неожиданно появилась в Вифинии, обратив в паническое бегство римских финансистов и чиновников, ставших ненавистными местному населению. Находившиеся в Вифинии римские войска вместе со своим полководцем, проконсулом Коттой, укрепились в городе Халкедоне на берегу Боспора. Другой же римский полководец, проконсул Лукулл, которому совместно с Коттой было поручено ведение войны и который вместе со своей армией находился в то время во Фригии, поспешил на помощь своему товарищу.

Однако, Котта не захотел разделить честь победы с Лукуллом. Полагаясь исключительно на свои войска, он принял бой у стен Халкедона и в Боспорском проливе. В сражении этом римское войско потерпело тяжелое поражение как на суше, так и на море. Рим потерял здесь свой военно-морской флот, состоявший более чем из шестидесяти кораблей. В Пропонтиде у него не оставалось больше ни одного корабля. Корабли Митридата могли свободно проходить через проливы и далее в Эгейское море. Таким образом, в результате этой решительной победы вся Вифиния сдалась Митридату.

С такой же быстротой, повидимому, заняла Каппадокию и первая армия. Нужно было, следовательно, покорить еще и Провинцию Азию и, согласно договору с Серторием, утвердить в ней власть римских демократов.

После победы около Халкедона, казалось, и это предприятие имело определенные шансы на успех. Во время этой войны, не в пример первой, понтийские войска вступали в римские провинции не с завоевательными целями, а в качестве союзников Сертория. Их сопровождал полководец Марк Марий, назначенный правителем и проконсулом Провинции Азии.

Как в первую войну, так и на этот раз Митридат пытался вызвать в Малой Азии классовую борьбу и хотел поднять здесь угнетенные и эксплоатированные низшие слои населения против жестокого правительства Суллы. С этой целью он разослал по разным направлениям летучие конные отряды, которые, действительно, вызвали восстания на юге

Малой Азии—в римской Киликии, Исаврии и Писидии. Определенный успех имел и проконсул Марк Марий в северо-западных районах Провинции Азии. Здесь сдались ему некоторые города—Лампсак, Парий, Приап и другие. Вступая в эти города, Марк Марий давал им свободу от имени Сертория и слагал с них определенную часть налогов.

Следует, однако, отметить, что революция на этот раз не получила такого быстрого и широкого распространения, как в первую войну. Высшие и богатые слои населения всячески старались воспрепятствовать и предупредить восстание, а потому ни один из крупных городов, в которых влияние их было сильно, не примкнул к восстанию. Для Лукулла, который после поражения Котты должен был один защищать римскую Азию, верность этих городов и их помощь имели, естественно, исключительное значение.

После крупного сражения под Халкедоном армия Митридата, продвигаясь в южном направлении, вступила в Провинцию Азию, где она заняла город Лампсак и расположилась вдоль Пропонтиды и Геллеспонта. Лукулл, зорко следивший за передвижениями войск Митридата, решил уклониться от решающего сражения. Он знал, что неприятельские войска по качеству не уступают римским и численно превосходят его собственные силы. И так как наиболее слабым местом армии Митридата было затруднительное ее продовольственное положение, Лукулл, считая опасным столкновение в открытом бою, решил расстроить и приостановить снабжение неприятельской армии провиантом.

И это ему, действительно, удалось. Снабжение армии Митридата с суши сильно затруднилось; продовольствие же, доставлявшееся морем, через Лампсак, не удовлетворяло потребностей армии. Ввиду этих продовольственных затруднений Митридат или должен был отступить в свои черноморские порты или же должен был завладеть в Пропонтиде еще другим, более крупным портом, где можно было бы разгружать продовольственные продукты, доставлявшиеся из Понта.

Гордый и отважный царь, вместо того, чтобы отступить, решил осадить и занять город Кизик, наиболее круп-

ный порт и наиболее сильное укрепление на берегу теперешнего Мраморного моря. Однако здесь, перед Кизиком, судьба начала изменять ему. В самом же начале осады от страшной бури сильно пострадали осадные орудия Митридата, а его корабли, осаждавшие город, потонули вместе с находившимися на них войсками. Вследствие непрекращающихся бурь начались перебои в перевозке продовольствия морем, и осаждавшие город войска гибли от голода и болезней. В конце концов, истощенная понтийская армия была вынуждена отступить по направлению к Лампсаку и Вифинии. Но и во время этого отступления она несла огромные потери от преследовавших ее легионов Лукулла.

Весною 72 г. Митридат вместе с остатками своей огромной армии должен был укрыться в городах Лампсаке и Париуме. Но злой рок преследовал его и здесь. Сотни понтийских кораблей вновь сделались жертвой бури около городов Кизика и Париума. Несмотря на это, Митридат продолжал вести морскую войну в течение почти шести месяцев. И только после окончательного поражения своего флота он был вынужден отступить в Понт.

Но и это отступление оказалось для его военных сил бедственным и гибельным. Шестьдесят с лишним его кораблей и около десяти тысяч войска сделались жертвой бури по выходе из Боспора. И он, почти один, с трудом вернулся в свою страну.

После этого ареной войны сделалась собственная его страна Понт, оказавшаяся почти беззащитной.

Во второй половине 72 г. Лукулл вступил в западные области Понта, где он разрешил своим воинам грабить и опустошать богатую и благодатную страну. По свидетельству Плутарха[1], военная добыча оказалась здесь до того обильной, что в римском лагере бык ценился в один денарий (=около 35 коп. золотом)[2], а раб—в четыре денария (=около одного рубля сорока копеек).

Отсюда войска Лукулла двинулись дальше и осадили два понтийских порта—Амиз и Темискиру.

---

[1] *Plut.*, Lucull., 14, 1.

[2] *Hultsch*, Griechische und römische Metrologie, Berlin, 1882, стр. 711.

Защиту своих городов Митридат предоставил их собственным силам; сам же начал производить набор новых войск и, укрепившись в нагорных районах своей страны, приступил к организации нового сопротивления. Он обратился в то же время за помощью к своему сыну—Махару, наместнику Боспора, а также к парфянам, скифам и Тиграну II.

Однако, после тяжелых неудач, постигших понтийские войска, никто уже не относился с доверием к его новому предприятию. Даже многие из династов Понта переходили теперь на сторону неприятеля. Митридату изменяли и его собственные послы.

Родной его сын Махар не только не оказал помощи отцу, но и сам ждал удобного случая, чтобы заключить с римлянами сепаратный мир.

О посольстве, отправленном к Тиграну имеется у Плутарха[1] следующее сообщение:

> „Митридатом,—говорит Плутарх,—был отправлен послом к Тиграну Метродор просить помощь против римлян. „Какой же совет дашь в этом случае ты сам, Метродор?", спросил его царь. И тот—быть может, из желания добра Тиграну, или же гибели Митридату,—отвечал,—что „как посол он советует помочь ему, а как советник—не советует".

Об обращении Митридата к Тиграну имеется свидетельство, заслуживающее внимания, также у Мемнона:

> „Митридат... сообщает Мемнон[2] — отправил послов к скифским царям, к парфянскому царю и к своему зятю, армянину Тиграну. Однако от первых он получил отказ; Тигран же, которого постоянно беспокоила и слезно умоляла дочь Митридата, в конце концов обещал помочь".

Это обещание Тиграна оказалось, повидимому, лишь пустым обещанием. В первоисточниках мы не только не находим какого-либо сведения о реальной помощи или содействии Тиграна, но, наоборот, встречаем намеки на его нейтралитет, который первоисточники считают с его стороны

---

[1] *Plut.*, Lucull., 22, 4.

[2] *Memn.*, 43 (Lipsiae, 1816, стр. 64).

непростительной ошибкой. К Тиграну относятся, вероятно, как полагает Рейнак, следующие строки у Саллюстия:

„Ты не знаешь, что если огонь охватил с большой силой какие-либо здания, то уже не так легко предупредить, чтобы не сгорели и соседние здания". „Non tu scis, si quas aedes ignis cepit acriter, haud facile sunt defensu quin et comburantur proximae"[1].

Вероятно, под влиянием этих строк, как предполагает Рейнак, написан и следующий стих Горация:

„Когда горит соседняя стена, то опасность касается также и тебя" [tua res agitur paries cum proximus ardet][2].

В новейших исторических трудах нейтралитет Тиграна также расценивается как крупная его политическая ошибка, так как на этот раз решались судьба и будущность не только Понта, но также Армении и всей Передней Азии.

Эта оценка поведения Тиграна, конечно, правильна. Но те, кто осуждают его, должны вместе с тем принять во внимание затруднительность его положения. Если бы он выступил против римлян, он неминуемо был бы поставлен в необходимость воевать одновременно также и со своими заклятыми врагами—парфянами[3]. Не следует забывать также, что ловкая и коварная римская дипломатия в свою очередь постаралась, как не трудно заключить из сообщений Плутарха[4], создать впечатление о миролюбии Рима по отношению к Тиграну.

Война против Митридата возобновилась весной 71 г. в центральной части Понта, около Кабиры (теперешнего Никсара, или Неокесарии—на берегу реки Келькид-Лика), где Митридат успел в короткое время собрать и организовать новую армию из туземцев и наемных скифов.

Продвижение Лукулла к Кабире было сопряжено с большими трудностями, так как конница Митридата, весьма

---

[1] См. *Reinach,* Mithridate Eupator, стр. 335, *Sallustius*, fr. III, 37.

[2] Там же, стр. 335, прим. 1.

[3] Гутшмид указывает, что когда в начале 70 г. послы Митридата пришли к Тиграну просить о помощи, не была еще закончена его последняя война против парфян. См. *Gutschmid,* Geschichte Irans, Tübingen, 1888, стр. 82—83.

[4] *Plut.*, Lucull., 14, 4—7.

сильная и численно превосходившая римскую, создавала ему затруднения и мешала снабжению армии продовольствием.

Хотя около Кабиры Митридат имел вначале определенные успехи, но ему изменили вскоре некоторые из его же полководцев, подкупленные Лукуллом. Летом 71 г. понтийские войска потерпели тяжелое поражение под Кабирой, и Митридату едва удалось бежать вместе с небольшим отрядом в Коману, откуда он через Талавру—местоположение которой до сих пор еще не установлено—прибыл в Армению и обратился к своему зятю с просьбой о помощи и убежище.

Убежище в Армении было ему, действительно, предоставлено. Однако Тигран, желая соблюдать нейтралитет, не пригласил его к себе во дворец и удовлетворился тем, что приказал оказывать ему царские почести и держать его в одной из отдаленных областей своего государства [1].

Некоторые из историков, относясь с доверием к недостоверным сведениям Плутарха, обвиняют Тиграна в том, что он не хотел встретиться с несчастным родственником и утешить его и что он отправил его на жительство в нездоровый и болотистый край [2]. Они упускают, при этом, из виду, что как эти, так и другие тенденциозные сообщения Плутарха, не подтверждаемые свидетельствами других источников, являются, повидимому, измышлениями, лишенными фактического основания и исторического значения [3].

Поведение Тиграна по отношению к Митридату, бежавшему к нему после поражения, в действительности, имело политические причины. Как во время третьей Митридатовой войны, так и после окончательного поражения Митридата Тигран хотел, очевидно, избежать войны. Он надеялся, что ценою соблюдения нейтралитета он сможет сохранить мирные отношения с Римом.

Ближайшее будущее должно было, однако, доказать всю неправильность и близорукость его политического расчета.

---

[1] *Memn.*, 46; App., Mithrid., 82.

[2] *Plut.*, Lucull., 22, 1.

[3] К вышеупомянутым недостоверным свидетельствам Плутарха относятся с доверием Рейнак, Экгардт и др. См. *Reinach,* Mithridate Eupator, стр. 346; *Eckhardt,* Die armenischen Feldzüge des Lukullus, Klio, IX, 4, стр. 402.

9. ЛУКУЛЛ ТРЕБУЕТ ВЫДАЧИ МИТРИДАТА И ГОТОВИТСЯ К ВОЙНЕ

После окончательного поражения Митридата римские войска заняли центральные и восточные районы Понта и всю Малую Армению. Местная знать и чиновничество почти повсеместно сдались римлянам и передали им богатства страны. Одни только крупные эллинские города продолжали борьбу с римлянами, оказывая им упорное сопротивление.

Зиму 71—70 гг. Лукулл провел в только что завоеванном им городе Кабире, во дворце Митридата, бежавшего в Армению. После большого сражения под Кабирой Лукулл отправил к Тиграну, повидимому, в конце 71 года, своего шурина—Аппия Клавдия с требованием выдачи понтийского царя.

Подробные сведения об этом посольстве сообщает Плутарх в биографии Лукулла, в которой он возвеличивает и прославляет его, как героя, и в то же время старается унизить и дискретировать его противников. И именно эти сомнительные сообщения Плутарха, к сожалению, приводятся, обычно, без надлежащей проверки, почти во всех новейших исторических трудах. Между тем, при внимательном изучении этих сообщений нетрудно было бы обнаружить имеющиеся у Плутарха искажения.

Приводим без сокращений соответствующие свидетельства Плутарха, которые нуждаются в пересмотре.

1. Плутарх, Лукулл, 19, 2:

„И он (Лукулл) завоевал земли халдайев и тибаренов, занял также Малую Армению и овладел крепостями и городами. Затем он отправил к Тиграну Аппия, с требованием выдачи Митридата, а сам пошел в Амиз, осада которого не была еще снята“.

2. То же, Лукулл, 21, 1—2:

„Отправленного к Тиграну Аппия Клявдия—Клавдий приходился братом тогдашней жены Лукулла—сопровождали сперва царские проводники, водившие его безтолку окольными, извилистыми и ненужными путями в верхних областях. Но затем, какой-то вольноотпущенник, родом сириец, показал ему прямой путь, и Клавдий отказался от той длинной и предательской дороги и, решительно потребовав, чтобы проводники туземцы его оставили, через несколько дней перешел через Евфрат и прибыл в Антиохию, которая называлась Эпидафной. Здесь он получил приказание ждать Тиграна, который отсутствовал и доканчивал в Финикии покорение некоторых городов. В это время Клавдий привлек на свою сторону многих династов, неохотно подчинявшихся Армянину Тиграну; одним из них был и царь Кордуены Зарбиен. Также и многим из завоеванных Тиграном городов, которые тайно посылали к Клавдию своих уполномоченных, он дал обещание, что Лукулл поможет им, но советовал оставаться пока спокойными“.

3. Там же, Лукулл, 21, 7—9:

(Во время аудиенции) как только слово было предоставлено Аппию, он прямо заявил (Тиграну), что цель его приезда—требование выдачи Митридата, который нужен для триумфального шествия Лукулла; в случае же отказа, он уполномочен объявить Тиграну войну. Хотя Тигран старался слушать его со спокойным лицом и притворной улыбкой, он не мог, однако, скрыть от окружающих перемены в лице, произведенной на него смелыми словами молодого Аппия. За двадцать пять лет—столько именно лет он царствовал, или вернее, неистовствовал—он в первый раз слышал свободную речь. Он отвечал Аппию, что не выдаст Митридата и будет защищаться, если римляне начнут войну. Раздраженный же тем, что Лукулл дал ему в письме титул просто „царя“, а не „царя царей“, он, в своем ответе, не называл его „императором“. Аппию он прислал богатые подарки, но, когда последний отказался принять

их, прибавил к ним еще другие. После того Аппий, не желая, чтобы его считали отказывающимся из вражды, взял одну чашу, остальное же отослал обратно и вскоре вернулся к своему повелителю [Лукуллу]".

В приведенных сообщениях Плутарха следует признать недостоверным и вымышленным, прежде всего, свидетельство его о том, будто Аппий Клавдий, получив отказ от Тиграна, объявил ему войну. Утверждение это не может соответствовать действительности, так как, как известно, римский сенат не уполномочивал Лукулла объявлять войну Тиграну. Но и независимо от этого, представляется совершенно невероятным, чтобы к концу 71 г., когда крупные понтийские города еще не были покорены и тыл римской армии не был обезопасен, Лукулл решился бы на войну с Тиграном. Да и, наконец, мог ли Лукулл допустить такую недальновидность и неосторожность, чтобы объявить войну почти за полтора года до ее фактического начала, предоставив, таким образом, Тиграну время и возможность собрать и подготовить для войны свои боевые силы.

Несостоятельность вышеозначенного свидетельства Плутарха настолько очевидна, что его попросту игнорируют в своих исторических трудах такие видные историки, как Моммзен, Рейнак и др. Свидетельство это приводится, однако, в работах Экгардта, Астуряна и Доленса-Хача [1].

О приеме Аппия Клавдия в Антиохии более надежны, несомненно, сведения, сообщаемые Мемноном Гераклийским, так как последний, принадлежа к группе малоазиатских греческих авторов, в отношении врагов Рима свободен от тенденциозности и пристрастия, которые присущи римским историкам. И действительно, крайне любопытно, что об объявлении войны Аппием Мемнону, повидимому, ничего не известно. Но зато он приводит с большой обстоятельностью обоснованный и справедливый ответ Тиграна Аппию. Этот ответ умалчивается в произведениях Плутарха и других

---

[1] *K. Eckhardt*, Die armenischen Feldzüge des Lukullus, Klio, X, 1, стр. 74—75; *Астурян*, Политические отношения между Арменией и Римом, стр 49; *Доленс* и *Хач*, История древних армян, вып. III, Тифлис, 1910, стр. 43.

римских историков, надо полагать, именно вследствие его обоснованности и справедливости.

„Лукулл,—свидетельствует Мемнон[1],— отправил к Тиграну в качестве посла Аппия Клавдия и потребовал выдачи Митридата. Однако, Тигран отказался выдать, говоря, что его будут осуждать все, если он выдаст Лукуллу отца своей жены. А сколь плох Митридат, как человек,—это известно и ему самому, но он не может опозорить и осрамить себя перед родней. Он одновременно написал Лукуллу письмо, которое содержало эти его слова“.

При критическом изучении также и остальных свидетельств Плутарха, нетрудно притти к заключению о неправдоподобности и другого его сообщения, будто вожатые Аппия, данные ему Тиграном, намеренно водили его длинными и окольными путями. На самом же деле, в продлении пребывания своего в Армении был заинтересован сам Аппий, который, вероятно, сам организовал так ловко свое продолжительное путешествие в стране со специальною целью шпионажа.

Из свидетельства Плутарха можно с уверенностью сделать вывод о том, что Аппий имел секретную инструкцию возмутить и восстановить против Тиграна греческие города Сирии и другие покоренные им народы. Желая, повидимому, замаскировать шпионский характер путешествия римского посла по Армении, Плутарх прибег к неуклюжему и нелепому объяснению, будто люди Тиграна водили его по заведомо неправильным путям.

Поручения Лукулла, согласно вышеприведенному свидетельству Плутарха, Аппий выполнил успешно. Он склонил на сторону римлян, по всей вероятности во время своего путешествия, некоторых из недовольных князей, в их числе и царя Кордуены—Зарбиена. Нескольким же городам Сирии, которые дали обещание восстать против Тиграна, он дал совет подождать до прибытия Лукулла.

В то время, как Аппий находился в Армении, про-

---

[1] *Memn.*, XLVI.

должалась еще осада крупных понтийских городов—Амиза и Синопа, которые твердо решили не сдаваться римлянам и оказывали им отчаянное сопротивление. Эта верность и преданность эллинских городов Митридату представляют сами по себе убедительное доказательство того, что Митридат, действительно, был защитником и покровителем эллинизма и эллинских городов. Его вышеотмечанная эллинофильская и прогрессивная политика и его усилия, имевшие целью развитие эллинской городской культуры, не могли, конечно, снискать ему симпатии землевладельческой консервативной знати Понта. Этим, повидимому, и следует объяснить, что преимущественно эта понтийская знать изменяла часто Митридату и передавала римлянам без серьезного сопротивления укрепления и богатства страны.

Весною 70 г., после продолжительной осады, римлянам удалось занять Гераклию и Синоп, а осенью того же 70 г. также и Амиз. После падения этих городов Рим стал хозяином всего Понта и войну с Митридатом можно было считать оконченной.

Покоренная страна, особенно ее богатые и роскошные эллинские города, были преданы беспощадному разгрому. Римские войска подожгли и совершенно опустошили богатый и великолепный город Гераклию, а также знаменитый и красивый Амиз, считавшийся Афинами Понта. Характерно, что Лукулл, этот крупный грабитель и хищник, разрушивший до основания великую и пышную эллинистическую культуру Понта, в трудах некоторых выдающихся современных историков признается защитником эллинской культуры, „горячим поклонником эллинизма"[1].

---

[1] См., напр., *Ферреро*, Величие и падение Рима, 1, перевод А. Захарова, Москва, 1915, стр. 161 и 184. Неправильные характеристики Митридата и Лукулла, которые мы встречаем в учебнике Ковалева, объясняются, несомненно, влиянием этих исторических трудов. Митридата Ковалев считает хитрым и ловким варваром с греческим образованием; Лукулл же, по его словам, был убежденный аристократ, очень богатый, славившийся своими изысканными угощениями („Лукулловы пиры"); лично Лукулл был честным человеком. См. *С. И. Ковалев*, История античного общества. Эллинизм и Рим. 1936, стр. 192 и 207.

Закончив завоевание городов, Лукулл в том же 70 г. возвратился из Понта в Провинцию Азию. И любопытно и знаменательно то, что он, прежде чем итти походом против Армении, счел необходимым облегчить отчаянное экономическое положение римской Азии.

За нарушение верности Риму страна эта, после первой Митридатовой войны (88—84 гг.), должна была внести, как было указано выше, не только налоги за истекшие пять лет, но и уплатить контрибуцию в размере двадцати тысяч талантов. Она уплачивала ростовщические проценты за накопившийся огромный долг и была доведена до состояния полного банкротства и истощения.

Римские финансисты, предоставившие этой обнищавшей стране денежные займы, в счет причитающихся им процентов конфисковывали дома, пашни, сады, общественные здания; расхищали и увозили в Италию предметы искусства, статуи, картины, домашнюю утварь, золотые и серебряные изделия. Мало того, они увозили в Италию в качестве рабов детей своих должников или самих же должников. И несмотря на полное банкротство страны, первоначальный ее долг в двадцать тысяч талантов после 84 г. не только не уменьшился, но, наоборот, все более и более увеличиваясь, к 70 г. достиг суммы в 40 тысяч талантов.

Считая, согласно Гульчу, талант той эпохи равным приблизительно 4.200 немецким золотым маркам, весь этот долг Провинции Азии будет равен по весу ста шестидесяти восьми миллионам марок, или восьмидесяти четырем миллионам золотых рублей[1].

Римская Азия была уже не в силах уплатить эту огромную сумму и процентные начисления на нее. Население, угнетаемое под тяжестью непосильных поборов, было крайне возбуждено против римлян, и, естественно, также против римской власти. Лукулл счел благоразумным смягчить это крайнее недовольство населения и постарался облегчить его экономическое положение, ставшее уже невыносимым.

[1] См. *Hultsch Fr.*, Griechische und römische Metrologie, Berlin, 1882, стр. 298 и 711.

Он установил налоги на жилища и рабов, а также двадцатипятипроцентный подоходный налог[1]. Он запретил взимание свыше 12 процентов за частные долги, запретил также и начисление процентов на проценты и постановил, кроме того, что размер требуемых процентов не должен был превышать суммы основного долга[2]. Взыскание неоплаченного долга разрешалось с доходов должника в размере, не превышавшем четвертой части этих доходов[3].

Эти финансовые мероприятия Лукулла многие из европейских ученых, как, например, Ферреро и Шапо,[4] совершенно неосновательно относят к 73 г., т. е. к первому году третьей Митридатовой войны. Это предположение лишено всякого основания. Как Плутарх, так и Аппиан, которые являются главными и единственными источниками приведенных сообщений, определенно указывают на то, что возвращение Лукулла в Римскую Азию, как и вышеотмеченные его реформы, имели место после занятия им города Амиза и после отправки Аппия Клавдия в Армению[5].

Весьма знаменателен тот факт, что эти реформы и умиротворение Малой Азии Лукуллу понадобились именно перед походом в Армению. Факт этот не отмечен и не принят во внимание в исторических трудах. Совершенно очевидно, что, решившись на войну с Тиграном, Лукулл должен был обеспечить свой тыл на западе ценою определенных уступок отчаявшемуся и возбужденному населению римской Малой Азии.

В исторических трудах не получил вовсе освещения также коварный и вероломный план похода Лукулла против Армении, план, который нетрудно вскрыть и разоблачить при внимательном рассмотрении первоисточников.

Свой поход против Тиграна Лукулл организовывал в полной тайне. Он, по моему мнению, хотел усыпить бди-

---

[1] *App.*, Mithrid., 83.

[2] *Plut.*, Lucull., 20, 3.

[3] Там же, 20, 3.

[4] *Ферреро*, Величие и падение Рима, т. I, стр. 340 и *V. Chapot*, La province romaine proconsulaire d'Asie, Paris, 1904, стр. 40—41.

[5] *Plut.*, Lucull., 19, 2; *App.*, Mithrid., 83.

тельность Тиграна и предполагал разбить его неожиданным нападением, прежде чем Тигран успел бы стянуть свои разбросанные войсковые части и организовать сопротивление.

Совершенно естественно и понятно, что римские источники и, в частности, Плутарх, писавший не беспристрастную историю Лукулла, а панегирик ему, затрудняются открыто признать этот очевидный факт нападения Лукулла на Тиграна без объявления войны, являвшийся грубым нарушением правовых международных норм. Однако, ясные намеки на этот факт мы все же находим у Аппиана, пользовавшегося в этой части своей истории, повидимому, не римским, а малоазиатским нейтральным греческим источником.

Из соответствующего свидетельства Аппиана, приведенного ниже полностью, видно, что Лукулл, возвратившись в 70 г.[1] в римскую Малую Азию, постарался сперва создать впечатление, будто война окончена, а затем неожиданно и быстрым маршем двинулся на Армению.

„Итак,—рассказывает Аппиан,—таким именно образом Лукулл разрушил и вновь восстановил Синоп и Амиз. Он установил дружбу с сыном Митридата—Махаром, царем Боспора, который прислал ему золотой венок. Затем он потребовал от Тиграна выдачи Митридата. Сам же, вернувшись в Азию, которая все еще платила штрафы, наложенные Суллой, установил, чтобы платили четвертую часть доходов, и обложил налогами также жилища и рабов. Затем в честь своей победы он устроил торжественные празднества жертвоприношений, желая этим создать впечатление, что война уже успешно закончена. А после жертвоприношений он выступил в поход против Тиграна, не согласившегося выдать ему Митридата“[2].

---

[1] Возвращение Лукулла в Малую Азию следует отнести не ко времени до взятия в 71 г. городов Синопа и Амиза, как полагают, опираясь на сообщение Плутарха, Рейнак, Моммзен и др. (см. Mithridate Eupator., стр. 152; Римская история, III, стр. 52), а, согласно свидетельству Аппиана, ко времени после их занятия в 70 г.

[2] *App.*, Mithrid,, 83 и 84.

Намеки на то, что Лукулл предпринял свое нашествие на Армению тайно и внезапно, можно найти, как увидим, также у Саллюстия и Мемнона. И мне кажется, что Лукулл, имя которого сохранилось в искаженном виде в армянских народных преданиях, именно вследствие этого тайного и воровского нападения оставил по себе плохую память в Армении.

Он упоминается под именем „Вайкун", причем сообщается, что Вайкун, будучи разбойником, встревожил мирный покой армянской страны и заставил Тиграна вернуться из Птолемаиды в Армению.[1] Это древнее предание о Лукулле-Вайкуне приводится у Хоренского в следующем отрывке его Истории.

Хоренский, кн. II, гл. 14, перевод Эмина, Москва, 1899 г. стр. 68:

> „Вслед за тем он [Тигран] идет в страну Палестинскую отомстить Клеопатре в Птолемаиде за проступок ее сына, Дионисия, против своего отца; берет в плен множество евреев и осаждает город Птолемаиду. Но царица еврейская Александра, она же Мессалина, супруга Александра, сына Иоанна, сына Симеона, брата Иуды Маккавея, которая в то время управляла царством иудейским, (лишь) большими дарами могла уговорить его снять осаду. К тому же до Тиграна дошла молва, что какой-то разбойник, по имени Вайкун, опустошает землю армянскую, укрепившись на одной неприступной горе, которая до сих пор, по имени этого разбойника, называется Вайкуник".

Что свой поход в Армению Лукулл предпринял внезапно и без объявления войны, как будет видно из дальнейшего, является фактом, совершенно бесспорным.

[1] Неправдоподобно предположение Халатьянца о том, будто наименование Лукулла „Вайкун-разбойник" принадлежит лично Хоренскому. Свидетельство Хоренского, по-моему, основано на народном предании. См. *Г. Халатьянц*, Армянские Аршакиды, Москва, 1903 г., стр. 64 и 375.

10. ВНЕЗАПНОЕ НАПАДЕНИЕ ЛУКУЛЛА И ЕГО ПЕРВОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ С АРМЯНАМИ

Внезапное и неожиданное нападение на Тиграна, равно как и война с последним, задуманное Лукуллом, подготовлялись им, как сказано, тайно и заговорщически.

Тигран не ожидал и не предчувствовал великой опасности, угрожавшей его стране. Ему, повидимому, было известно, что римский сенат не уполномочивал Лукулла начать новую войну в Армении. Ему, вероятно, было известно также, что римский сенат, считая опасной войну с могущественной Арменией, не хотел вмешаться в дела Сирии и не согласился на возведение на престол законных наследников из рода Селевкидов. Это миролюбивое настроение римского сената, равно как и торжества,устроенные Лукуллом в Эфесе по поводу окончания войны, должны были внушить Тиграну уверенность в том, что опасность войны с римлянами можно считать предотвращенной. Поэтому он не только не готовился к войне, но, напротив, спокойно и беспечно был занят работой по окончанию строительства города Тигранакерта.

Этот простодушный его оптимизм был крупной политической ошибкой, повлекшей за собою, как увидим, роковые последствия для его великой державы.

Оправдать эту ошибку Тиграна, конечно, очень трудно, так как Митридат, как видно из свидетельств источников, предупреждал его о неизбежном нападении на Армению со стороны ненасытного агрессивного Рима. И, в самом деле, рано или поздно Рим должен был свести с Тиграном счеты за покорение им Сирии и опустошение Каппадокии, союзных ему стран. Рим не мог, конечно, позволить, чтобы в тылу его малоазиатских владений—в Коммагене, Восточной Киликии и на берегах Средиземного моря—окончательно

организовалась и укрепилась могущественная и великая империя—Армения, которая была бы постоянной угрозой его владычеству на востоке.

Нетрудно было, следовательно, догадаться, что укрепление и соседство могущественной и воинственной римской республики на западных границах Армении должны были оказаться более опасными для новообразовавшейся армянской империи, чем соседство сравнительно слабого и непрочного парфянского государства на ее восточных границах. Поэтому Тигран, как совершенно правильно указывают римские источники, не должен был в собственных же интересах допустить крушение Понта, обеспечивавшего его же тыл. Он должен был еще до сражения под Кабирой оказать помощь своему тестю—Митридату, предоставив ему вспомогательные войска.

Весною 69 г. Лукулл по собственной инициативе и под свою личную ответственность предпринял поход против Армении без объявления войны и вопреки желанию римского сената. Он, по словам Саллюстия [1], прошел форсированным маршем через Каппадокию и спешно направился к реке Евфрат, отделявшей присоединенную к Армении древнюю Софену от царства Ариобарзана. Здесь, около Мелитены [2], царь Каппадокии в течение зимы заготовил незаметным образом плоты [3], на которых Лукулл легко переправился через Евфрат и вышел в Софену. О том, что Лукулл переправился через Евфрат неожиданно и тайком, свидетельствует, кроме Саллюстия, также и Мемнон [4].

От Мелитены до Евфрата римское войско шло, несомненно, древним караванным путем, подробно описанным на Певтингеровой карте.

Путь этот устанавливается совершенно точно через

---

[1] *Sallust.*, fr. IV, 11 (Leipzig, 1856).

[2] Ср. *Tacitus*, Annales, XV, 26—27.

[3] Предположение Моммзена о том, что Тиграном была завоевана также и Мелитена, как указано выше, не соответствует действительности.

[4] *Memn.*, 56. „Лукулл,—говорит Мемнон в этом свидетельстве,—выйдя в Каппадокию и имея в качестве друга ее властелина Ариобарзана, неожиданно перешел Евфрат вброд".

теперешн. Изоглу (пишется также Изоли) и древнюю Томису, лежавшую на левом берегу Евфрата. Эту крепость Томису Лукулл, согласно свидетельству Страбона [1], подарил царю Каппадокии Ариобарзану I за ту помощь, которая была оказана им во время его похода.

Плутарх, который, повидимому, старается скрыть тайный и воровской характер этого похода, не делавшего чести Лукуллу, умалчивает все вышеприведенные фактические данные, историческая достоверность которых не подлежит никакому сомнению. Вместо этих данных, известных и ему, главным образом, из исторического труда Саллюстия, он дает вымышленный рассказ, полный сказочных чудес, источником которого, как предполагает Рейнак [2], могло быть поэтическое и полное измышлений эпическое произведение Архия Антиохийского. Сведения, сообщаемые Плутархом и цитируемые обычно в исторических трудах, считаю не лишним привести без сокращений.

„Лукулл,—рассказывает Плутарх [3],—пройдя с большой скоростью путь до Евфрата и найдя его полноводным и мутным вследствие дождей, был обеспокоен,—он был вынужден тратить время и труд и должен был строить плоты и изготовить из них мост. Но уровень воды к вечеру стал падать, сильно уменьшился ночью и на рассвете было видно, что русло реки начинало уже высыхать.

Заметив на месте переправы появившиеся небольшие островки и около них мелководные места, туземцы коленопреклонно поклонились Лукуллу, так как подобного рода явление случалось раньше редко. Теперь же укрощенная и послушная река добровольно подчинялась ему и, предоставляя себя в его распоряжение, позволяла переправиться легко и без труда. Воспользовавшись этим счастливым случаем, Лукулл перевел свои войска, причем во время переправы он увидел благоприятное знамение. Здесь паслись священные коровы, посвящен-

---

[1] *Strabo*, XII, 2, 1.

[2] *Reinach*, Mithridate Eupator, стр. 442.

[3] *Plut.*, Lucull., 24, 2—8.

ные персидской Артемиде, пользовавшейся из всех богов наибольшим почитанием со стороны туземцев, живущих на противоположном берегу Евфрата. Этих коров они приносили только в жертву, а вообще они свободно паслись в этих местах, имея на себе клеймо, представляющее факел, как знак богини. В случае надобности, их не легко было поймать и требовалось на это много труда. Когда войско переправлялось через Евфрат, одна из них взошла на священную скалу, посвященную богине, встала на ней и, наклонив голову, как это делают коровы, которых тянут веревками, предложила себя Лукуллу как бы для жертвоприношения. В благодарность за удачную переправу, Лукулл принес в жертву быка также и Евфрату".

Эти сообщения Плутарха, естественно, лишены всякой исторической ценности. И тем не менее, вместо вышеозначенных фактических и достоверных сведений, они именно приведены в некоторых исторических трудах [1].

Перейдя реку Евфрат, римское войско, под предводительством Лукулла, двинулось вперед и вновь ускоренным маршем прошло через Софену к реке Тигру, имея целью застигнуть Тиграна врасплох и напасть неожиданно на город Тигранакерт. Население Софены не только не оказало Лукуллу никакого сопротивления, но, повидимому, добровольно подчинилось ему. Оно снабжало римскую армию необходимым продовольствием и этим значительно облегчило ее продвижение к Тигранакерту.

Описание продвижения римского войска через Софену дается в нижеприводимых свидетельствах Аппиана и Плутарха, согласных в этой части между собою и взаимно дополняющих:

1. App., Mithrid., гл. 84:

„Перейдя реку Евфрат, Лукулл продвинулся среди варваров, от которых он потребовал лишь того, что ему было необходимо. А народ этот не боролся и не хотел

[1] Ср. *Лео*, История Армении, Тифлис, 1917, стр. 406 и след. (на арм. яз.), также *Доленс* и *Хач*, История древних армян, вып. III, Тифлис, 1910, стр. 50—51 и др.

терпеть какой-либо ущерб до самого окончания войны между Лукуллом и Тиграном".

Плутарх, Лукулл, 24, 8:

„В этот день он провел ночь здесь [на левом берегу Евфрата], но на другой и в следующие затем дни шел через Софену, не причиняя вреда жителям, выходившим к нему навстречу и радушно принимавшим его войска. Даже когда его солдаты хотели взять какую-то крепость, где, казалось, находилось много денег, он, указав им видневшиеся вдали Тавры, сказал: „Нам необходимо разрушить прежде ту крепость,—а эти здесь и так достанутся победителям". Двигаясь усиленными маршами, он, после переправы через Тигр, вступил в пределы Армении".

Следует отметить, что и в другом своем свидетельстве Плутарх особо указывает на то, что на сторону Лукулла кроме арабов и кордуенцев перешло также население Софены [1]. Из этих свидетельств мы можем с полной уверенностью заключить, что во время пребывания римского посла Аппия Клавдия в Армении согласие оказать помощь Лукуллу дали не только Кордуена, но и Софена. Само собою понятно, что измена и сотрудничество этих двух стран, расположенных на пути римского войска, для успеха наступления Лукулла имели исключительно важное значение.

Направление пути наступавшего войска от Евфрата до Тигра установлено в исторических трудах с достаточной точностью. Эту часть маршрута Лукулла историки определяют по линии, идущей через теперешнюю Харбертскую равнину и через Аргану по направлению к реке Тигр, в сторону Амид-Диарбекира. Путь этот, таким образом, совпадает с древней линией, составлявшей часть „Царской дороги" Ахеменидской Персии [2], и соответствует магистрали Melitene ad Tygrem, описанной на Певтингеровой карте.

Перейдя реку Тигр [3], римское войско, по словам Плу-

---

[1] *Plut.*, Lucull., 29, 8.

[2] См. мою работу „О торговле и городах Армении", стр. 14—15.

[3] Римское войско, по мнению Экгардта, перешло Тигр, по всей

тарха[1], вторглось в Армению. Это важное свидетельство, не привлекавшее до сих пор достаточного внимания исследователей, освещает один из наиболее темных вопросов исторической географии древней Армении. Софену, которую Тигран II присоединил к Великой Армении, Плутарх, как видно из его свидетельства, считает отдельной страной и границей между нею и коренной Арменией признает реку Тигр[2].

Можно, следовательно, предположить, вопреки мнению Гюбшмана и Маркварта[3], что область Арзанена—Ахдзник, в которой находился город Тигранакерт, расположенная по левую сторону реки Тигра, входила в состав не государства Зариадра Софены, а составляла часть Артаксиадской Армении, в качестве одной из южных областей последней.

Предположение это находит косвенное подтверждение у Аппиана, по словам которого город Тигранакерт был основан на том месте, где Тигран впервые возложил на себя корону Армении[4]. Из этого свидетельства также видно, что и Аппиан, как и Плутарх, считает область Арзанену—Ахдзник с ее городом Тигранакертом составною частью Артаксиадской Армении. С этой точки зрения заслуживает, кроме того, особого внимания и то, что и по армянским преданиям, приводимым в исторических трудах Мар-Абаса и Моисея Хоренского, древнейшее местожительство предков армян указывается в этой же области к югу от Армянского Тавра.

Выясняется, таким образом, что при Тигране Великом и его предшественниках южной границей Великой Армении могла быть, действительно, как об этом свидетельствует Плутарх, река Тигр.

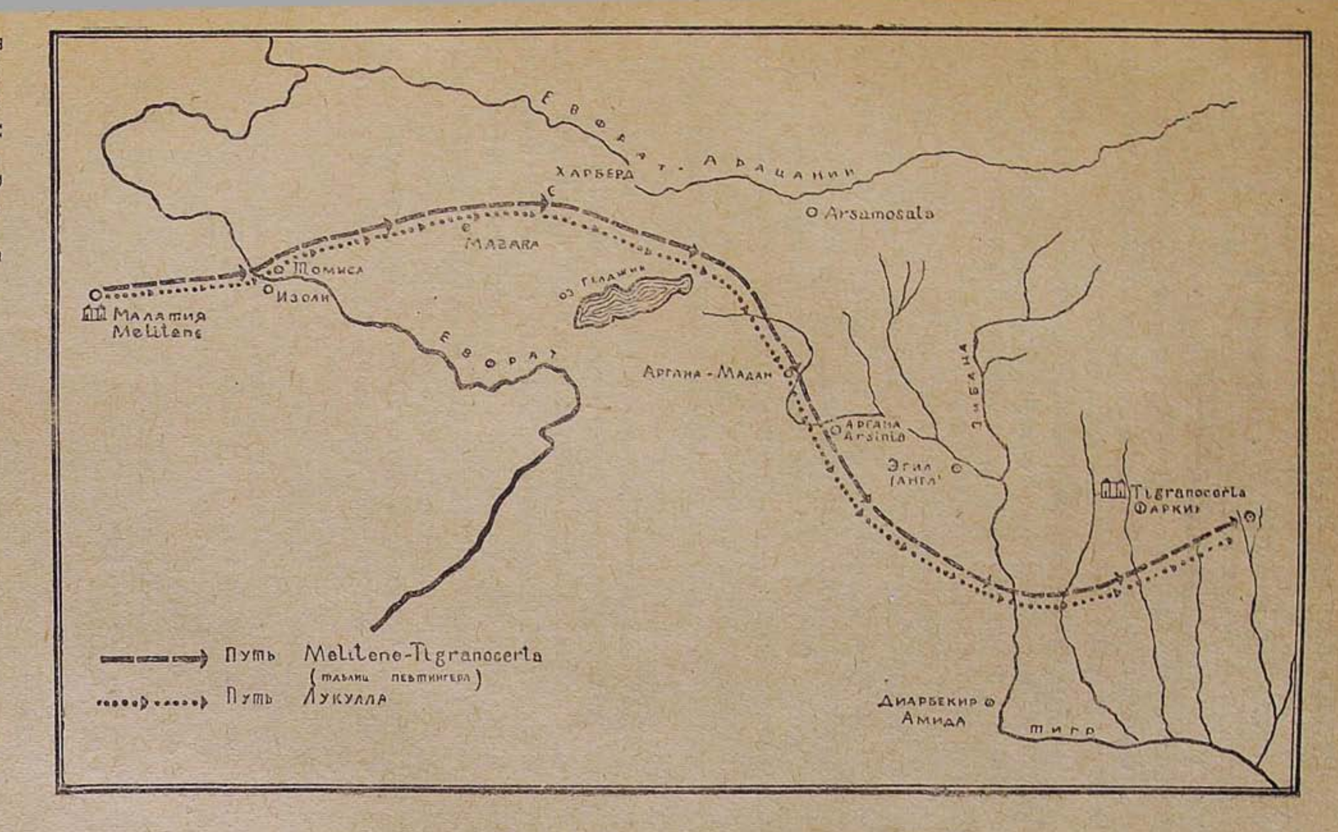
вероятности, приблизительно в 20 километрах от теперешнего Амид-Диарбекира, около нынешн Шабиана. См. Klio, Bd. X, Heft I, стр. 87—88.

[1] *Plut.*, Lucull., 24, 8.

[2] Ср. *Eckhardt*, Die armenischen Feldzüge des Lukullus, Klio, Bd. X, Heft I, стр. 83.

[3] См. *Гюбшман*, Названия мест древней Армении (на арм. яз.), Вена, 1907, стр. 77; *Markwart*, Eranschahr, Berlin, 1901, стр. 178. Ср., однако, правильное предположение Маркварта в его Südarmenien und die Tigrisquellen, стр. 119.

[4] *App.*, Mithrid., 67.

Путь Лукулла через Софену к Тиграцакерту.

Расстояние от реки Тигра до Тигранакерта (теперешнего Фаркина), куда спешило римское войско, составляло всего около 150 километров[1]. Коварный и вероломный план Лукулла, как видим, осуществлялся с величайшим успехом. Враг уже вплотную подошел к Тигранакерту и грозная опасность уже нависла над Арменией, а Тигран ничего не знал об этом: им не были еще собраны войска и он никак не мог предупредить угрожавшую опасность.

Слух о неожиданном вторжении римского войска показался в Тигранакерте совершенно невероятным. Распространителя этого слуха Тигран, по свидетельству Аппиана, счел за провокатора и мятежника.

„Тиграну,—рассказывает Аппиан,[2]—никто не сообщал о вторжении Лукулла. Первый, кто донес ему об этом, был, по его приказанию, повешен, так как Тигран полагал, что человек этот вносит в город панику".

Рассказ Плутарха об обстоятельствах казни этого вестника носит весьма тенденциозный характер и, несмотря на свою очевидную недостоверность, совершенно незаслуженно приводится, главным образом, в армянских исторических трудах[3].

„Так как,—рассказывает Плутарх,[4]—первый, принесший Тиграну известие о приближении Лукулла, небыл принят благосклонно и ему была отрублена голова, никто больше не говорил ему об этом. Ничего не зная, царь сидел спокойно, в то время как кругом уже пылало пламя войны. В это время он слушал лишь льстецов, говоривших, что Лукулл будет считаться великим полководцем, если сможет противостоять ему в Эфесе и не убежит тотчас из Азии, увидев его бесчисленное войско".

---

[1] Путь римского войска от реки Тигра до Фаркина—Тигранакерта установлен неправильно в трудах Моммзена, Халатьянца и др., так как названные авторы неверно определяли местоположение Тигранакерта.

[2] *App.*, Mithrid., 84.

[3] См. *Лео*, История Армении, стр. 407; *Доленс* и *Хач*, История древних армян, вып. III, стр. 51—52.

[4] *Plut.*, Lucull., 25, 1.

В приведенном отрывке Плутарха представляет интерес, главным образом, его свидетельство, что при дворе Тиграна, повидимому, были убеждены в том, что Лукулл в то время находился еще в Эфесе. Мне кажется, это свидетельство Плутарха косвенным образом подтверждает наше новое предположение о том, что Лукулл прибыл в Армению не из Понта, как предполагалось до сих пор, а из Эфеса.

Подтвердившееся сообщение вестника о вторжении римского войска вызвало в Тигранакерте смятение и переполох. Тигран, не подготовившийся к войне и застигнутый врасплох, был вынужден частично эвакуировать город и удалиться в безопасное место. С целью выиграть время он предоставил небольшой отряд одному из своих полководцев — Меружану (Mithrobouzanēs)[1] и приказал ему задержать какою угодно ценою, хотя бы временно, продвижение неприятеля к Тигранакерту.

Вполне надежные и достоверные сведения об отправке отряда Меружана против римского войска дает Аппиан, пользовавшийся в этой части своей истории, как указано выше, нейтральным малоазиатским источником.

> „После того как Тигран удостоверился (в правильности сообщения о вторжении Лукулла), — рассказывает Аппиан,[2] — он отправил Меружана с двумя тысячами конницы, чтобы тот задержал нападение Лукулла. Манкайю же он поручил защиту Тигранакерта“.

У Плутарха имеется, кроме того, сообщение о геройской смерти Меружана, которую он нашел в неравном и смелом бою. Несмотря, однако, на историческую достоверность основы этого свидетельства Плутарха, сообщения его в подробностях своих изобилуют нелепыми измышлениями, которыми он, по своему обыкновению, старается дискредитировать Тиграна.

---

[1] В своем исследовании „Untersuchungen zur Geschichte von Eran“ (стр. 69) Маркварт, основываясь на сравнительном изучении текстов рукописей Аппиана, считает правильным чтение Mithrobouzanēs вм. Mithrobarzanes.

[2] *App.*, Mithrid., 84.

„Митробарзан,—пишет Плутарх,—один из друзей Тиграна, первым решился сказать ему правду. Но и этот за свои откровенные высказывания не получил хорошей награды. Он немедленно был послан против Лукулла с тремя тысячами конницы и многочисленной пехотой. Ему было приказано привести римского полководца живым, а остальных уничтожить. В это время часть армии Лукулла располагалась лагерем, другая же часть еще подходила. Когда же разведчики дали ему знать о появлении неприятеля, Лукулл побоялся, что, напав на его войско, они могут привести его в замешательство, так как оно не было в сборе и не стояло еще в боевом порядке. Поэтому он занялся лично устройством лагеря, а своего легата Секстилия выслал вперед против неприятеля с шестью тысячами конницы и немного большим числом тяжелой и легкой пехоты. Лукулл приказал ему подойти близко к врагам и задержать их, пока не получит известия, что остальная армия уже укрепилась в лагере. Секстилий хотел исполнить данное ему приказание, но подвергся сам нападению со стороны Митробарзана, вступившего бесстрашно в рукопашный бой. В бою Митробарзан пал сражаясь, а все остальные неприятели погибли, за исключением немногих, во время бегства“[1].

В приведенном сообщении Плутарха представляет, несомненно, очевидную несуразность свидетельство Плутарха о том, будто небольшому отряду Меружана было приказано захватить Лукулла живым и уничтожить огромную римскую армию. Меружан, в действительности, имел задание, как мы видели, лишь задержать продвижение римского войска к Тикранакерту. Характерно, что даже это, явно нелепое, свидетельство Плутарха приводится в исторических трудах без каких-либо оговорок[2].

В вышеприведенном свидетельстве Плутарха является,

[1] *Plut.*, Lucull., 25, 3—6.

[2] См., например, *Reinach*, Mithridate Eupator, стр. 359. *Eckhardt*, Die armenischen Feldzüge des Lukullus, Klio, Bd. X, 1, стр. 176.

несомненно, ложным также утверждение его о том, будто Тигран, отправляя Меружана против Лукулла, хотел наказать его за то, что он, несмотря на казнь гонца, осмелился вновь напомнить ему о вторжении римского войска. Меружан, как установлено Марквартом[1], происходил из царского рода Софены и потому представляется совершенно понятным назначение его против Лукулла, который шел именно через Софену.

„Тогда Тигран,—сообщает Плутарх,—покинув Тигранакерт, огромный, основанный им город, двинулся к Тавру и начал с разных сторон стягивать туда свои войска. Лукулл же, не дав ему времени для приготовлений, выслал вперед Мурену и велел тревожить и затруднять концентрацию войск около Тиграна; а Секстилию поручил отразить огромное полчище арабов, спешивших на помощь царю. Секстилий тотчас же произвел нападение на располагавшихся лагерем арабов и большую часть их перебил. Мурена же пустился в погоню за Тиграном и в то время, как царь шел неровным и узким ущельем, улучив минуту, напал на растянутое его войско.

Сам Тигран бежал, бросив весь свой обоз, и много армян было там изрублено, еще больше было взято в плен".[2]

План Лукулла застигнуть Тиграна врасплох, как видно из вышеизложенного, осуществился полностью. Римское войско находилось уже около Тигранакерта, в коренной Армении, а Тигран, не успевший к тому времени подготовиться к войне, не мог нанести врагу контрудара.

Пренебрежительные намеки римских источников по адресу Тиграна объясняются, повидимому, тем, что римскому полководцу, равно как римской ловкой и искусной дипломатии, удалось с большим успехом обмануть его и привести в замешательство.

---

[1] *Markwart*, Eranschahr, стр. 176.

[2] *Plut.*, Lucull., 25, 7—8.

11. ОСАДА ТИГРАНАКЕРТА И ВСТРЕЧА ТИГРАНА С МИТРИДАТОМ

Внезапное и стремительное движение Лукулла на Тигранакерт вызвало в последнем смятение и панику. Бегство нТиграна из города произошло с такою быстротою и поспешностью, что он не успел взять с собою свой гарем и богатства.

Отступая через горы Тавра[1], вероятно, через нынешние Нерджики и Шеник[2], в центральные и северные области своего царства, Тигран поручил защиту Тигранакерта своему полководцу Манкаю. Последний должен был оказать сопротивление неприятелю и должен был удержать в своих руках город, пока сам Тигран успел бы собрать с разных сторон свои войска, чтобы притти ему на помощь.

Внезапное нападение Лукулла и появление его около Тигранакерта имели место в 69 г., но не летом, как полагает Рейнак[3], а, повидимому, весною. Считая общее расстояние от реки Евфрата до Тигранакерта—Фаркина приблизительно в 300 км., можно предположить, что римское войско, после перехода его через реку Евфрат (весною 69 г.)., могло до Тигранакерта дойти форсированным маршем в течение не более двух недель, не позже мая месяца.

Можно, следовательно, считать вероятным, что уже весною 69 г. римляне успели осадить Тигранакерт. Подготовительные работы по осаде Лукулл возложил на Секстилия, который, как рассказывает Аппиан[4],

---

[1] *Plut.*, Lucull., 25, 7.

[2] Магистральный путь от Тигранакерта до Тарона и оттуда до Арташата, подробно описанный на древнеримской географической карте Кастория, рассмотрен и выяснен в моем труде „Главные пути древней Армении", стр. 85—114.

[3] *Reinach*, Mithridate Eupator, стр. 359.

[4] *App.*, Mithrid., 84.

ТИГРАН ВТОРОЙ

„окружив Манкая в Тигранакерте, немедленно занял царский дворец, находившийся вне городских стен; самый же город и цитадель он окружил валом и рвом, заготовил машины и провел под стенами подкопы".

Крепостной гарнизон Тигранакерта состоял, главным образом, из греков и киликийцев, повидимому, из числа новосельцев, выселенных сюда из Киликии и Каппадокии и получивших здесь права гражданства.

Все усилия римлян занять город штурмом и при помощи машин остались напрасными и безрезультатными.

Крепостной гарнизон, под начальством Манкая[1], оказывал упорное и стойкое сопротивление римлянам, осыпая их градом стрел. Осадные же машины римлян гарнизон уничтожал горящей нефтью, которую он лил сверху [2].

Тигранакерт оставался, таким образом, невредимым и непобедимым в течение ряда месяцев, пока не вернулся Тигран со своей новоорганизованной армией.

Интересно и весьма характерно, что Плутарх считает излишним упомянуть эти первоначальные неудачи римлян под Тигранакертом. Он ничего не сообщает также об успешном и победоносном нападении армянской конницы, обстоятельно описанном в нейтральных малоазиатских источниках широко использованных Мемноном и Аппианом.

Из этих достоверных источников известно, что Тигран в начале осады Тигранакерта прислал сюда отборную конницу, с поручением освободить его гарем и драгоценные сокровища. Привожу без сокращений соответствующие сведения об этом, сохранившиеся у Мемнона и Аппиана, но умалчиваемые римскими источниками.

1. Мемнон, 56:

„В то время как Армения была осаждена со многих сторон, Тигран отправил к Митридату посланца и

---

[1] Имя Манкай, по мнению Адонца, соответствует армянскому имени Мамику, встречающемуся в роде Мамиконянов, как имя их прародителя, почему он и полагает, что Манкай-Мамик был, вероятно, армянским полководцем из рода Мамиконянов. См. „Армения в эпоху Юстиниана, стр. 411 и 415.

[2] *Cass. Dio,* 36, 1b (изд. *Boisevain*-а).

пригласил его к себе. Одновременно он отправил войско в Тигранакерт, где находился его гарем. Подойдя к городу, войско это, открыв стрельбу из луков, отрезало римлянам выход из лагеря, вывезло ночью из города в первую очередь гарем и наиболее дорогие и ценные вещи Тиграна. К рассвету же римляне и вместе с ними и фракийцы, сражаясь мужественно, многих из армян убили, многих же, захваченных живыми, взяли в плен. Однако то, что предварительно было вывезено, было спасено и вручено Тиграну".

2. Аппиан, Mithrid., 85:

„Секстилий был занят именно этим [осадою Тигранакерта], а Тигран, собрав вокруг себя до двухсот пятидесяти тысяч пехоты и около пятидесяти тысяч конницы, прежде всего отправил из них около шести тысяч бойцов в Тигранакерт. Они силою прорвались через цепь римлян, направились к цитадели, вывели оттуда жен Тиграна и вернулись обратно. Сам же Тигран с остальною частью своего войска напал на Лукулла. И в это время впервые прибыл, чтобы повидаться с Тиграном, Митридат, и посоветовал последнему не вступать в бой с римлянами, а только производить с конницей набеги, опустошать страну и постараться, если возможно, обречь противника на голод, точно так, как и Лукулл обессилил его самого без боя под Кизиком и уничтожил его войско".

Мемнон и Аппиан, как видим, согласно и единодушно указывают, что отряд, отправленный Тиграном, успешно выполнил поручение и, прорвав цепь римских войск, осаждавших Тигранакерт, вывез оттуда царский гарем и сокровища. Астурян, несомненно, ошибается, полагая, что событие это имело место в Софене, где римляне осаждали крепость Бнабех[1].

Плутарх не упоминает об этом крупном успехе армянской конницы, надо полагать, потому, что событие это он,

[1] *Астурян*, Политические отношения между Арменией и Римом, Венеция, 1912, стр. 53 (на арм. яз.).

как указывает Рейнак,[1] считает постыдным для Лукулла.

Во втором из вышеприведенных свидетельств, ночную атаку армянской конницы Аппиан относит ко времени контрнаступления Тиграна, предпринятого последним осенью 69 года. Однако, Экгардт, опираясь на более точные данные Мемнона, полагает, что атака эта имела место непосредственно вслед за уходом Тиграна из Тигранакерта, следовательно, весною 69 г. Экгардт совершенно справедливо указывает на то, что проникнуть в Тигранакерт было возможно и было сравнительно легко в начале осады города, когда еще не были закончены работы по его обложению[2].

В вышеприведенных свидетельствах заслуживает особого внимания и то, что как Мемнон, так и Аппиан, основываясь явно на нейтральных малоазиатских первоисточниках, сообщают, что Митридат был приглашен к Тиграну не до нашествия Лукулла на Армению, как это предполагают, основываясь на неправильных сообщениях Плутарха, все иностранные и армянские историки, а после начала войны, когда Тигран, удалившись во внутренние области своего государства, начинал готовиться к войне, т. е. весною или летом 69 года.

Аппиан, как мы видели (свид. 2), ясно и определенно свидетельствует, что Митридат впервые прибыл на свидание с Тиграном перед контрнаступлением последнего на Лукулла. Точно также и в вышеприведенном свидетельстве Мемнона (свид. 1) приглашение Митридата к Тиграну отнесено ко времени непосредственно после осады Тигранакерта, хотя подробные сведения об этом же свидании изложены у него и в предыдущей 55 главе.

Несмотря на эти вполне достоверные свидетельства Мемнона и Аппиана, историки, как указано выше, все отдают предпочтение сообщениям Плутарха. Они не принимают во внимание того, что Плутарх или сам, или же его источники, умышленно извращают действительное историческое событие

---

[1] *Reinach*, Mithridate Eupator, стр. 360, прим. 1.

[2] *K. Eckhardt*, Die armenischen Feldzüge des Lukullus, Klio, Bd. X, I, стр. 92.

с целью скрыть коварный и неправый характер нашествия Лукулла и установить, что будто, еще до начала похода Лукулла, Тигран и Митридат вели между собою тайные переговоры и что именно сами они подготовили и начали военные действия.

Правильность нашего нового освещения времени свидания Тиграна и Митридата находит себе несомненное подтверждение в нижеприводимом другом ценном свидетельстве Мемнона, рассмотрению и использованию которого не уделялось должного внимания в предшествующих исторических трудах.

> „Оставаясь в течение года и восьми месяцев в пределах Армении,—пишет Мемнон[1],—Митридат еще не был у Тиграна и не виделся с ним. И когда Тигран попросил, чтобы Митридат пришел повидаться с ним, он принял его торжественно и удостоил его царских почестей. Около трех дней Тигран тайно совещался с Митридатом и затем дружественно подарил ему роскошные одеяния, предоставил ему десятитысячную конницу и отправил его в Понт“.

Свидание Тиграна с Митридатом, согласно этому свидетельству Мемнона, имело место через двадцать месяцев после прибытия его в Армению. Мы уже видели, что Митридат прибыл в Армению летом или осенью 71 г.[2], следовательно, свидание его с Тиграном, согласно тому же свидетельству, могло иметь место не до войны, а после, т. е., как мы указали выше, в конце весны или же в летние месяцы 69 года.

Вполне понятно, почему Тигран впервые принял Митридата с царскими почестями лишь теперь, по прошествии почти двух лет. После неожиданного нападения Лукулла и открытия военных действий теперь уже теряли весь смысл как осторожная и сдержанная политика Тиграна по отношению к Риму, так и его нейтралитет, благодаря которым он думал избегнуть войны. И вполне естественно, что лишь теперь, поняв свою политическую ошибку, Тигран почувствовал необходимость в помощи и сотрудничестве Митридата.

---

[1] *Memn.*, 55.

[2] Ср. *Reinach*, Mithridate Eupator, стр. 348.

Тенденциозны и сомнительны также сведения, сообщаемые Плутархом о беседе Тиграна с Митридатом при их свидании.

„Во время тайных совещаний друг с другом [Тиграна с Митридатом],—рассказывает Плутарх,—цари старались уничтожить взаимные подозрения, на беду своих приближенных, которых они сочли причиной их разлада. В числе их находился и скепсиец Метродор, который был талантлив как оратор и многосторонен как ученый. Он пользовался такой тесной дружбой Митридата, что его называли „отцом царя". Говорят, однажды Митридат отправил его послом к Тиграну просить помощи против римлян. „Какой же совет дашь в этом случае ты сам, Метродор?"—спросил его царь. Тот отвечал, быть может, желая помочь Тиграну или же не желая, чтобы Митридат спасся, что как посол он советует помочь ему, как советник—отказать. Теперь Тигран рассказал об этом Митридату и обвинил Метродора, не подумав, что этим самым он подвергает опасности его жизнь. Метродор был немедленно убит, а Тигран раскаялся в своем поступке. Впрочем, он полагал, что не один этот случай был причиной несчастия Метродора и что причиной явилась также ненависть к нему Митридата. И, действительно, уже давно Митридат относился к нему враждебно, и это стало очевидным, когда были захвачены тайные бумаги Митридата; в них был найден, между прочим, приказ о казни Метродора. Тигран устроил ему пышные похороны,—никаких расходов не пожалел для трупа, предательски поступив в отношении живого"[1].

В этом пространном свидетельстве Плутарха, составленном со специальной целью скомпрометировать Тиграна, как я полагаю, вымышленно и ложно, прежде всего, сведение относительно убийства Метродора. Из нижеприведенного свидетельства Страбона совершенно определенно явствует, что Метродор умер в 71 г. Ясно, следовательно, что он не

[1] *Plut.*, Lucull., 22, 2—6

мог быть убит после свидания Тиграна с Митридатом в 69 г. (до н. э.).

Привожу полностью соответствующее свидетельство Страбона.

Страбон, XIII, 1, 55 (перевод Мищенка, стр. 622—623):

„Позже Деметрия из Скепсия,—пишет Страбон,— жил Метродор (также родом из Скепсия), из философа сделавшийся политическим человеком и в большей части своих сочинений являющийся ритором, потому что он придавал общеупотребительным выражениям новую форму, возбуждая тем удивление многих. Благодаря своей славе, он, несмотря на бедность, женился богато в Халкидоне и назван был Халкидонским. Потом, льстя Митридату Евпатору, он вместе с ним совершил путешествие в Понт с женою и пользовался большими почестями, будучи назначен на судебную должность, не допускавшую жалобы царю на решение суда. Однако, счастье его не было постоянно: он восстал против царя во время посланничества к Армянину Тиграну под влиянием вражды бесчестных людей; Тигран отослал его обратно, несмотря на сопротивление, к Евпатору, бежавшему из родины, но на пути Метродор покончил с жизнью или по распоряжению царя, или по болезни; рассказывают об этом двояко“.

Страбон, как видим, вполне определенно свидетельствует о том, что Метродор умер на обратном пути в Понт, куда он возвращался от Тиграна, и именно тогда, когда Митридат, преследуемый Лукуллом, бежал из собственной страны, т. е. в 71 г. Следовательно, совершенно ошибочны утверждения Рейнака, Экгардта и других историков[1], которые, придерживаясь Плутарха, убийство Метродора относят ко времени после встречи Тиграна с Митридатом, имевшей место в 69 г. (до н. э.).

Как у Плутарха, так и у Страбона, по моему мнению, сомнительны и недостоверны также и свидетельства их об

[1] *Reinach*, Mithridate Eupator, стр. 357; *Eckhardt*, Die armenischen Feldzüge des Lukullus, Bd. X, I, стр. 89, и др.

убийстве Метродора. Эти сообщения, крайне противоречивые, исходят, повидимому, из антимитридатовых источников и имеют целью дискредитировать и опозорить Митридата. Более достоверным представляется мне сообщение тех источников, находившихся в распоряжении Страбона, которым ничего не было известно об убийстве Метродора и которые свидетельствовали о том, что он умер от болезни[1].

Следует отметить несовпадение также свидетельств Плутарха и Мемнона в другой, не менее важной, их части. Мемнон указывает на то, что после трехдневного совещания Митридат получил от Тиграна десятитысячную конницу и уехал в Понт, а у Плутарха этого сведения нет. Однако, последний в другом месте своего труда сообщает, что после совещания Тигран и Митридат намеревались вторгнуться в Малую Азию через Киликию или Ликаонию.

> „Когда Лукулл получил известие,—рассказывает Плутарх,—что Митридат и Тигран теперь только готовятся перевести свои войска в Ликаонию и Киликию, чтобы самим заранее вторгнуться в Азию, он был удивлен, что Тигран Армянин, намеревавшийся напасть на римлян, не воспользовался помощью Митридата для войны и не соединил своих сил с его мощными силами, когда тот был силен; теперь же, позволив, чтобы войска Митридата были разбиты и уничтожены, он начинает войну со слабой надеждой на успех, когда не могут быть восстановлены эти силы, и подвергает себя вместе с ним гибели[2]".

Это сообщение Плутарха, признаваемое во всех исторических трудах, как старых, так и новых[3], правильным и достоверным, в действительности, не только неправдоподобно, но попросту ложно. Тигран, как мы видели, не только не готовился к войне, но и не ожидал, что Рим начнет против

---

[1] Рейнак, опираясь, повидимому, на какой-то источник, мне неизвестный, предполагает, что Метродор умер скоропостижно от самоотравления. См. Mithridate Eupator, стр. 357.

[2] *Plut.*, Lucull., 23, 6.

[3] См. *Моммзен*, Римская история, т. III, стр. 56, *Reinach*, Mithridate Eupator, стр. 358; *Халатьянц*, Очерк истории Армении, стр. 191, и др.

него войну. Совершенно ясно, что Тигран и Митридат, встреча и совещание которых происходили после похода Лукулла и осады Тигранакерта, не могли еще до этого похода выработать план предварительного наступления и вторжения в римскую Малую Азию.

Подобными измышлениями Плутарх или использованные им источники желали, повидимому, переложить на Тиграна и Митридата ответственность за войну и тем самым оправдать вероломное нападение Лукулла на Армению, предпринятое им неожиданно и тайно без объявления войны.

12. СРАЖЕНИЕ ПОД ТИГРАНАКЕРТОМ

Город Тигранакерт, осада которого началась весной 69 года, в течение ряда месяцев выдерживал осаду и не переставал оказывать римлянам упорное сопротивление в ожидании помощи со стороны новой армии, организуемой Тиграном. А в это время армянский царь собирал постепенно свои войска из разных областей, а также из подчиненных ему вассальных царств и княжеств. К нему, как сообщает Плутарх[1], явились на помощь цари Атропатены и Адиабены, а также войска из Албании, Грузии, Аравии и других стран.

Осенью 69 г. Тигран перешел со своей армией в наступление и спустился через горную цепь Тавра на юг на выручку осажденного Тигранакерта. Путь этот, пройденный Тиграном, начиная от Мушской долины идет, по предположению Экгардта, к нынешнему Нерджики, откуда он поворачивает налево и тянется вдоль левого берега Батман-су до слияния последнего с Фаркин-су[2].

В это же самое время, как свидетельствуют Мемнон и Плутарх, явились к Тиграну посольство, посланное Митридатом, и опытный полководец последнего Таксиль. Посланцы Митридата предупреждали Тиграна, чтобы он избегал решительного боя, так как постоянное и обученное римское войско почти непобедимо. Они дали ему совет затруднить, по возможности, снабжение римской армии продовольствием и обречь ее на голод[3].

---

[1] *Plut.*, Lucull., 26, 6.

[2] *Eckhardt*, Die armenischen Feldzüge des Lukullus, Klio, Bd. X, Heft 1, стр. 94.

[3] Сообщение Аппиана (Mithrid., 85) о том, что Митридат сам участвовал в сражении под Тигранакертом и что он лично сам дал Тиграну

Однако, последовать этим советам Тиграну было трудно, так как он, повидимому, не хотел и не мог, затягивая войну, принести в жертву Тигранакерт, нуждавшийся в скорой и неотложной помощи.

Как мы уже видели выше, на постройку этого нового эллинистического города, являвшегося культурной работой, гигантской по размаху, были вложены и израсходованы колоссальные средства и труд. Город этот, по замыслу Тиграна, должен был стать культурно-просветительным центром его государства и должен был постепенно перестроить и обновить отсталую первобытную жизнь его родной страны. Тигранакерт, как было сказано, должен был способствовать развитию в Армении торговли и промышленности и распространению в ней также и эллинистической культуры и эллинистического искусства и науки. Совершенно понятно поэтому, почему Тигран не последовал совету Митридата и его полководца и почему он поспешил на помощь осажденному Тигранакерту.

Интересно особенно и то, что и сам Лукулл, как свидетельствует Плутарх[1], осаждая Тигранакерт, понимал и предвидел, что Тигран не потерпит этой осады и безусловно вернется и вступит в сражение для спасения своей новой столицы.

В начале октября 69 г. армия Тиграна подошла к Тигранакерту, и столкновение с римлянами стало неизбежным.

Сражение под Тигранакертом, как видно из свидетельств первоисточников, произошло у реки Никефория, около которого на расстоянии приблизительно семисот пятидесяти метров был расположен низенький холмик. По словам Плутарха, осажденные тигранакертцы видели и указывали римлянам место расположения войск Тиграна.

Немецкий ученый Бельк, основываясь на первоисточниках и, в первую очередь, на описании и указаниях Плутарха, место сражения определяет предположительно неда-

---

этот совет, не соответствует свидетельствам Плутарха и Мемнона (*Plut.*, Luc., 29, 1, и *Memn.*, 58) и является ошибочным.

[1] *Plut.*, Lucull., 26, 4.

леко от нынешнего Фаркина. Считаю нелишним привести несколько отрывков из его статьи[1].

„Спускаясь медленно с речной широкой долины Фаркин-су в юго-восточном направлении,— пишет Бельк,— и пройдя около двадцати километров, мы доходим до обширной низменности, до речной долины многоводной реки Батман-су. Долина эта на севере начинается у большого моста, находящегося на расстоянии около двадцати километров от места нашего нахождения, и тянется на юг на расстоянии 12—15 км. и затем кончается. Ширина долины различна в разных местах и достигает от одного до трех километров...

Низменность эта представляла собой сплошную равнину без каких-либо неровностей и настолько обширную, что могла служить лагерным местом для чрезмерно многочисленного войска. Река же Батман-су... которую должен был перейти Лукулл,—шириною в 30,40 или 50 метров, спокойная и безшумная, но и быстрая и многоводная, впадала в сравнительно маленькую реку—Диарбекира... Напротив (Батман-су)... находится большое плоскогорье, которое в западном направлении почти отвесно спускается к Батман-су, протекающему в пяти—шести километрах от его края; в юго-западном же направлении оно, напротив, спускается к реке не круто, а постепенно... Здесь именно, на этом отлогом склоне горы, расположилось лагерем многочисленное войско Тиграна, которое с этого пункта, с приблизительной высотой в 150—200 метров, могло видеть Тигранакерт и палатки осаждавшего его войска. А осажденные, с своей стороны, также могли видеть Тиграна с его войском, ибо оттуда можно было ясно видеть все это пространство—плоскогорье, отлогий склон горы, Батман-су и низменность“.

Место сражения под Тигранакертом, согласно приведенному описанию Белька, с выводами которого согласны почти все историки, устанавливается, таким образом, в райо-

---

[1] См. Zeitschrift für Ethnologie, 1899, стр. 272 и сл.

не к юго-востоку от города Фаркина, в горной равнине, у слияния теперешних рек Фаркин-су и Батман-су. Что, действительно, сражение имело место около теперешнего Фаркин-су, с полной очевидностью подтверждается и тем, что классические авторы в своих трудах называют эту реку „Никефорион", или „Никефориос", что означает „Победоносная", а это название получила она, как указывает Маркварт[1], в связи с победой Лукулла.

В то время, как армянские силы стояли уже около Тигранакерта, Лукулл, как рассказывает Плутарх[2], счел необходимым созвать военный совет. Некоторые из участников этого совещания предлагали снять осаду города и со всеми силами выступить против неприятеля. Другие же, считая опасным нахождение в тылу гарнизона, охраняющего город, советовали остаться близ Тигранакерта и принять сражение у его стен.

Лукулл, по словам Плутарха, отверг оба предложения и решил продолжать с одной частью войска осаду Тигранакерта, а с другою—двинуться против Тиграна. У стен Тигранакерта он оставил шеститысячное войско во главе со своим полководцем Муреною; с остальной же армией, состоявшей, по данным Плутарха, из десяти тысяч пехоты, трех тысяч конницы и одной тысячи легковооруженных, выступил сам лично против Тиграна.

Это свидетельство Плутарха, как и вообще все соответствующие данные древних источников о количестве римских и армянских войск, нуждаются, как совершенно правильно указывается в новейших исследованиях, в тщательном и подробном изучении и уточнении. Ниже мы приводим подробно наиболее важные из этих свидетельств, которые в значительной мере противоречат друг другу.

А) *Количество римского войска, участвовавшего в наступлении на Армению.*

1. Плутарх (Lucullus, 24, 1):

12.000—пехоты и около 3.000—конницы.

---

[1] *Markwart*, Südarmenien und die Tigrisguellen, стр. 132.

[2] *Plut.*, Lucull., 27, 1.

2. Евтропий (Breviarium, VI, 9, 1):
   18.000—бойцов (milites).
3. Аппиан (Mithrid., 84):
   Два отборных легиона и 500 всадников.

Б) Количество римского войска, участвовавшего в сражении под Тигранакертом.

1. Плутарх (Lucullus, 28, 2):
   24—когорты (cohors), не более 10.000—тяжеловооруженных; конница в 3.000—всадников и 1000—пращников и стрелков.
2. Фронтин (Strateg., II, 1, 14):
   15.000—воинов (armati).

В) Количество армянского войска, участвовавшего в сражении под Тигранакертом.

1. Плутарх (Lucullus, 26, 9):
   20.000—пращников и стрелков, 55.000—всадников; в т. ч. 17.000 закованных в железо; 150.000—тяжеловооруженной пехоты; 35.000—саперов по строительству мостов и дорог и прочих работников.
2. Аппиан (Mithrid., 85):
   250.000 пехоты и 50.000 конницы.
3. Евтропий (Breviarium, VI, 9, 1):
   7.500—всадников, закованных в железо, и 100.000 пехоты.
4. Мемнон, гл. 57:
   80.000—войска.
5. Флегон[1] (Olympiades, fr. 12, Müller, FHG., III, 606):
   30.000—всадников и 40.000—пехоты.

Из вышеприведенных данных самыми надежными и достоверными многие из историков[2] считают данные Плутарха, так как он пользовался римскими первоисточниками—

[1] Это свидетельство Флегона, по мнению Экгардта, относится к сражению не при Арацание, а под Тигранакертом. См. Klio, Bd. X, 1, стр. 98, прим. 5.

[2] Ср *Моммзен*, Римская история, III, стр. 57; *Нич*, История римской республики, Москва, 1908. и др.

историческими трудами Саллюстия и Тита Ливия—и, по всей вероятности, и теми официальными донесениями, которые после сражения под Тигранакертом были посланы Лукуллом сенату. Основываясь на этих цифровых данных, а также на приведенном у Плутарха свидетельстве Тита Ливия[1], Моммзен, а вслед за ним и другие историки, боевые силы Тиграна определяют в количестве, превосходившем римские силы в двадцать раз.

Однако, новейшие исследователи, как, например, Рейнак, Ферреро, Экгардт и другие, считают данные Плутарха, касающиеся численности войск Тиграна, явно преувеличенными[2].

Они дают предпочтение вышеозначенным свидетельствам малоазиатских нейтральных авторов—Мемнона и Флегона Траллыского,—определяющих армянскую армию не в 260.000, а всего в 70.000 или 80.000 бойцов.

Что именно этим последним цифрам должно быть дано предпочтение, это едва ли подлежит сомнению, так как римские полководцы, как известно, о численности неприятельских войск давали всегда в своих официальных донесениях преувеличенные и ложные сведения. Против свидетельства Плутарха Экгардт приводит, помимо этого, и то серьезное соображение, что самая переброска огромной армии в 250.000 бойцов через Таврские горы и по узким тропинкам была бы делом почти невыполнимым.

По вопросу же о численности римских войск мнения почти всех историков сходятся. Исходя из вышеприведенных данных Плутарха и Фронтина, общее число римского войска, участвовавшего в сражении под Тигранакертом, они определяют предположительно в 14.000—15.000 человек. Однако, Рейнак и Экгардт[3] справедливо отмечают противо-

---

[1] В сражении под Тигранакертом против каждого римлянина, по словам Тита Ливия, стояло 20 неприятелей. См. *Plut.*, Lucull., 28, 12.

[2] *Reinach,* Mithridate Eupator, стр. 360; *Ферреро*, Величие и падение Рима, I, стр. 182; *Eckhardt,* Die armenischen Feldzüge des Lukullus, Klio, Bd. X, 1, стр. 96—100.

[3] *Reinach,* Mithridate Eupator, стр. 358, прим. 1; *Eckhardt,* Die armenischen Feldzüge des Lukullus, Klio, Bd. X, 1, стр. 78—82.

речия, имеющиеся в свидетельствах Плутарха. Относительно военных сил римлян, участвовавших в сражении под Тигранакертом, у Плутарха приведены, как мы видели, следующие цифры: кроме 6.000 бойцов у Мурены, 10.000 тяжеловооруженных, 3.000 конницы и 1.000 пращников и стрелков у Лукулла, всего, следовательно, 20.000. Между тем общая численность всей римской армии, участвовавшей в наступлении на Армению, определяется им же в 12.000 пехоты и 3.000 конницы, всего 15.000. В эту последнюю цифру не включены, по мнению Экгардта, 6.000 бойцов Мурены и 1.000 легковооруженных. С этой поправкой количество римского войска, участвовавшего в нашествии на Армению, Экгардт исчисляет не в 15.000, а в 22.000.

Если даже признать приемлемой поправку, предлагаемую Экгардтом, то и в этом случае трудно, мне кажется, допустить, чтобы с такими незначительными силами Лукулл счел возможным предпринять крупный военный поход против Тиграна II, к которому—он это прекрасно знал—должен был присоединиться и Митридат. В исчислениях своих историки, как совершенно правильно указывает Астурян,[1] упускают из виду то существенное обстоятельство, что римские источники упоминают лишь численность исключительно римских сил, не учитывая малоазиатских войск союзников Рима. А что эти вспомогательные войска принимали также активное участие в боях в Армении,— видно из указаний как самих римских, так и других источников.

У Страбона, например, имеется ценное свидетельство, из которого нетрудно сделать заключение, что Лукулл, по-видимому, получил вспомогательные войска от каппадокийского царя Ариобарзана, которому он в вознаграждение за эту помощь отдал знаменитую крепость Томису[2] в Софене. В сражении под Тигранакертом, как мы увидим ниже, участвовали также легковооруженные конные отряды фракийцев и галатов, которые были, очевидно, также вспомога-

---

[1] *Астурян*, Политические отношения между Арменией и Римом (на арм. яз.), стр. 338—343.

[2] *Strabo*, XII, 2, 1 (535).

тельными войсками, не считавшимися в составе войсковой части вышеозначенной римской армии Лукулла. В качестве вспомогательных войск у Саллюстия, кроме того, упоминаются и вифинцы, которые осенью 68 г. достигли берегов реки Арацания раньше других частей римского войска.[1] Таким образом, как мы видим, участие малоазиатских вспомогательных и союзных войск в боях в Армении является фактом неопровержимым. Эти вспомогательные войска, в числе которых определенно указаны галаты, фракийцы и вифинцы, составляли, повидимому, значительную часть армии Лукулла. Поэтому мы едва ли ошибемся, если численность всей армии Лукулла в сражении под Тигранакертом определим не в 15.000 и не в 22.000 бойцов, как это предполагают в исторических трудах, а несравненно больше этой цифры.

Следовательно, вышеозначенное соотношение между римской армией и армией Тиграна, принимаемое Моммзеном, Ничем и другими историками в пропорции 1 : 20, как мы видим, оказывается явно ошибочным. Предполагая, что численность вспомогательных союзных войск была в армии Лукулла в целом не меньше числа римских войск, нетрудно убедиться, что вооруженные силы Тиграна количественно могли превосходить силы Лукулла не в 20 раз, а самое большее в 2 раза.

Сражение под Тигранакертом произошло, как известно, 6-го октября 69 г. Важнейшими источниками наших сведений об этом крупном сражении являются Плутарх, Аппиан, Мемнон и Фронтин, которые, хотя в некоторых существенных пунктах не расходятся в мнениях, но в частностях оказываются в полном противоречии друг с другом.

Разногласия их, как будет видно ниже, настолько серьезны, что становится совершенно невозможным воспроизвести в подробностях ход сражения. Описание его, однако, уверенно и безоговорочно, подробно дано во многих современных исторических трудах.[2]

---

[1] *Sallustius,* IV, fragm. 74.

[2] *Eckhardt,* Die armenischen Feldzüge des Lukullus, Klio, Bd. X, 1, стр. 100—104; *Drumann,* Geschichte Roms, Bd. IV, Berlin, 1899, стр. 147 и

Наиболее подробное описание этого сражения мы находим у Плутарха. Но его рассказ изобилует такими чисто театральными и драматическими эпизодами, которые являются вероятными показателями недостоверности соответствующих сообщений этого автора. К числу таких сомнительных свидетельств следует, по моему мнению, отнести сообщение его, приведенное в самом же начале описания сражения. Еще до того, как началось сражение,—рассказывает Плутарх,—в то время, как войско Лукулла располагалось лагерем около реки, Тигран будто бы, увидя это небольшое войско, воскликнул иронически: „Если они явились как послы,—то для этого они слишком многочисленны; если же явились как воины,—то для этого слишком малочисленны".[1] Свидетельство это не может быть признано достоверным, поскольку численное соотношение римских и армянских войск, указываемое Плутархом, как мы видели, является явно преувеличенным и ошибочным.

„На рассвете,—сообщает Плутарх,[2]—Лукулл вывел свою армию из лагеря в боевом порядке. Неприятельские войска стояли к востоку от реки; но так как она течет в западном направлении, где легко было переправиться через нее, и так как Лукулл поспешно вел свое войско в этом направлении, то это дало Тиграну повод думать, что он отступает. Царь, смеясь, позвал к себе Таксила и сказал: „Разве ты не видишь, что римские войска бегут, не дав сражения?"— „Желал бы я, государь,"—отвечал Таксил,— „чтобы нечто подобное случилось к твоему счастью, но ведь, отправляясь в путь, люди вовсе не надевают чистое платье, вычищенные щиты и открытые шлемы, к тому же, теперь и оружия их вынуты из чехлов. Этот блеск указывает на то, что они хотят дать сражение и уже идут на неприятеля".

сл.; *Sachau*, Ueber die Lage von Tigranakerta, Abhandl. der Kgl. Akad der Wissen. zu Berlin, 1880, и др.

[1] *Plut.*, Lucull., 27, 4. Это же самое свидетельство мы находим и у *Мемнона* (гл. 57). Его сообщение о сражении под Тигранакертом, по-видимому, основано полностью на данных римских источников.

[2] *Plut.*, Lucull., 27, 5—6.

Последовавшее затем сражение под Тигранакертом, которое имело место на левом берегу реки, описывают, как было сказано, Плутарх, Аппиан, Мемнон и Фронтин, причем подробные и главные свидетельства первых двух из них до того запутаны и взаимно противоречивы, что воспроизвести при их помощи точную и подробную картину сражения и сопровождавших его военных событий не представляется возможным. Для выяснения этих противоречий, которые будут рассмотрены ниже, мы приводим в буквальном переводе описание сражения, в изложении перечисленных авторов.

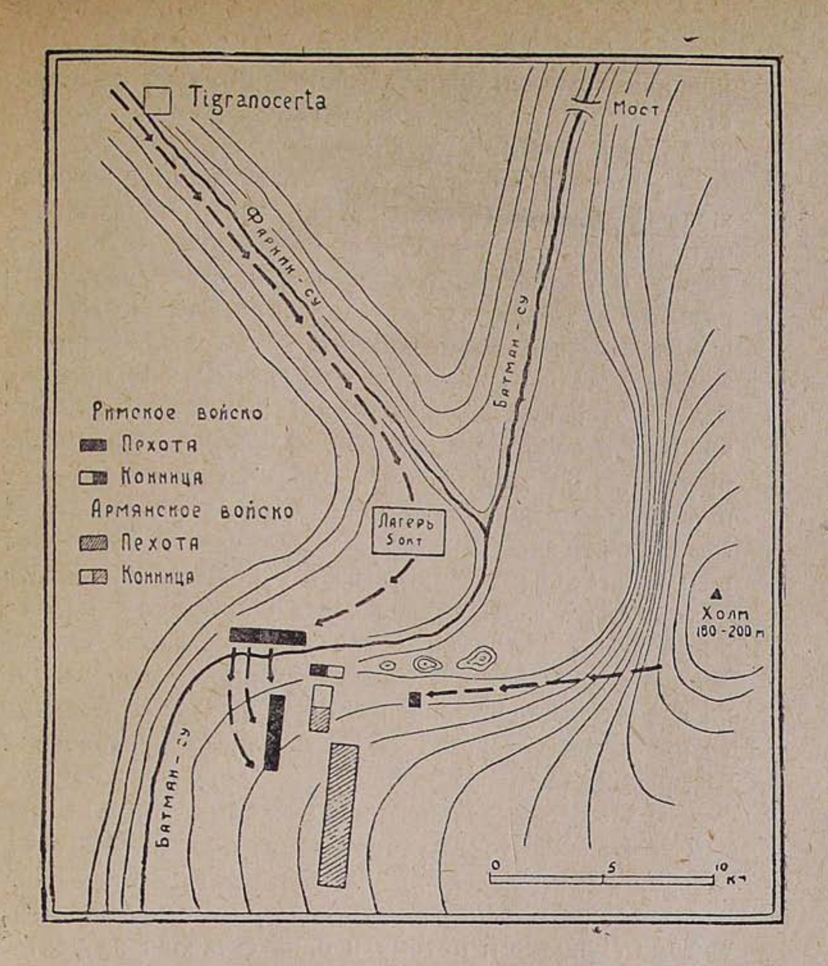
1. Плутарх, Лукулл, 27, 7—9 и 28, 1—9:

„Таким образом, среди страшной суматохи он [Тигран] стал строить в боевой порядок свои войска. Лично царь командовал центром; начальство над левым флангом он передал адиабенскому царю, над правым—мидийскому царю, а впереди около последнего стояла также большая часть конницы в латах. В то время, как Лукулл желал начать переправу, некоторые из начальников советовали ему беречься этого дня, так как день этот был одним из тех зловещих дней, которые назывались „черными". В этот день была разбита в сражении с кимврами римская армия Цепиона. Однако, Лукулл сказал им в ответ следующие незабвенные слова: „А я сделаю этот день счастливым для римлян". То был канун октябрьских нон [6 октября]. Сказав это и приказав, чтобы они не теряли бодрости, он переправился через реку и первым повел их на неприятеля. Он был в блестящем железном чешуйчатом панцыре и в накинутом поверх плаще с бахромою. В руке у него был обнаженный меч, так как он немедленно должен был вступить в рукопашный бой с неприятелями, стреляющими издали, и должен был, идя в решительную атаку, пробежать быстро пространство, где могли оказать свое действие стрелы. Когда же он заметил, что панцырная конница, о которой говорили очень много, выстроилась под холмом с ровною и широкою вершиной, и увидел также, что подъем дороги на холм,

имевший в длину четыре стадия,[1] не особенно отвесен и неприступен, он приказал бывшей с ним фракийской и галатской коннице, чтобы она напала на неприятельскую панцырную конницу с флангов и отбивала мечами концы копий. Вся сила панцырной конницы заключалась только в копьях. Ничем другим она не могла ни защищаться сама, ни наносить вред неприятелю вследствие тяжести и непомерности своего снаряжения, в которое она была заключена и была словно замурована. Лукулл сам, взяв с собою две когорты,[2] двинулся спешно к холму. За ним бодро последовали и солдаты,—они видели, что он шел в оружии пешим впереди других и, идя в атаку на врага, разделял с ними опасности. Взобравшись на вершину холма, Лукулл встал на видном месте и, громко крикнув, сказал: „Соратники, победа наша, победа наша!“ С этими словами он повел солдат на панцырную конницу, приказав им не действовать вовсе копьями, а, идя в рукопашную, бить и колоть врагов в ноги и бедра, единственные части тела, не защищенные латами. Но в сражении в этом не было нужды, так как конница, не выдержав нападения римлян, с громким криком позорно обратилась в бегство и ввалилась со своими покрытыми панцырем лошадьми в ряды пехоты, прежде чем эта последняя могла принять участие в сражении. Таким образом, огромная армия была разбита без всякой схватки, без кровопролития и получения ранений. Самая ужасная резня произошла тогда, когда неприятели обратились в бегство, или, вернее, в то время, когда они немеревались бежать,—они вовсе и не могли сделать этого и сами связывали себе свободу действий вследствие глубины и плотности своих рядов. А Тигран, выйдя с немногими из поля битвы, бежал в самом начале сражения и, заметив, что также и сын имеет с

[1] Длина римского стадия была равна приблизительно 185 метрам.

[2] Римский легион состоял из десяти когорт по 400—600 воинов в каждом.

Сражение под Тигранакертом, согласно Плутарху.

ним одинаковую участь, сорвал с головы диадему и отдал ее ему со слезами, приказав спастись, как он может, выбрав другую дорогу. Молодой человек не решился, однако, надеть диадему и отдал ее на хранение одному из вернейших своих рабов. Случайно этот раб попался в плен и был приведен к Лукуллу, которому, таким образом, вместе с другой добычей, досталась и диадема Тиграна. Говорят, что в этом сражении неприятель потерял убитыми более ста тысяч пехоты, а из

конницы спаслись лишь немногие. Римляне лишились ста человек ранеными и пять убитыми".

2. Аппиан, Mithrid., гл. 85:

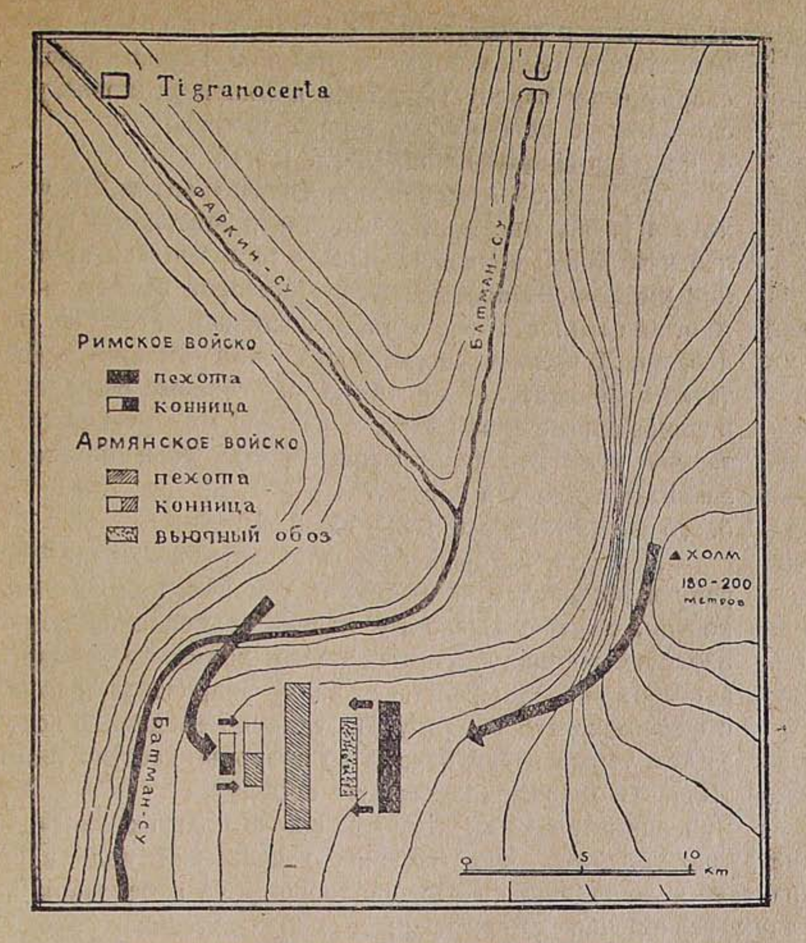
„Лукулл, заметив в тылу Тиграна удобнорасположенный холм, дал распоряжение своей коннице теснить неприятеля с фронта и, симулируя отступление, увлечь его за собою с тою целью, чтобы расстроить ряды преследовавших ее варваров. Сам же Лукулл, выйдя вместе со своей пехотой в тыл неприятеля, незаметно для него поднялся на холм. И когда он увидел, что неприятельские силы, преследуя римскую конницу и воображая, что побеждают, достаточно разбрелись, а обоз их весь находился перед ним, он крикнул: „Мы побеждаем, товарищи", и затем бросился бегом на обоз впереди всех. Обоз тотчас же был обращен в бегство и с шумом был отброшен на пехоту; пехота же, с своей стороны,—на конницу. После того, поражение стало полным, так как и римская конница вернулась обратно и стала уничтожать тех, которые во время преследования разбрелись далеко в разные стороны. Обоз же, который был тесним, набросился на других.

В этой великой суматохе были помяты многие, причем не знали точно, откуда именно началось это страшное бедствие. Резня была великая, так как никто не терял времени на грабеж, который был строго запрещен Лукуллом; потому и они, оставляя на убитых даже браслеты и ожерелья, продвинулись около 120 стадиев до наступления ночи.

Лишь после этого они вернулись и начали грабить трупы, ибо теперь им это было разрешено Лукуллом".

3. Мемнон, гл. 57:

„Он [Тигран] собрал 80.000-ное войско и спустился, чтобы вырвать Тигранакерт из рук осаждавших и прогнать неприятеля. Желая скорее покончить с этим делом и видя малочисленность римской армии, он сказал с презрением: „Если они хотят представиться мне

Сражение под Тигранакертом, согласно Аппиану.

как послы,—то явились слишком большой массой,—если же пришли как неприятели, то они слишком малочисленны". И, сказав это, он расположился лагерем. Лукулл же с большим искусством и заботой выстроил войско к сражению и, воодушевив его, тотчас же обратил в бегство сперва правый фланг неприятеля, затем, отбросив этих, выбил соседние части, а потом, поочередно, и все войско. Армяне были обращены в

паническое и неудержимое бегство, и их потери соответствовали численности их войска. Тигран передал своему сыну царскую диадему и головную повязку, а сам бежал в одно из своих укреплений".

4. Фронтин (Strategmaton, II, гл. 1, 14):

„В Великой Армении, под Тигранакертом, Лукулл, хотя и располагал против Тиграна и Митридата не более чем 15.000 воинов (armati), в то время как противник имел несметное множество, которое в силу своей многочисленности было малоспособным,—тем не менее, он, Лукулл, воспользовался этим именно недостатком неприятеля, напал на его боевые ряды, еще неприведенные в порядок, и рассеял их с такой быстротой, что даже сами цари, бросив свои почетные знаки, пустились в бегство".

5. То же (Strategmaton, III, гл. 2, 4):

„Лукулл, который собирался дать сражение Тиграну и Митридату в Великой Армении, под Тигранакертом, с частью своего войска немедленно занял плоскую вершину близлежащего холма, устремился затем на расположившегося внизу неприятеля и напал с фланга на его конницу. Преследуя немедленно вслед за тем также и его пехоту со стороны расстроенного тыла, он одержал блестящую победу".

При внимательном рассмотрении всех этих описаний нетрудно убедиться, что сведения о сражении под Тигранакертом, дошедшие до нас, двоякого рода и основаны на двух разноречивых — римских и малоазиатских — сообщениях.

Римская версия сохранилась у Плутарха, пользововшегося историческими трудами Саллюстия и Тита Ливия, а малоазиатская сохранилась у Аппиана, заимствовавшего свои сведения о походах Лукулла, главным образом, из какого-либо малоазиатского эллинистического источника, вероятно, как предполагает Рейнак,[1] из истории Николая Дамасского.

---

[1] *Reinach,* Mithridate Eupator, стр. 443—449.

Вышеприведенные другие краткие свидетельства соответствуют римской версии. Свидетельства Фронтина заимствованы, несомненно, у Ливия. Придерживаясь Ливия, Фронтин дает также неправильное сообщение о том, будто в сражении под Тигранакертом вместе с Тиграном участвовал и Митридат Евпатор. Точно также и краткое сообщение Мемнона в основном согласуется скорее с римской версией и со свидетельствами Плутарха, чем Аппиана.

Весь ход Тигранакертского сражения, как и вышеприведенные пространные сообщения Плутарха и Аппиана, в последнее время подробно рассмотрены и исследованы в труде Экгардта[1], посвященном походам Лукулла. Не соглашаясь с Друманом и Рейнаком, пытавшимися дополнить и уточнить сообщения Плутарха при помощи свидетельств Аппиана, Экгардт считает единственно достоверным описание, данное Плутархом, и, придерживаясь его описания, дает следующую картину развития Тигранакертского сражения.

Переправившись через реку, Лукулл, как говорится в вышеприведенном сообщении Плутарха, приказывает конному отряду из фракийцев и галатов напасть с фланга на неприятельскую конницу латников, занимавшую правый фланг. Сам же, взяв две когорты пехоты, спешит занять близлежащий холм, представлявший весьма важную позицию в тылу войск Тиграна, и оттуда он также, с своей стороны, тотчас же нападает на эту же панцырную конницу с тылу. Малоподвижные всадники Тиграна, не выдержавшие натиска римлян с тыла и с правого фланга, обращаются в беспорядочное бегство и вместе со своими конями отбрасываются на смешавшуюся и охваченную паникой пехоту. Вся армия Тиграна терпит, таким образом, поражение, не вступив в бой. Сведения же Аппиана, противоречащие свидетельствам Плутарха, Экгардт подвергает суровой критике и считает их путанными и незаслуживающими доверия.

Совершенно отличное от Плутарха описание этого же сражения дает, как мы видели, Аппиан. По рассказу послед-

---

[1] *Eckhardt,* Die armenischen Feldzüge des Lukullus, Klio, Bd. X, I, стр. 100—110.

него, Лукулл вначале же сражения дает приказание своей коннице теснить неприятеля с фронта и, симулируя отступление, отвлечь его и рассеять. Сам же Лукулл вместе со своей пехотой незаметно заходит в тыл противника и занимает близлежащий холм, у подножья которого находился неприятельский обоз. Напав с этого холма на обоз, он обращает его в бегство и отбрасывает его на пехоту, которая в состоянии полной деморализации падает, с своей стороны, на конницу. Все войско Тиграна терпит, таким образом, поражение, не вступив в бой с римлянами.

Можно ли, спрашивается, отвергнуть это описание Аппиана, признав единственно и точно достоверными лишь сообщения римских авторов?

Я полагаю, что у Экгардта нет достаточного основания считать описание сражения у Плутарха ясным и достоверным, а описание у Аппиана несуразным и полным противоречий. Наоборот, простой и более естественный рассказ Аппиана заслуживает большего доверия, чем описание Плутарха, сдобренное театральными эпизодами.

Мне кажется, можно признать вполне достоверным и возможным, что Лукулл, как передает Аппиан, с целью обмануть Тиграна, действительно, выслал против него с фронта только свою быстроходную конницу; сам же вместе со всей римской пехотой, не дойдя еще до поля сражения, зашел в тыл противника и оттуда совершил нападение на обоз. Это свидетельство Аппиана представляется мне более вероятным, чем сообщение Плутарха о том, будто Лукулл с обнаженным мечом шел в рукопашный бой и незаметно для неприятеля зашел ему в тыл.

Правдоподобно ли, чтобы Лукулл мог со своими двумя когортами пехоты, на виду у неприятеля и незаметно для него, зайти ему в тыл и занять там холм? Если римские первоисточники не упоминают об обозе Тиграна и о нападении на него Лукулла и всей римской пехоты с тыла, то объясняется это, повидимому, тем, что подобная атака не могла считаться храбрым подвигом, делающим особую честь Лукуллу.

Исключительный и своеобразный характер победы,

одержанной Лукуллом, отмечен в одном из фрагментов Саллюстия. В письме Митридата к парфянскому царю, подробно приведенном у Саллюстия, относятся к Тигранакертскому сражению следующие строки:

„Так как теснота местности,—говорится в этом письме, приписываемом Митридату,—мешала многочисленному войску дать сражение, они [римляне] неблагоразумие Тиграна выдают за собственную победу"[1].

По поводу этой тесноты поля сражения следует, однако, принять в соображение то обстоятельство, что Тигран, построивший свою новую столицу в защищенной и недоступной гористой местности, едва ли мог бы найти вокруг Тигранакерта более открытое и более просторное поле сражения.

По вопросу о потерях, понесенных войсками Тиграна, сообщения римских авторов находятся вновь в резком противоречии с показаниями малоазиатских нейтральных источников. Плутарх, вероятно, согласно официальному донесению Лукулла, дает об этих потерях преувеличенные и совершенно ложные цифры.

Пехота Тиграна, по словам Плутарха, потеряла в этом сражении более 100.000 человек убитыми, а из рядов же его конницы спаслись весьма немногие. Потери же римлян выразились, будто бы, всего в 100 человек ранеными и пять—убитыми. Подобные ложные цифры представляли, как известно, обычное явление и в официальных донесениях Суллы. Он также показывал, что понтийские войска в сражении при Херонее потеряли 60.000 человек, а римские—только 14. Какова ценность этих самохвальных и лживых отчетов римских полководцев, хорошо известно всем историкам. Поэтому они и не придавали вовсе значения вышеозначенным цифрам. Рейнак и компиляторы его труда—Гарагашян, Дагбашян и др.—дают предпочтение свидетельству, имеющемуся у Оросия[2], согласно которому число убитых в армянской армии

---

1 *Sallust.*, IV, fragm. 69.

2 *Orosius*, Historia adversus paganos, VI, 3, 6; а также *Reinach*, Mithridate Eupator, стр. 362; *Гарагашян*, Критическая история, II, стр. 145; *Дагбашян*, Уточненная история армян (на арм. яз.), стр. 93, и др.

показано всего в 30.000 человек. Однако, в своем вышеозначенном исследовании Экгардт не принимает и этой цифры, основанной также на римских источниках, вероятно, на сообщении Тита Ливия. По мнению Экгардта, наиболее близко к действительности свидетельство Флегона Траллького, определяющего общие потери Тиграна около 5.000 человек[1]. Эта небольшая цифра представляется и мне более достоверной и вероятной, так как она, очевидно, заимствована Флегоном из нейтрального малоазиатского источника, а эти источники, как неоднократно указывалось в настоящем исследовании, заслуживают большего доверия, чем тенденциозные и пристрастные римские источники. Кроме вышеозначенных цифр вымышлены и ложны, как совершенно справедливо отмечает Моммзен[2], также и сообщения римских источников об инциденте с царской диадемой Тиграна. Инцидент этот, как мы видели, описан разно у Мемнона, Плутарха и Фронтина[3]. Мемнон, пользовавшийся в этой части своего труда, по всему вероятию, каким-либо римским источником, рассказывает, что Тигран передал свою царскую диадему сыну, а сам бежал в одно из укреплений. Плутарх к этому добавляет, что сын, не решаясь возложить на себя диадему, передал ее на хранение одному из своих наиболее верных слуг, который вместе с диадемой был взят в плен Лукуллом. Фронтин же свидетельствует, что не только Тигран, но также и остальные цари сбросили с себя знаки почета и бежали.

Эти разноречия в источниках уже сами по себе подтверждают в достаточной степени недостоверность вышеприведенных свидетельств. И совершенно прав Моммзен, считающий как этот инцидент, так и вышеприведенные данные о потерях Тиграна измышлениями в стиле лживых выдумок Суллы.

Поражение, понесенное Тиграном под Тигранакертом,

---

[1] См. fr 12, *Müller,* FHG., III, стр. 606.

[2] *Моммзен*, Римская история, III. стр. 606.

[3] Этот инцидент с царской диадемой Тиграна не упоминается вовсе у Аппиана, который в этой части своего труда пользовался нейтральным малоазиатским источником.

как видно из изложенного, сильно преувеличено как в римских источниках, так и в новейших исторических трудах. Сражение это, в действительности, вовсе и не было кровопролитной битвой: оно в самом же начале закончилось беспорядочным отступлением без боя армии Тиграна.

Однако, последствия этого поражения были весьма тяжелые для новосозданной великодержавной империи Тиграна. Результатом этого поражения, как увидим ниже, явились утрата города Тигранакерта и распад великого армянского государства.

13. ВЗЯТИЕ ТИГРАНАКЕРТА И РАСПАД ВЕЛИКОДЕРЖАВНОЙ ИМПЕРИИ ТИГРАНА

Обеспечив свой тыл в результате сражения шестого октября и поражения армии Тиграна, Лукулл мог смело и безбоязненно продолжать осаду Тигранакерта.

Город этот, храбро сопротивлявшийся римлянам под начальством Манкая, в течение почти пяти месяцев не мог уже рассчитывать на какую-либо помощь со стороны царской армии. Несмотря на это, он не сдался и продолжал упорно защищаться против неприятеля. И если римлянам удалось, тем не менее, без кровопролитных столкновений и без крупных потерь завладеть Тигранакертом, то этим они обязаны были, как единогласно удостоверяют Аппиан, Плутарх, Мемнон и Кассий Дион, восстанию и измене наемных греческих войск.

Хотя все упомянутые авторы разно передают обстоятельства этой измены, однако, трое из них—Аппиан, Плутарх и Дион—в основном почти не противоречат друг другу.

Наиболее обстоятельное изложение истории этой измены мы находим у Аппиана.

После поражения Тиграна Манкай, по словам Аппиана, перестал доверять наемным греческим войскам и приказал разоружить их. Последние восстали против своего начальника, заняли промежуток между двумя башнями на стене Тигранакерта и, вступив в переговоры с римлянами, впустили их к себе и передали город в руки неприятеля. Плутарх ограничивается лишь кратким упоминанием о том, что Лукуллу удалось взять город благодаря восстанию греков. Кассий Дион приписывает это восстание иноземным жителям города, главным образом, грекам, переселенным из Киликии, которые ночью впустили римлян в город и предали

его грабежу. Мемнон же, умалчивая об измене наемных греков, ответственность за падение Тигранакерта возлагает на военачальников Митридата, находившихся в городе и изменнически, ради собственного спасения, предавших его Лукуллу.

Считаю нелишним привести все эти свидетельства в переводе с греческого.

1. Аппиан, Mithrid., гл. 86:

„Завидя из Тигранакерта поражение Тиграна, Манкай усумнился в верности греков, служивших у него по найму, и разоружил их всех. Последние из опасения быть арестованными, вооружившись кольями, вышли и расположились станом под открытым небом. Когда же Манкай выслал против них вооруженных варваров, они, обмотав свои левые руки—вместо щитов—собственной верхней одеждой, мужественно напали на них. И у всех, кого они убивали, тотчас же брали оружие и распределяли между собой. И после того, как удовлетворили себя, сколько могли, заняли на стене пространство между двумя башнями, призвали к себе извне римлян и впустили в город всех взбиравшихся на стены. Так именно был взят Тигранакерт, а его великие богатства были преданы грабежу".

2. Плутарх, Лукулл, 29, 3:

„Между тем, когда греческое население Тигранакерта, желая сдать город римлянам, восстало против туземцев, Лукулл напал и взял его приступом".

3. Мемнон, гл. 57:

„Лукулл же, вернувшись к Тигранакерту, осадил город еще смелее. Военачальники же Митридата в полном отчаянии и ради собственного спасения сдали город Лукуллу".

4. Кассий Дион, кн. 36, гл. 2, 3:

„Но так как иноземные жители Тигранакерта восстали против армян, город был взят у последних. Преобладающее большинство восставших составляли киликийцы, насильно переселенные сюда, и они-то ночью впустили в город извне римлян. А после этого, было предано грабежу все, кроме имущества восставших".

Из приведенных свидетельств, как мы видим, только третье в противоположность остальным приписывает сдачу Тигранакерта военачальникам Митридата. Под „военачальниками Митридата“ Мемнон подразумевает, вероятно, командиров войск Митридата, которые, поступив после падения Понтийского царства к Тиграну на службу, заним ли в городе высокие должности. Указание на измену понтийских военачальников мы встречаем у одного лишь Мемнона. Из новейших историков эту версию Мемнона поддерживает один лишь Рейнак[1], который полагает, что военачальники Митридата были в Тигранакерте командирами греческих и киликийских войск. Все же остальные, игнорируя свидетельство Мемнона, признают более вероятным и достоверным единогласное свидетельство Аппиана, Плутарха и Кассия Диона, которые предательскую сдачу города римлянам приписывают греческим наемным войскам и новоселам, переселенным в Тигранакерт из Киликии.

Вступив в Тигранакерт, римляне подвергли его беспощадному грабежу. По словам Плутарха[2],

> „находившиеся в столице сокровища он [Лукулл] оставил себе, самый же город, в котором кроме других богатств оказалось восемь тысяч талантов в монете, он отдал на грабеж солдатам. Вместе с тем Лукулл выдал из добычи каждому солдату по восьмисот денариев“.

Восемь тысяч талантов серебром, согласно вычислениям немецкого ученого Гульча[3], составляют около 34 миллионов германских золотых марок, или около 17 миллионов золотых рублей; восемьсот же драхм или серебряных денариев составляют около 560 золотых марок, или 280 золотых рублей. Эти крупные цифры указывают, что Тигранакерт, несмотря на то, что был только что основан, располагал несметными богатствами.

К открытию своего только что построенного театра

---

[1] *Reinach*, Mithridate Eupator, стр. 363.

[2] *Plut.*, Lucull., 29, 3.

[3] *Fr. Hultsch*, Griechische und römische Metrologie, Berlin, 1882, стр. 297—299 и 711.

Тиграном, по свидетельству того же Плутарха[1], было приглашено в Тигранакерт много греческих артистов, которые теперь, после падения города, были использованы для участия в торжествах и театральных представлениях в честь победы Лукулла.

Падение Тигранакерта явилось смертельным ударом, нанесенным той великой прогрессивной и преобразовательной деятельности Тиграна, которая была задумана и начата им с целью внедрения в отсталой Армении эллинской городской культуры и эллинистической цивилизации. Лукулл отправил в их отечественные страны и города греков и чужеземцев, которые как мы видели, были переселены Тиграном в его новую столицу.

Об этом обратном выселении греков и чужеземцев на родину мы находим упоминания у Плутарха и Страбона.

1. Плутарх, Лукулл, 29, 5:

„Греков он [Лукулл] отправил на родину, снабдив их в дорогу деньгами. Точно так же он поступил с насильно переселенными туда туземцами. Таким образом, этот один город был упразднен, многие же другие получили вновь свое население, гостеприимно приняв прежних жителей. И Лукулл был любим ими, как их благодетель и восстановитель городов".

2. Страбон, XI, 14, 15 (542):

„Усилившись до такой степени, он [Тигран] основал город вблизи Иберии (?), между нею и Зевгматом на Евфрате; город он назвал Тигранакертом; он поселил в нем жителей двенадцати эллинских городов, им же разоренных. На город неожиданно напал Лукулл, воевавший с Митридатом, и разослал его жителей на их родины; а самый город, наполовину выстроенный, он разрушил при вторжении в него и оставил на месте его только маленькую деревню".

3. Страбон, XII, 2, 9 (550):

„Несправедливо обращался с населением [города Мазака] Армянин Тигран, когда сделал набег на Каппадо-

[1] *Plut.*, Lucull., 29, 4.

кию. Всех жителей он изгнал в Месопотамию и населил ими большую часть Тигранакерта; впоследствии все, имевшие возможность, возвратились на родину по завоевании Тигранакерта римлянами".

Из приведенных свидетельств заслуживает особого внимания первое сообщение Страбона (свид. 2) о том, что Лукулл разрушил Тигранакерт, оставив на его месте лишь небольшое село. Сообщение это, по моему, не должно быть понимаемо буквально. Как известно из сообщений более поздних литературных источников[1], Тигранакерт и после похода Лукулла считался значительным городом с цитаделью и был крупным центром с многочисленным населением. Его высокие и неприступные стены упоминаются, например, в „Анналах" Тацита.[2] Нетрудно, следовательно, из этих свидетельств заключить, что разрушения, произведенные Лукуллом осенью 69 г. при взятии им Тигранакерта, не коснулись, повидимому, его стен и укреплений. Вышеприведенное свидетельство Страбона следует, быть может, понимать в том смысле, что с уходом эллинов и других чужеземцев Тигранакерт распался, как эллинистический город — „полис", т. е. как самоуправляющаяся городская организация. Этот величественный город, который должен был стать соперником наиболее крупных эллинистических городов Передней Азии—Селевкии и Антиохии, с потерей наибольшей части своего населения и с лишением своего особого устройства и организации, естественно, превратился позднее в обычное село или посад. Селом же или посадом считался и назывался, как известно, и Ктезифон, стольный город парфян, расположенный близ эллинистического города — „полиса" Селевкии.

Победа Лукулла и взятие Тигранакерта повлекли за собою весьма тяжелые политические последствия для великодержавной империи Тиграна. Все страны, завоеванные им на юге от горной цепи армянских Тавров и реки Тигра— северная Месопотамия, Кордуена, Коммагена, Сирия и Восточ-

---

[1] Ср., например, *Plinius,* VI, 10 (изд. *Littré,* Paris, 1883).

[2] *Tacitus,* Annales, XV, 4.

ная Киликия,—отпали от Великой Армении и признали суверенитет Рима. Только часть Месопотамии и город Низибин временно остались под властью брата Тиграна—Гураса.

После падения Тигранакерта к Лукуллу, по словам Плутарха[1], явились с изъявлением покорности старейшины арабских племен Наиболее могущественный из них, названный у Кассия Диона[2] Алхаудонием, может быть отожествлен с упомянутым у Страбона главой кочевого племени Рамбаев—Алхайдамном[3]. Изъявил покорность Лукуллу также внук селевкидского царя Антиоха Грипа, князь Коммагены Антиох, который был назначен им царем Коммагены. Царем же Сирии был также признан как Лукуллом, так и римским сенатом Селевкид Антиох Азиатский, вернувшийся в Антиохию после ухода оттуда армянского наместника Баграта Этот Антиох Азиатский был сын бывшего царя Сирии Антиоха Евсевия и Селинэ—Клеопатры, бывшей, как передает Страбон[4], в заточении в крепости Селевкии, а впоследствии, при отходе армян из Сирии, убитой по приказанию Тиграна.

После падения Тигранакерта Лукулл и его армия зиму 69/68 г. провели в Кордуене. Как уже было указано выше, Кордуена, как и Софена, изменили Тиграну еще при Аппие Клавдие и, войдя с последним в тайное соглашение, перешли на сторону римлян. Тигран, еще до прихода Лукулла, был извещен об измене царя Кордуены Зарбиена и им был отдан приказ о предании казни Зарбиена вместе с семьей. В этой враждебной армянам стране римское войско могло теперь не только спокойно и безбоязненно перезимовать, но и получить продовольствие и пользоваться ее богатыми хлебными запасами.

Лукулл устроил в Кордуене торжественные похороны союзного царя Зарбиена и почтил его, соорудив ему роскошный надгробный памятник.

Вышеозначенные сведения о зимовке римского войска

---

1 *Plut.*, Lucull., 29, 8.

2 *Cass. Dio*, XXXVI, 2, 5.

3 *Strabo*, XVI, 2, 10 (753).

4 Там же, XVI 2, 3 (749).

в Кордуене имеются лишь у Плутарха, соответствующее свидетельство которого, ввиду его важности, приводим в подлинном переводе.

Плутарх, гл. 8—11:

„Ведь и цари арабов явились к нему [Лукуллу], предоставив все, что у них было, в его распоряжение; также и население Софены ему изъявило покорность. Кордуенцев же он так расположил к себе, что они хотели оставить свои города и последовать за ним вместе с детьми и женами. Они хотели это сделать по следующей причине. Царь кордуенский Зарбиен, тяготясь тиранией Тиграна, как было сказано, через посредство Аппия Клавдия вел тайные переговоры с Лукуллом о союзе. Когда это стало известно, Зарбиен был умерщвлен и вместе с ним погибли также его дети и жена, прежде чем римляне вторглись в Армению. Забыть этого не мог Лукулл. Вступив в область Кордуену, он устроил Зарбиену торжественные похороны. Украсив костер одеждой, принадлежившим царю золотом и отнятой у Тиграна добычей, Лукулл подошел к костру, зажег его и вместе с друзьями и членами семьи покойного совершил возлияние, называя его другом и союзником римлян. Он приказал, кроме того, поставить ему многоценный памятник. Во дворце Зарбиена было найдено много золота и серебра, а в складах—три миллиона медимнов хлеба[1]. Таким образом, и его солдаты нажились, и сам Лукулл также вызывал удивление тем, что, не получив из государственного казначейства ни одного денария, он вел войну на свой счет“.

В бытность свою в Кордуене Лукулл, как сообщают Плутарх, Евтропий и Руф[2], готовился к войне с парфянами. Он, по словам Плутарха, приказал своему заместителю в Понте Сорнатию явиться в Кордуену вместе со своим римским войском, оставленным в Понте, для участия в предполагавшемся походе. Однако, поход этот, по словам того

[1] Три миллиона медимнов равны по весу 120 милл. кг., или 120 тыс. т.
[2] *Plut.*, Lucull., 30, 1—5; *Eutr.*, VI, 9; *Festus Rufus*, 15.

же Плутарха, не осуществился вследствие сопротивления возмутившихся римских войск.

Сведения об этом походе против парфян, отстутствующие у Мемнона, Аппиана и Кассия Диона, признают достоверными и историческими Рейнак, Ферреро и др.[1], между тем как Моммзен и Экгардт[2], совершенно справедливо, считают их сомнительными и не заслуживающими доверия. Представляется, конечно, более чем сомнительным, чтобы Лукулл приказал вывести из Понта римские гарнизонные войска и чтобы он, оставив у себя в тылу Тиграна и Митридата, решился пойти походом на Ктезифон и тем самым открыл бы новый фронт. Указанное сообщение Плутарха, повидимому, является простым измышлением, автором которого может быть и сам Плутарх. Приписывая своему прославленному полководцу подготовку и третьей войны, Плутарх хотел, вероятно, показать, что подобно Александру Македонскому Лукулл также совершил бы великие подвиги, если бы не помешали ему римские войска.

Мы увидим ниже, что Лукулл не только не имел никакого намерения воевать с парфянами, но, наоборот, он, чтобы обезопасить себе тыл, хотел заключить с ними дружественный союз.

---

1 *Reinach*, Mithridate Eupator, стр. 366; *Ферреро*, Величие и падение Рима, I, стр. 190.

2 *Моммзен*, Римская история, т. III, стр. 61; *Eckhardt*, Die armenischen Feldzüge des Lukullus, Bd. X, 2, стр. 195.

14. ВОЙНА 68 г. В АРМЕНИИ И МЕСОПОТАМИИ

После тяжелого поражения под Тигранакертом Тигран вместе со своим конным отрядом телохранителей успел выбраться с поля битвы и укрыться в одном из ближайших укреплений.

Глубокое и безграничное отчаяние и уныние охватили армянский двор. Обширное государство Тиграна, простиравшееся от моря до моря, собранное им воедино с большим трудом в течение двадцати пяти лет, уже наполовину распалось. Против „царя царей" и самой Армении вскоре могли подняться все враги и, в первую очередь, парфянское царство, которое усилиями Тиграна было основательно расшатано и сильно унижено.

В эту тяжелую минуту отчаяния, как сообщает Плутарх[1], Митридат Евпатор, который со своей конницей только что направлялся к месту сражения, встретив по пути группы беженцев и раненых, узнал о поражении Тиграна и поспешил притти к нему. Представившись Тиграну, Митридат ободрил и обнадежил его относительно будущего[2], и после того оба они энергично взялись за подготовку войны.

Тигран, как рассказывают Мемнон и Аппиан[3], приняв во внимание большой опыт Митридата, приобретенный им в войнах с римлянами, поручил ему как подготовку предстоящей войны, так и общее руководство военными делами.

Став ближайшим советником Тиграна, Митридат поста-

---

[1] *Plut.*, Lucull., 29, 1—2.

[2] Европейские ученые—*Моммзен* (Римская история, III, стр. 58), *Рейнак* (Mithridate Eupator, 363) и др., описывая эту встречу Митридата с Тиграном, отмечают слабохарактерность и малодушие последнего. Эти упреки лишены основания, произвольны и не соответствуют сообщениям первоисточников.

[3] *Memn.*, 58; *App.*, Mithrid., 87.

рался прежде всего помирить своего зятя с его заклятыми врагами—парфянами. В 70—69 г. умер парфянский царь Санатрук и ему наследовал Фраат III (70/69—57 гг. до н. э.). Тигран, по совету Митридата, отправил к Фраату послов, выразил согласие уступить ему все отнятые им у парфян страны—Месопотамию, Адиабену и „великие долины",—по-видимому, упоминаемые у Страбона так называемые „семьдесят долин[1],—и просил его присоединиться к нему против римлян[2]. Послы предупреждали Фраата, что римляне, в случае победы над Тиграном, начнут после того войну и против парфян[3].

В связи с этими переговорами Саллюстий[4] приводит письмо Митридата к Фраату III, которое, не будучи подлинным, представляет, однако, интерес, как документ, отражающий господствовавшие в то время политические настроения и отношения. В письме этом Митридат описывает неослабное и безудержное продвижение римлян на восток, свои крупные войны с ними и их неутолимую жажду завоеваний и хищнических грабежей, неизбежными жертвами которых должны стать и парфяне. Митридат старается убедить Фраата присоединиться к нему и Тиграну против общего врага.

Позиция, которой должны были держаться парфяне, имела для воюющих сторон, несомненно, большое значение. Вот почему также и Лукулл, узнав о переговорах армян с парфянами, отправил к Фраату представителей своих новых союзников и приложил все усилия к тому, чтобы склонить его на сторону римлян. Лукулл, по свидетельству Диона[5], предложил Фраату выгодные для него условия и, напомнив ему о дружественном соглашении 92 года, состоявшемся между Митридатом II и Суллой, потребовал, чтобы Фраат или заключил с ним союз, или же оставался нейтральным и не вмешивался вовсе в римско-армянскую войну[6].

---

1 *Strabo*, XI, 14, 15.

2 *Memn.*, 58; *App.*, Mithrid., 87.

3 *Cass. Dio*, XXXVI, 1, 1—2.

4 *Sallust.*, IV, fr. 20 (Leipzig, 1856).

5 *Cass. Dio*, XXXVI, 3, 1.

6 *App.*, Mithrid., 87.

Хитрый парфянин не отклонил предложения Тиграна и Митридата, но одновременно дал ответ Лукуллу, что он согласен заключить с ним дружественный союз. Для заключения этого союза Лукулл вскоре отправил к нему в Ктезифон своего заместителя Секстилия. Однако, этот последний, будучи скорее воином, чем дипломатом, навлек на себя подозрение в том, что он прибыл, пожалуй, скорее в качестве шпиона, имея целью ознакомиться с парфянской страной и, главным образом, с состоянием ее боевых сил. Потеряв доверие к римлянам, Фраат III отказался от своего намерения заключить союз и оказать помощь римлянам и решил соблюдать нейтралитет[1]. Он полагал, что для его собственной безопасности было бы выгоднее, чтобы война велась между двумя враждебными сторонами при равных силах и без его участия. Это неожиданное решение парфянского царя было встречено в Армении с большим удовлетворением. Тигран мог теперь в известной мере надеяться, что во время предстоящей войны тыл его не подвергнется нападению со стороны парфян.

Всю зиму 69—68 гг. Тигран и Митридат провели в спешных приготовлениях к войне. Они, по словам Аппиана[2], объезжали всю страну и набирали новую армию, руководство которой Тиграном было поручено своему сведующему и опытному тестю. Ими был дан приказ о срочном изготовлении оружия и боевых припасов и о заготовке в удобных и укрепленных местах запасов пшеницы и прочего продовольствия.

Вначале Митридат, по словам Аппиана, приказал мобилизовать всех молодых армян, но впоследствии он выбрал из них для военной службы лишь наиболее сильных. Армию он разделил, по римскому образцу, на отряды и роты и поручил прибывшим вместе с ним понтийским военнослужащим обучать и тренировать ее по примеру римских легионов[3]. Опыт предшествующих войн убедил его в том, что

---

[1] *Cass. Dio*, XXXVI, 2—3.

[2] *App.*, Mithrid., 87.

[3] Там же, 87, и *Phlegon*, (Fragm. Hist. Gr., III, 65). Обучение армян-

крупные массы восточной армии не только не приносят делу пользу, но и служат препятствием для военных действий боеспособных частей.

В составе новой армии Тиграна кроме армян упоминаются[1] также союзные иберы, марды, а также и мидяне, сражавшиеся под предводительством царя Атропатены— Митридата, зятя и верного вассала армянского царя.

Численность армии, набранной Тиграном и Митридатом, Аппиан[2] определяет более ста тысяч бойцов, в том числе семьдесят тысяч пехоты и около тридцати тысяч конницы. Цифры эти, по мнению Экгардта, хотя и показаны менее цифр, чем за предыдущий год, должны быть все-таки признаны преувеличенными[3].

Римско-армянскую войну 68 г. Моммзен, как и Рейнак, характеризуют как национальную и религиозную войну объединенного Востока против Запада[4].

> „Из кабинетной войны,—говорит Моммзен,—она должна была сделаться теперь национально-азиатскою, цари и народности Азии должны были соединиться против всесильных и заносчивых западных завоевателей... Нетрудно было изобразить войну национальною борьбою Востока с Западом, так как она действительно была таковою; легко можно было превратить ее и в религиозную войну и распустить слух, что целью нашествия Луккулова войска было завладение храмом Нанеи или Анаиты в Элимаиде или нынешнем Луристане, наиболее чествуемым и богатым святилищем на всем прибрежье Евфрата. Толпами стекались из дальних и близких мест азиатцы под знамена царей, созывавших их на защиту Востока и его богов против безбожных иноземцев".

ской армии по образцу римского войска *Флегон* ошибочно относит ко времени до Тигранакертского сражения.

[1] *Plut.*, Lucull., 31, 9.

[2] *App.*, Mithrid. 87.

[3] *Eckhardt*, Klio, Bd. X, 2, стр. 197.

[4] *Моммзен*, Римская история, III, стр. 59—60. *Reinack.*, Mithridate Eupator, стр. 365.

Это мнение Моммзена, приводимое во многих исторических трудах как общепризнанное,[1] только в последнее время подверглось пересмотру и отвергается Экгардтом.[2] Последний вполне справедливо указывает, что в 68 г. армяне воевали с римлянами, главным образом, своими собственными силами, имели сравнительно меньше союзников, чем в предыдущем 69 г. Наибольшая часть Востока—как Кордуена, Софена, арабы, парфяне—или перешли на сторону римлян, или же оставались нейтральными. Помимо этого, как справедливо замечает Экгардт, хотя и возможно и уместно говорить об объединении азиатцев, имея в виду священные войны Ислама, однако, ни в коем случае нельзя утверждать то же самое в отношении древнего мира, где каждая область имела свой особый религиозный центр.

Эти ошибочные суждения Моммзена и Рейнака, в действительности, основаны исключительно на одном крайне спорном свидетельстве из речи Цицерона, которое я привожу полностью без сокращений.

> „Когда Лукулл,—говорит Цицерон,[3]—вместе со своим войском вступил в его [Тиграна] царство, многие из племен уже были возбуждены против нашего полководца. С одной стороны, были объяты страхом племена, которых римский народ никогда и не думал беспокоить или покорить войной. С другой же стороны—среди варваров укоренилось и получило распространение жестокое и возбуждающее мнение, будто войско наше явилось в эти страны с целью ограбить их богатейшее и наиболее чтимое святилище. Многочисленные и крупные племена были, таким образом, возбуждены и ввергнуты вновь в страх и ужас“.

Приведенный отрывок из речи Цицерона, как мы видим, отмечает лишь ужас и страх, охватившие многочисленные племена при походе Лукулла не в 68 г., а, как пра-

---

[1] См., наприм., *Халатянц*, Очерк истории Армении, стр. 198; *J. Morgan*, Histoire du peuple arménien, стр. 75; *Лео*, История Армении (на арм. яз.), стр. 411.

[2] *Eckhardt*, Klio, Bd. X, 2, стр. 195—197.

[3] *Cic.*, De imperio Cn. Pompeii, 9, § 23 (перев. под ред. *Зелинского*).

вильно указывает Экгардт,[1] в 69 г. Но и независимо от этого возражения и самое содержание приведенного отрывка не дает, по моему мнению, основания заключить, что война 68 года имела будто бы религиозный и общевосточный характер. Ограбление городов, храмов и богатств для римских военачальников и их войск всегда составляло, как известно, одну из основных целей их походов. Понятно поэтому, что возбуждение и религиозное возмущение народов представляли обычное явление при всех этих походах, и из этого факта едва ли можно делать то серьезное заключение, которое делают историки в отношении войны 68 г.

Весною 68 г. Лукулл, видя, что армянский царь не дает нового генерального сражения и не просит также мира, сам возобновил наступление, надеясь, что вторжением в северные области Армении и разорением их или же угрозой столице Армении Арташату он сможет заставить армян принять решительный бой и заключить окончательный мир.

К концу весны 68 г. римское войско покинуло дружественную и союзную Кордуену, где оно спокойно провело зиму, имея все в полном изобилии, и двинулось мимо Тигранакерта и через Таврские горы по направлению к Мушской и Евфрат-Арацанской долинам.

Путь наступления от Кордуены к северу, как предполагают Моммзен, Халатьянц и Лео,[2] пролегал через Битлисское ущелье и вдоль западного берега Ванского озера. Экгардт же,[3] которым вопрос этот был обстоятельно изучен, приходит к заключению, что наиболее удобным путем для передвижения войск является не дорога через Битлис, а через Нерджики и Шеник. Именно по этому последнему пути шли, как установлено немецким ученым Карбе,[4] также

---

[1] *Eckhardt,* Klio, Bd. X, 2, стр. 196.

[2] *Моммзен,* Римская история, III, стр. 61; *Халатьянц,* Очерк истории Армении, стр. 200; *Лео,* История Армении (на арм. яз.), стр. 413.

[3] *Eckhardt,* Klio, X, 2, стр. 202—206.

[4] *H. Karbe,* Der Marsch der Zehntausend vom Zapates zum Phasis-Araxes, 1898.

и Ксенофонт и отступавшие с ним греческие войска. Предположения Экгардта и Карбе подтверждаются теперь и данными Таблиц Певтингера. На этой карте, как подробно выяснено в моем труде „Главные пути древней Армении“, древняя военная дорога в Ахдзнике показана также идущей через Нерджики—Кильдиз.[1]

Летом 68 г., когда войско Лукулла спустилось через Таврские горы в Мушскую долину, посевы хлебных злаков здесь, по словам Плутарха,[2] были еще зеленые, в то время как в Кордуене, откуда за несколько недель до этого выступило римское войско, уже наступило время жатвы. Эта климатическая особенность Армянского нагорья, явившаяся неожиданностью для Лукулла, причинила ему большое беспокойство, так как это обстоятельство сильно затрудняло снабжение его армии продовольствием. Сильно обезнадеживал его также неожиданный для него новый способ ведения войны, применявшийся здесь неприятелем по совету опытного и изобретательного Митридата.

Выше мы уже отметили, что Митридат, которому была поручена подготовка нового армянского войска, обращал внимание не на количество, а качество его. Союзные цари на этот раз не только усилили свою пехоту, но и приложили все старания, чтобы их конница как количественно, так и по своей боеспособности превосходила римскую конницу, которая, как известно, составляла сравнительно слабую и уязвимую часть римского войска. По совету Митридата в корне изменился также и способ ведения войны армянскими войсками. Было решено избегать крупного решительного боя и вести горную оборонительную и малую войну. Оба союзника желали, очевидно, вовлечь римское войско внутрь страны, затруднить снабжение этой армии продовольствием и постепенно обессилить врага внезапными нападениями своей мощной и подвижной конницы.

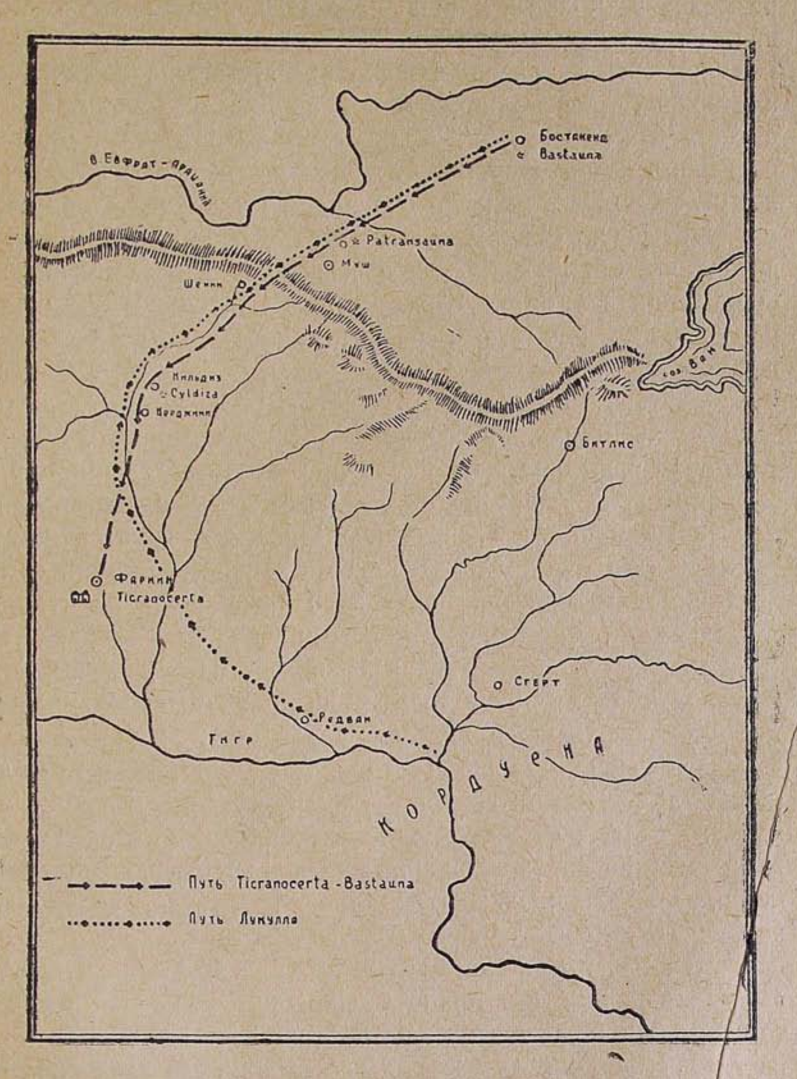
Для осуществления этой своей военной программы союзные цари разделили, по словам Аппиана,[3] свою армию на

---

[1] См. мою работу „Главные пути древней Армении“, стр. 90—94.

[2] *Plut.*, Lucull., 31, 2; ср. также *Cass. Dio*, XXXVI, 4, 2.

[3] *App.*, Mithrid., 87.

Путь Лукулла из Кордуены в Мушскую равнину.

две части. Митридат, которому были переданы вся пехота и небольшая часть конницы, преследовал римское войско по пятам, но, вместе с тем он, располагаясь лагерем и укрепляясь на холмах, упорно избегал решительного сражения. Тигран же с остальной частью конницы производил молниеносные нападения на неприятеля, расстраивал снабжение войска продовольствием и причинял ему значительные потери. Таким образом, Лукулл вместе со своим войском постоянно оказывался между войсками Митридата и Тиграна, угрожаемый с тыла то с одной, то с другой стороны.

Интересно отметить факт, что эти бои 68 г. римские источники обходят большею частью полным молчанием. Один лишь Плутарх, воспеватель и панегирист Лукулла, упоминает о некоторых незначительных успехах своего героя.

Плутарх, Лукулл, гл. 31, 2—3:

> „Лукулл,—рассказывает Плутарх,—перейдя Тавр, впал в уныние, найдя поля еще всюду зелеными. Слишком запаздывали здесь времена жатвы вследствие низкой температуры. Тем не менее он, спустившись с гор, два или три раза обратил в бегство армян, осмелившихся произвести на него нападение, опустошил деревни, не встречая сопротивления, и, захватив затем приготовленные для Тиграна запасы хлеба, поставил неприятелей в то затруднительное положение, которого раньше боялся сам“.

Эти частичные успехи Лукулла не имели, однако, сколько-нибудь серьезного военного значения, так как они ничуть не ослабляли живой силы союзников, между тем как само римское войско, подвергавшееся частым нападениям конницы Тиграна, как нетрудно заключить из сообщений источников, терпело чувствительные потери.

Лукулл, по рассказам Плутарха и Диона,[1] старался вынудить неприятеля принять сражение, надеясь в решительном бою сокрушить силы противника. С этой целью он на глазах неприятеля разорял его страну. Но напрасно: не-

[1] *Plut.*, Lucull., 31, 3—4; *Cass. Dio*, XXXVI, 4, 2.

приятель оставался неподвижен на своем месте. Лукулл затем осадил лагерь Митридата и стал рыть вокруг него рвы. Но и эта попытка оказалась напрасной. К Митридату немедленно пришел на помощь Тигран, угрожая римлянам с тыла, и Митридат, верный своей программе, и на этот раз не двинулся с места.

Этот тяжелый и бесплодный поход Лукулла, во время которого он сам нес большие потери, чем неприятель, продолжался на севере Ванского озера не менее двух месяцев. Уже наступила осень и положение римского войска становилось постепенно, в условиях непривычного для него холодного климата Армении, все более и более безнадежным. Если бы Лукулл решился теперь отступить, то это равносильно было бы позорному поражению. И теперь только, по прошествии двух бесплодных месяцев, он поспешно направился к Арташату, где находились законные жены и несовершеннолетние дети Тиграна.[1] Завоеванием этой древней столицы Армении он надеялся восстановить свою боевую славу и авторитет, начинавшие уже блекнуть во время этой новой римско-армянской войны. Он вместе с тем полагал, что угроза Арташату заставит Тиграна принять решительный бой.

И предположение Лукулла, действительно, оправдалось. Получив сведения о том, что Лукулл ускоренным маршем идет на Арташат, Тигран поспешил вслед за римским войском и, по словам Плутарха,[2] настиг его на четвертый день и перерезал ему путь у переправы через реку Араций, на правом его берегу. Лукулл, не успевший еще переправиться через реку, находился на левом берегу Арацания и очутился лицом к лицу с армянским войском.

В своем обстоятельном исследовании Экгардт[3] пытается уточнить как место, где произошло это столкновение у Арацания, так и тот путь, по которому пришли сюда Лукулл и Тигран. Он совершенно справедливо не разде-

[1] *Plut.*, Lucull., 31.

[2] Там же, 31.

[3] *Eckhardt,* Klio, Bd. X, 2, стр. 221—226.

ляет мнения Рейнака,[1] предполагавшего место упомянутой переправы через Араканий около теперешнего Маназкерта. Переправившись через реку в этом месте, как правильно указывает Экгардт, можно было выйти в Басиан и Гасанкалу, но отнюдь не в Арташат Экгардт, со своей стороны, полагает, что римское войско пошло мимо Маназкерта на север и достигло теперешней Каракилисы на левом берегу Арацания. По этому же именно пути, как известно, немецкие ученые определяют также маршрут отступления Ксенофонта[2] и десяти тысяч греков. Мне, однако, представляется более вероятным, что как поход Лукулла в 68 г., так и отступление греков происходили по древней магистральной линии сообщения Tsumbo—Didyma, которая отмечена на Певтингеровой карте и подробно выяснена в моем исследовании „Главные пути древней Армении".[3] Согласно этому новому предположению, место сражения около Евфрата—Арацания определяется не в точности у теперешней Каракилисы, а на расстоянии 20—30 километров к востоку от нее, в районе к северу от теперешней Дидемы.

О сражении около реки Арацания единственными нашими источниками являются свидетельства Плутарха и Кассия Диона,[4] находящиеся, как увидим ниже, в коренном противоречии друг с другом. Оба эти свидетельства, нуждающиеся в серьезном и внимательном изучении, приводим ниже в подлинном переводе.

Плутарх, Лукулл, гл. 31, 7—14:

„Наступление Лукулла на Арташат Тигран не мог стерпеть; поэтому он на четвертый уже день вместе со своей армией расположился лагерем возле римлян. Между обеими армиями находилась река Араканий, через которую необходимо было переправиться римлянам, чтобы отправиться в Арташат.

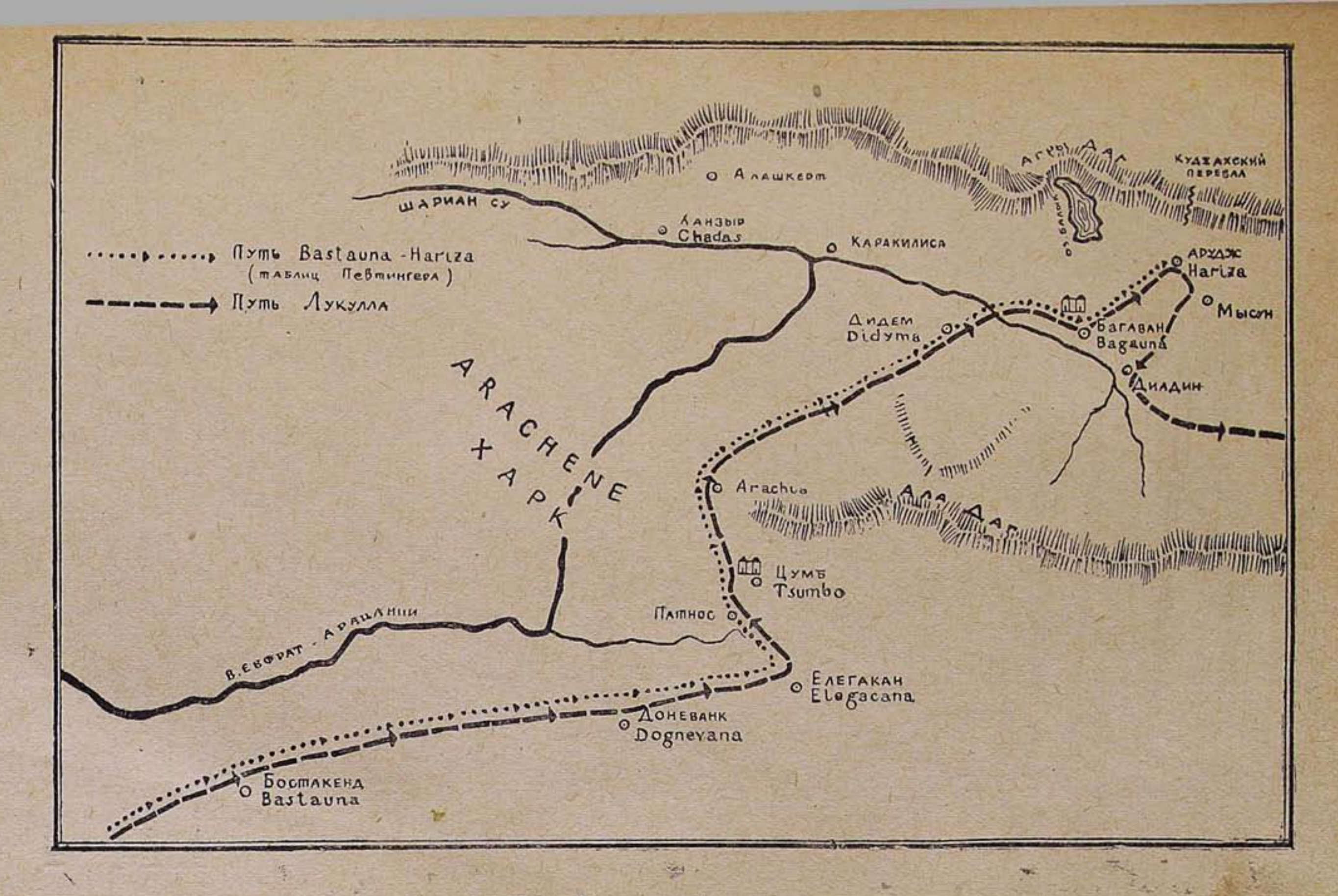
---

[1] *Reinach*, Mithridate Eupator, стр. 368, прим. 1.

[2] Ср. *W. Belck*, Verhand. d. Berl. anthrop. Gesell., 1899, стр. 661.

[3] См. мою работу „Главные пути древней Армении", стр. 103—114.

[4] Краткое упоминание об этом сражении мы находим и у Саллюстия в одном из фрагментов его истории (IV, fr. 74).

Путь Лукулла в Арташат.

Принеся богам жертву и будучи уверен, что победа уже в его руках, Лукулл переправил свое войско на другой берег, расположив впереди двенадцать когорт; остальные же были выстроены позади, чтобы враг не мог их окружить.[1] Против них стояли в боевом порядке многочисленная конница и отборные войска; впереди них—конные стрелки марды и копьеносцы иберы,—те войска из чужестранцев, к которым Тигран питал доверие, считая их особенно храбрыми. Но, на самом деле, они никаких блестящих подвигов не совершили. Вступив немного в бой с римской конницей, они не выдержали нападения пехоты и, рассеявшись в разные стороны, навлекли вновь на себя конницу и подверглись преследованию. Когда же они разбрелись, Лукулл, увидев многочисленность и великолепие едущих с Тиграном всадников, испугался. Он приказал коннице прекратить преследование и первым пошел против атропатенцев, стоявших против него с лучшими войсками. Однако, прежде чем дело дошло до рукопашной, он, испугав их, обратил в бегство. Из трех царей, участвовавших совместно в сражении, позорнее всех бежал, видимо, Митридат Понтийский, который не выдержал даже боевого клика римлян. Преследование продолжалось на большом расстоянии, и римляне в течение всей ночи не только убивали неприятелей, но и выбились из сил, беря их в плен и унося вещи и добычу. Ливий пишет, что потеря неприятеля была значительнее в первом сражении, но в этом сражении из неприятелей, большей частью, были убиты и взяты в плен лица именитые".

2. Кассий Дион,[2] кн. 36, гл. 4—5:

---

[1] Об этом особом расположении войска (agmen quadratum) см. *V. Chapot*, La frontière de l'Euphrate, Paris, 1907, стр. 173.

[2] В свидетельстве Диона не указано место сражения; однако, Экгардт, основываясь на его содержании, считает вероятным, что сообщаемые в нем сведения относятся к сражению при Арацание (см. Klio, 1910, Bd. X, 2, стр. 208). Заключение Экгардта можно считать вполне обоснованным и убедительным.

„Поход свой Лукулл предпринял в середине лета того же года (так как наступать весною на неприятельскую страну было невозможно из-за холодов) и разорил известные части страны, чтобы заставить варваров оказать сопротивление и вступить с ним в войну. Когда же они вовсе не двинулись с места, то он сам пошел на них.

Во время этого наступления неприятельская конница сильно потеснила римскую, но никто из них не вступал в рукопашный бой с пехотинцами, а, наоборот, они тотчас же отступали каждый раз, как только Лукулл в помощь своим всадникам высылал щитоносцев. Несмотря на это, враги не понесли никакого ущерба и, поворачиваясь, стреляли из луков в преследовавших их врагов, многих тут же убивали, многим же наносили ранения. Раны были тяжелые и с трудом поддавались лечению, так как стрелы были с двумя концами, причем оба эти конца примыкали друг к другу таким образом, что причиняли быструю смерть как в том случае, если они оставались в ране, так и в том случае, если их извлекали. Происходило же это от того, что второй железный конец стрелы, который никак нельзя было вынуть, оставался в теле".

Многие из европейских ученых, как, например, Рейнак, Низе и Ферреро,[1] считая вышеприведенное свидетельство Плутарха заслуживающим доверия, думают что в битве при реке Арацание Лукулл одержал победу, а Тигран с Митридатом потерпели тяжелое поражение. Рейнак, кроме того, основываясь на свидетельстве Флегона,[2] которое, как мы видели выше, относится к сражению не при реке Арацание, а под Тигранакертом, по недоразумению указывает, будто в этой битве Тигран потерял убитыми пять тысяч человек и будто часть его войска попала в плен.

Более осторожную и сдержанную позицию в вопросе

---

[1] *Reinach*, Mithridate Eupator, стр. 367; *Низе*, Очерк римской истории, СПБ, 1910, стр. 289. *Ферреро*, Величие и падение Рима, I, стр. 196.
[2] См. *Müller*, FHG., III, стр. 606.

об этой победе Лукулла занимают Моммзен и Экгардт[1]; однако, и они, находясь в значительной мере под влиянием свидетельств Плутарха, не подчеркивают в достаточной степени весьма тяжелого положения римского войска, ясно и определенно засвидетельствованного в вышеприведенном фрагменте Диона.

У реки Арацания, как это нетрудно заключить из свидетельства Кассия Диона, Тигран не только не потерпел поражения, но, напротив, сам нанес противнику тяжелый удар. Конница Тиграна, согласно прямому свидетельству Диона, не понесла никакого ущерба от неприятеля, но сама, оборачиваясь и пуская стрелы в преследовавших римлян, нанесла им на лету урон, убив и ранив многих из них. В этом сражении, как правильно указывает Экгардт,[2] участвовала одна лишь легкая конница Тиграна без пехоты, но об этом нет прямого указания ни у Плутарха, ни у Диона. И, действительно, отстутствие в этой битве армянской пехоты, как и самого Митридата, следует признать вполне вероятным, так как из вышеприведенного свидетельства Плутарха также видно, что преследовал римское войско и догнал его со своей легкой конницей один лишь Тигран. И совершенно невероятно, конечно, чтобы армянская малоподвижная пехота могла достичь берега Арацания одновременно с конницей.

Из вышеприведенных свидетельств источников усматривается также, что Тигран и в этой битве применял старый способ ведения войны:—не вступая в решительный бой с врагом, он желал, очевидно, нанести удар противнику при переправе его через реку. Бегство конницы Тиграна было явной симуляцией, во время которой его конные, скачущие в карьер стрелки наносили неприятелю все новые и новые потери. Этот обычный для Востока способ ведения войны

---

[1] *Моммзен*, Римская история, т. III, стр. 61; *Eckhardt*, Klio, Bd. X, 2, стр. 208—213.

[2] См. Klio, Bd. X, 2, стр. 210. Совершенно правильны и обоснованы возражения Экгардта против Моммзена и Рейнака, у которых описание сражения у Арацания не соответствует вовсе сведениям, сообщаемым источниками; см. *Моммзен*, Римская история, III, стр. 61 и *Reinach*, Mithridate Eupator, стр. 367.

применяли, как известно, также и парфяне против Красса, потерпевшего полное поражение в войне 53 г.

Признав, таким образом, что в битве при Арацание принимала участие лишь легкая конница Тиграна, нетрудно убедиться в том, что сообщения Плутарха о том, будто римляне всю ночь избивали врага или же брали в плен и будто Митридат Понтийский первый бежал с поля битвы, являются заведомыми измышлениями, которые не только ничем не подтверждаются, но совершенно противоречат достоверным и беспристрастным свидетельствам Диона.

Битва при Арацание имела место в средних числах сентября 68 г. Приближалась уже суровая зима Армении, с ее мятелью и вьюгой, но римское войско все еще не добилось ни решительного боя с армянским войском, ни сколько-нибудь значительного успеха. Расстояние от Мушской долины до верхнего течения Арацания, т. е. от древнего Патрансавана до переправы через Араций около Дидемы, где находилось римское войско, по линии, обозначенной на Певтингеровой карте и подробно выясненной в моем географическом исследовании, составляет приблизительно всего двести пятьдесят километров,[1] и любопытно, что именно это сравнительно небольшое расстояние прошло римское войско в течение приблизительно 2—3 месяцев. Если римские источники не сообщают подробностей всех событий этого продолжительного похода, то обстоятельство это само по себе уже является весьма вероятным показателем того, что события этого похода не были благоприятными для римского войска и приносящими ему славу. Однако, несмотря на молчание источников, даже указанные скудные свидетельства дают возможность заключить, что в течение этих двух или трех месяцев войско Лукулла было уже в достаточной мере изнурено и обессилено и что оно, повидимому, в мелких стычках понесло, как совершенно правильно от-

---

[1] См. „Главные пути древней Армении", Ереван, 1936, стр. 92—114. Расстояние от Patransauna до Tsumbo на римской карте показано в 114 римских миль, или около 170 км, а от Tsumbo—Цумба до берега реки у Didyma—Дидемы составляет около 80 км.

мечает Экгардт[1], больше потерь, чем оно потерпело бы в крупном решительном сражении.

Переправившись через реку, Лукулл повел свое войско в сторону Арташата. Однако, через несколько дней, рассказывает Плутарх, войско его решительно отказалось двигаться дальше и потребовало возвращения обратно. Этому восстанию, возникшему в войске и заставившему Лукулла отступить из Армении, даны различные объяснения у Плутарха и у Цицерона. Причиной восстания Плутарх считает то, что в сентябре месяце, во время осеннего равноденствия, неожиданно выпал в Армении снег и наступили преждевременные холода. Цицерон же, у которого имеется ясный намек на это восстание войска, объясняет его тем, что войско слишком удалилось от собственной страны и тосковало по родине.

Соответствующие свидетельства этих авторов привожу ниже в подлинном переводе.

1. Плутарх, Лукулл, гл. 32, 1—4:

„После того Лукулл решил итти уверенно и смело вперед и сломить сопротивление врага. Но сверх всякого ожидания, во время осеннего равноденствия, настала суровая зимняя погода; шел большей частью снег и при ясном небе падал иней и садился лед. Вследствие этого лошади с трудом пили речную воду, которая была чрезвычайно холодна, и им, кроме того, тяжело было переходить через реки, так как ломающийся жесткий лед резал их жилы. Большая часть этой области была густо покрыта деревьями, была лесиста, а дороги там были узкие. Солдаты во время марша, покрываясь снегом, все время мокли и чувствовали себя плохо, так как проводили ночи на сырой земле. После сражения они несколько дней следовали за Лукуллом, но затем воспротивились. Сначала они, посылая к нему трибунов, обращались только с просьбами, но потом стали устраивать шумные сходки и по ночам кричали в своих палатках; это было как бы

[1] Klio, Bd. X, 2, стр. 207.

признаком того, что в войсках начинается уже мятеж. И Лукулл, конечно, упорно настаивал и просил их вооружиться терпением, пока они возьмут в Армении Карфаген и разрушат создание их злейшего врага, а именно—Ганнибала. Однако, так как невозможно было их убедить, он увел их обратно и, перейдя Тавры через другой горный проход, спустился в Мигдонию"...

2. Цицерон, De imperio Pompeii, IX, 23—24 (перевод под ред. Зелинского):

„Что касается наших воинов, им, действительно, удалось взять один город в царстве Тиграна, а также одержать победы в нескольких битвах, однако, чрезмерная отдаленность тех стран действовала на них скверно и тоска по родине стала одолевать их... Я не буду распространяться о том, что случилось дальше. Дело кончилось тем, что наши воины вместо того, чтобы двигаться вперед, потребовали спешного возвращения обратно".

Аппиан и Кассий Дион ограничиваются лишь сообщением об отступлении Лукулла и не упоминают об этом позорном факте восстания войска. Причиной отступления Аппиан считает наступление зимы[1], Дион же объясняет отступление большим количеством раненых и недостатком продовольствия[2]. Из вышеприведенных свидетельств наиболее вероятным и приемлемым Моммзен, Рейнак, Ферреро и др. считают свидетельство Плутарха, который в данном случае пользовался трудом Ливия. Отдавая предпочтение Плутарху, они, к сожалению, упустили из виду сообщение Кассия Диона, который, хотя и не упоминает о восстании римского войска, однако, дает об его отступлении сведения, заслуживающие внимания и вполне достоверные. Источником, в этой части, Диону служил, несомненно, Саллюстий, считавшийся среди древнейших римских историков наиболее серьезным и беспристрастным.

С этой точки зрения, следует признать совершенно правильными замечания Экгардта[3], считающего основной

---

[1] *App.*, Mithrid., 87.
[2] *Cass. Dio*, XXXVI, 6, 1.
[3] *Eckhardt*, Klio, Bd. X, 2, стр. 213—216.

причиной восстания не столько преждевременные холода, как это указано у Плутарха, сколько крупные потери римского войска, большое количество раненых и недостаток в продовольствии, как это определенно отмечено у Диона. Прав также Астурян[1], усматривающий действительную причину отступления в деморализации и упадке духа римского войска, вызванных постигшими его серьезными неудачами. Если бы причина заключалась в одних только холодах, то римское войско должно было не отступать, а, наоборот, двигаться вперед в Арташат, находившийся на весьма близком расстоянии, где оно нашло бы себе не только спасение от холодов, но и крупную военную добычу.

Расстояние от последней лагерной стоянки римского войска до Арташата можно, по моему мнению, установить с точностью. Расстояние от переправы через реку Арацаний до Арташата было, как показано в Певтингеровой карте, всего около 170 километров. После битвы при Арацание римское войско, согласно Плутарху, продвинулось вперед по направлению к Арташату вглубь страны и в момент восстания оно, как видно из описания того же Плутарха, еще не дошло до Араратской равнины. За несколько дней, протекших после битвы при Арацание и до дня восстания, римское войско в тяжелых условиях, описанных Плутархом, могло пройти самое большее 70—50 км. Нетрудно, следовательно, заключить, что войско Лукулла, двигавшееся по магистральной военной дороге, отмеченной на карте Певтингера, мимо древнего Багавана и Аруджа, в последний день перехода находилось, вероятно, в наиболее трудно проходимой части пути, в горном проходе теперешнего Куджаха или Каравансарая, на расстоянии всего около ста километров от Арташата[2].

Путь отступления Лукулла из Армении по направлению к Месопотамии подробно рассмотрен в исследовании Экгардта[3]. Путь этот, как мы видели, указан и у Плутарха.

---

[1] *Астурян*, Политические отношения между Арменией и Римом, стр. 63 и сл.

[2] См мою работу „Главные пути древней Армении", стр. 17—46.

[3] *Eckardt*, Klio, Bd. X, 2, стр. 226—231.

Согласно свидетельству последнего, Лукулл повел свои войска обратно не по вышеуказанному древнему пути, а в другом направлении. Он перешел Тавры через другой горный перевал и спустился в Мигдонию по совершенно новому пути. Путь этот, согласно предположению Экгардта, проходил через теперешний Хой по направлению к Башкале и далее через Джуламерк, Захо и Джезире к Низибину. Следует, однако, отметить, что этот путь отступления Лукулла, который, несомненно, шел по ущелью Беркри или же через древнюю область Артаз, трудно установить с точностью, поскольку мы не имеем других сведений, кроме сведений, сообщаемых Плутархом.

В северной Месопотамии, куда Лукулл спустился с Таврских гор в октябре 68 г., стояла еще теплая летняя погода. Здесь в руках армян находился знаменитый укрепленный город Низибин, окруженный двойными, внешними и внутренними, стенами. Высшая власть в Низибине, в этом центре крупного военного и стратегического значения, Тиграном, как было упомянуто выше, была передана брату Гурасу.

Крайне, однако, любопытно, что римское войско, восставшее и не захотевшее итти наступом на Арташат, осадило теперь город Низибин без всякого протеста. Осада эта[1], однако, в первые месяцы не дала никаких результатов. Город, фактическим командующим и защитником которого был известный греческий архитектор Каллимах, оказал такое же сильное сопротивление, как и Тигранакерт.

Защитники города, рассказывает Дион, были вполне уверены, что римляне будут вынуждены уйти. Но совершенно неожиданно для них, в одну из темных дождливых ночей, когда из-за бури ничего нельзя было видеть и слышать, римлянам удалось подойти к городу и овладеть его внешнею стеною. После этого, из-за темноты и проливного дождя, оказалось невозможным стрелами или горящей нефтью защитить также и внутреннюю стену. Римляне заполнили дровами пространство между двумя стенами и

---

[1] Подробные сведения об этой осаде сообщают Плутарх, (Lucull., 32) и Кассий Dion (XXXVI, 6—7).

без особого труда взяли также вторую стену. Гурас и крепостной гарнизон, укрепившиеся в цитадели, сдались неприятелю на определенных условиях и были затем отпущены на свободу. Только Каллимах, руководивший с большим успехом еще раньше защитой осажденного Амиза, был признан виновным и был закован в цепи.

Взятие Низибина оказалось последним успехом Лукулла. После этого звезда его постепенно совершенно померкла и римское войско, как увидим ниже, бесславно ушло из Армении.

15. ПОБЕДОНОСНОЕ НАСТУПЛЕНИЕ ТИГРАНА И МИТРИДАТА И ОТСТУПЛЕНИЕ ЛУКУЛЛА

Пока римское войско спускалось по длинным и тяжелым дорогам Месопотамии и осаждало здесь город Низибин, Митридат и Тигран, вместо того, чтобы преследовать деморализованного и приунывшего неприятеля, напали на римские войсковые части, стоявшие в Понте и на севере от Тигра. Они все еще продолжали вести мелкие местные бои, которые, как мы видели, заканчивались для них успешно и имели своим результатом истощение и деморализацию армии Лукулла.

Во главе восьмитысячного войска, состоявшего наполовину из армян, предоставленных Тиграном, Митридат явился в Понт восстановить здесь свою власть. Тигран же пытался вновь завладеть южными областями своего исконного царства[1]. Здесь, в районе к северу от Тигра, составлявшем южную часть Великой Армении, Тигран вновь завоевал ряд областей и осадил одно из местных укреплений, в котором укрылся римский полководец Луций Фанний со своими войсками. На помощь Фаннию, как рассказывает Дион[2], поспешил из Месопотамии Лукулл, которому и удалось освободить его.

С другой стороны, Митридат, который сперва проник в восточные области Малой Армении, навел здесь ужас на разбросанные и слабые римские войсковые части и, уничтожив их, отряд за отрядом, с большою быстротою занял всю восточную часть своего царства. Отсюда он обратился к своему народу с призывом взяться за оружие и восстать, обещая освободить всех понтийцев, работавших у римлян

---

[1] *App.*, Mithrid., 88; *Cass. Dio*, XXXVI, 8—9.

[2] *Cass. Dio*, XXXVI, 10.

в качестве рабов. Народ, как свидетельствует Дион[1], полный ненависти к римлянам и угнетающим его жестоким римским правителям, принимал Митридата с распростертыми объятиями и оказывал ему всевозможную помощь.

Как только из Малой Армении Митридат перешел во внутренние области Понта, здесь против него выступил римский полководец Фабий Адриан. Однако, бывшие наемные фракийские войска Митридата, как и понтийцы, обслуживавшие римлян в качестве рабов, установили связь с Митридатом, оказали ему помощь[2] и в пылу сражения толпами перешли на его сторону. Хотя в этой битве, ставшей злополучной для римлян, последние несли крупные потери, однако, римскому полководцу Адриану удалось прервать ее благодаря лишь тому, что враг должен был вывести с поля боя Митридата, который был тяжело ранен[3]. Остатки разбитого римского войска бежали в Кабиру, где и укрепились в ее цитадели. На помощь к Адриану пришел Триарий, который отрешил его от должности и принял на себя командование[4]. Но и он не смог вытеснить врага из Понта и был вынужден зимовать в Газиуре, лицом к лицу с войском Митридата, расположившимся в районе понтийской Команы. Митридат укрепился здесь в области к югу от реки Ириса и старался стянуть новые силы из Малой Армении, успевшей вовсе освободиться от римской власти. Триарий, с своей стороны, обратился к Лукуллу и, сообщив ему о поражении Адриана и об опасном положении римлян, просил у него помощи.

Извещенный об этом, Лукулл, чтобы спасти положение в Понте, решил вывести свои войска из Месопотамии и отказаться от своих заевфратских завоеваний. Однако, его легионы, проводившие веселую и спокойную жизнь на зимних квартирах, отказались выступить в поход раньше весны[5]. Это уже второй раз римские войска не подчинялись своему

---

[1] *Cass. Dio*, XXXVI, 9, 2.

[2] Там же, XXXVI, 9, 3—4.

[3] *App.*, Mithrid., 88.

[4] Там же, 88.

[5] *Plut.*, Lucull., 34.

военачальнику и мятежно и самовольно нарушали воинскую дисциплину.

Следует отметить, что положение Лукулла, после неудачного похода 68 г., начинало уже сильно колебаться. В этот именно период римско-армянской войны в Риме вновь усилилась демократическая партия, которая старалась дискредитировать Лукулла и упорно домогалась свержения своего могущественного противника, бывшего единомышленником и сторонником Суллы. Агитацией демократической партии и, главным образом, финансистов и откупщиков, следует объяснить, что еще в 69—68 гг. Лукулл был лишен должности наместника Азии и Киликии. Возмущение против него усилилось еще более после неудачной войны 68 г. Падение его авторитета в Риме, естественно, отражалось и на его войсках. Среди легионеров уже носились слухи о решении Рима снять Лукулла с должности. Распущенность его солдат после войны и отступления 68 г., таким образом, все более усиливалась, и одновременно усиливалась среди них также и склонность к неповиновению и восстаниям. Его солдаты теперь требовали, чтобы им было разрешено вернуться в Италию. Многие из них, срок службы которых истекал в 67 г. и которые за время службы имели возможность ограбить много богатых городов и областей, теперь уже не были неимущими пролетариями, а были уже состоятельными и обладали достаточными средствами. Совершенно естественно, что они не хотели подвергнуть свою жизнь опасности в новых войнах, а спешили вернуться в Италию и пожить там сытно и спокойно.

Благодаря сопротивлению своего войска Лукулл был вынужден остаться всю зиму 68—67 г. в Месопотамии. Только в начале весны 67 г. он оставил Тигранакерт и Низибин и, перейдя реку Евфрат, поспешил на помощь Понту. Очищая Месопотамию и южную Армению, Лукулл, по справедливому замечанию Моммзена, отказывался, очевидно, от своих блестящих надежд, которые он связывал с военной экспедицией в Армению[1].

---

[1] *Моммзен*, Римская история, III, стр. 63.

В то время как Лукулл шел на помощь Триарию, в Понте уже были начаты военные действия. Триарий, располагавший приблизительно десятью тысячами воинов, вначале старался избегнуть столкновения с неприятелем и укрепился в своем лагере около Газиуры. Однако, как только Митридат приступил к осаде крепости Дадасы, куда были свезены награбленные римскими войсками военная добыча и имущество, войско Триария заставило последнего пойти на помощь гарнизону Дадасы. Выйдя из укрепленного лагеря, Триарий был вынужден вступить в бой с Митридатом в весьма опасном месте между Газиурой и Зелою. Несмотря на сильное сопротивление, оказанное римлянами Митридату, армяно-понтийским войскам удалось оттеснить римскую пехоту в глинистое ущелье, где она и погибла почти полностью. Спаслись бегством только сам Триарий и его римская конница.

Потери римского войска в этом сражении, по данным Аппиана и Плутарха[1], составили убитыми: 24 военных трибуна, 150 начальников центурий и около 7 тысяч воинов.

По поводу этого жестокого поражения Триария особенно характерно свидетельство Цицерона, в котором он подчеркивает, что он, следуя примеру римских историков, будет хранить молчание об этом поражении. Поражение это, по словам Цицерона, было настолько полным, что главнокомандующий узнал о нем не от гонца, участвовавшего в сражении, а лишь по тем слухам, которые циркулировали среди народа[2]. Трупы убитых, оставшиеся в течение трех лет без погребения, были преданы земле Помпеем лишь в 64 г.

Лукулл находился еще на полпути, когда он узнал о тяжелом поражении Триария, к которому он шел на помощь. Он решил дать новое сражение Митридату и отомстить ему за поражение Триария, но Митридат не принял сражения и, предпочтя прежний способ ведения войны, стал ждать Тиграна, чтобы объединенными силами возобновить малую горную войну, которая, как мы видели, дала блестящие результаты в 68 г.

---

[1] *App.*, Mithrid., 89; *Plut.*, Lucull., 35.

[2] *Cic.*, De imperio Pompeii, IX, 25.

Из района Газиуры и Зелы, где Триарий потерпел поражение, Митридат поспешил обратно в Малую Армению, взяв с собою столько продовольствия, сколько возможно было с собой отвезти[1]. А все то, что трудно было взять, он уничтожил, чтобы затруднить снабжение неприятеля продовольствием. Вместе со своим войском он, как рассказывает Кассий Дион[2], отступил в горную область Талавры и, укрепившись здесь, ждал встречи с Тиграном.

В то же самое время, зять Тиграна, царь Атропатены Митридат, налетая неожиданно на римлян, преследовал и уничтожал их рассеянные там и сям небольшие отряды[3].

Весною 67 г. Лукулл со своим войском стоял в Малой Армении лицом к лицу с войском Митридата. С тыла ему и теперь, как и в войне 68 г., угрожал Тигран, успевший вновь занять южно-армянские области своего исконного царства и собиравшийся притти на помощь своему тестю. Положение Лукулла и его войска было крайне тяжелое, ибо в то время, как армяно-понтийские войска непрерывно усиливались свежими боевыми подкреплениями, римская армия, несшая постоянные потери, почти не получала новых подкреплений.

Чувствуя необходимость в пополнении своих потерь, Лукулл отправил из Малой Армении гонцов в Киликию к только что назначенному наместнику Квинту Марцию Рексу с просьбой о помощи. Рекс, направлявшийся в это время в свою область и прибывший уже в Ликаонию, имел в своем распоряжении три легиона. Лукулл был в полной уверенности, что Марций Рекс не откажет ему в помощи, тем более, что он принадлежал к одной с Лукуллом партии и одновременно приходился ему свояком. Но надежды Лукулла оказались тщетными. Рекс отказал ему в просьбе под тем предлогом, что, мол, войска его не соглашаются итти в Армению[4].

---

1 *App.*, Mithrid., 90.

2 *Cass. Dio*, XXXVI. 14, 2.

3 Там же.

4 *Sallustius*, V, frg. 12 и 13; ср. также *Cass. Dio*, XXXVI, 15, 1 и 17, 2.

Не важны были и сведения, поступавшие из Рима. Сообщения о поражении Триария, полученные в Риме, дали политическим противникам Лукулла новый повод для усиления агитации против него. Весною 67 г. они окончательно добились своей главной цели. По предложению народного трибуна Габиния, в Риме было вынесено новое постановление о лишении Лукулла права командования в войне против Митридата, равно как наместничества в Вифинии и Понте, с возложением всех его прав и обязанностей на консула того же 67 г. Мания Ацилия Глабриона. Согласно этому же постановлению предоставлялся отпуск всем тем легионерам, находившимся под командованием Лукулла, срок службы которых уже истекал. Сопротивляющимся этому постановлению закон грозил конфискацией их имущества. Эти постановления, по словам Аппиана[1], немедленно были распубликованы во всей Азии.

Таким образом, Лукулл, дискредитированный еще до этого в своей армии вследствие военных неудач и поражений 68 и 67 гг., после упомянутого постановления окончательно потерял всякий кредит и авторитет. Очутившись в таком исключительно тяжелом положении, он прекрасно видел, что ему ничего не остается другого, как уступить командование консулу Глабриону, успевшему к этому времени прибыть в Малую Азию. Он попросил этого последнего принять от него, согласно решению народа, верховное командование армией. Однако, Глабрион отказался, также как и Марций Рекс, исполнить его просьбу и не принял на себя эту ответственную должность, ставшую чрезвычайно трудной и опасной.

Предоставленный, таким образом, собственной судьбе и опасаясь быть окруженным Митридатом и Тиграном у Талавры, Лукулл дал приказание войскам выступить против Тиграна, надеясь, что ему удастся застигнуть врасплох его усталые войска, спешившие на помощь Митридату и уже находившиеся около реки Евфрата. Римские легионы вначале, казалось, исполняли его приказание; однако, выйдя

---

[1] *App.*, Mithrid., 90; ср. *Sallust*, V, frg. 14 *(Kritz)*.

из Малой Армении и дойдя до большой дороги, ведшей с одной стороны к реке Евфрату, а с другой стороны—в Галатию, легионы отказались итти против армян и предпочли повернуть обратно на запад. Подавляющее большинство легионеров, срок службы которых уже истек, заявили, что они, согласно закону, освобождены от службы и что Лукулл уже не вправе командовать ими.

Удрученному и отчаявшемуся Лукуллу оставалось лишь одно средство воздействия. Он, по словам Плутарха,[1] обходил палатки легионеров, обращаясь к каждому из них в отдельности. Он проливал пред ними слезы, умолял их, даже целовал им руки. Но все было напрасно. Войско осталось непоколебимым и решительно отказалось выступить против Тиграна и армян. После того Лукулл был вынужден отступить в Галатию. Солдаты, имевшие право на отпуск, согласились, однако, остаться в армии до конца лета, предупредив, что они сочтут себя свободными и разойдутся, если в течение этого времени неприятель не появится и не даст сражения. Довольный и тем, что отпускники согласились остаться хотя бы временно в армии, Лукулл, в силу необходимости, принял это условие и его войско, согласно этому условию, все лето 67 года оставалось без дела в восточных районах Галатии, преимущественно в области трокмийцев[2].

В том же 67 г., в то время как Лукулл, сделавшись посмешищем римской армии, был простой игрушкой в руках воинов, Митридат не только успел вновь завоевать все свое царство, но уже его конница производила набеги на восточные области Вифинии. Тигран же, переправившись через Евфрат, вторгся в Каппадокию[3], которую он начал

---

[1] *Plut.*, Lucull., 35.

[2] То обстоятельство, что римское войско вернулось в целости в Малую Азию, Моммзен считает чудом в военном деле, далеко превосходящим даже отступление Ксенофонта (Римская история, III, стр. 64). Эта оценка Моммзена представляет очевидное преувеличение, так как Лукулл совершил свое отступление в Малую Азию, главным образом, через дружественные и союзные страны—Софену и Каппадокию.

[3] *Plut.*, Lucull., 35. Нападение на Каппадокию Аппиан (Mith., 91) приписывает Митридату Понтийскому.

покорять и опустошать вместе со своим зятем, царем Атропатены—Митридатом. Он вновь преследовал и изгнал из Каппадокии царя Ариобарзана, не получившего никакой помощи ни от Лукулла, ни от его заместителя—Глабриона, ни от нового наместника Киликии[1].

Летом 67 г. к Лукуллу прибыли уполномоченные римского сената, которые, по его просьбе, были посланы в Понт, чтобы привести в порядок, согласно установленным законом требованиям, дела завоеванной страны.

Однако, при создавшихся к тому времени условиях, прибытие этих уполномоченных было лишено всякого смысла. Летом 67 г. римляне в Понте не имели ни одной пяди земли и страну эту нужно было вновь завоевать силою оружия.

К концу лета 67 г. из армии Лукулла стали уходить группами воины, отслужившие свой срок службы. Не захотели остаться у него в армии и многие из молодых воинов, предпочитавшие продолжать военную службу у консула Глабриона, который, как мы видели, был послан в Малую Азию в качестве преемника Лукулла. По словам Аппиана[2], у великого римского полководца, завоевателя Понта, осталось лишь незначительное число совершенно бедных воинов, не располагавших средствами на дорогу.

Так бесславно окончились понтийская и армянская войны Лукулла, которые блестяще были начаты им семь лет тому назад.

„После семилетней яростной войны,—говорит Рейнак[3],—дела Лукулла явно повернулись к своему исходному положению. Его грандиозные победы рассеялись, как сон. Римские орлы вернулись вновь с берегов Евфрата к Тавру и отсюда к Галису с такою же поспешностью, с какою они до этого шли вперед.

Каппадокия уже была потеряна, Вифиния была расчленена и Провинция Азия находилась под угрозой".

---

1 *Cass. Dio,* XXXVI, 17, 1; *Cic.*, De imperio Pompeii, V, 12.
2 App., Mithrid., 90.
3 *Reinach,* Mithridate Eupator, стр. 378.

О том, насколько трудно было положение, создавшееся в Малой Азии к концу 67 г., подробно рассказывает Цицерон в своей речи „За Манилиев закон" („De imperio Pompeii").[1] В этой своей речи Цицерон отмечает, что в Вифинии были подожжены и уничтожены пожаром многочисленные селения; что вся римская Азия с тревогой ждала вторжения двух могущественных царей, заклятых врагов римлян, и опустошения римских областей. Опасность, по его словам, угрожала капиталам римских финансистов, вложенным ими в дело сбора государственных податей. Акционеры и агенты откупных товариществ впали в уныние, так как они боялись, что в результате набегов неприятельской конницы они могут лишиться своих годовых доходов. Арендаторы боялись даже своих рабов, которых они держали на пастбищах и полях, в гаванях и на сторожевых пунктах.

Положение римской республики в 67 г. стало тяжелым и бедственным не только в римской Азии, но и на море и в самой Италии. Чрезвычайно усилились в это время пираты, открыто хозяйничавшие на Эгейском и Средиземном морях. Они производили нападения не только на отдельные корабли, но и на целые военно-морские соединения; они беспрерывно грабили приморские области и уводили в плен даже наиболее видных римских должностных лиц и военных. Морское сообщение сделалось чрезвычайно опасным. Поднялись цены на хлеб в Италии и, в особенности, в Риме, получавшем хлеб из чужеземных стран. Наступал страшный голод.

Рим почувствовал, что обычных магистратур недостаточно, чтобы вывести страну из критического положения; что для этого необходимы люди, облеченные чрезвычайной властью и диктаторскими полномочиями.

В 67-м же году, как раз во время отступления Лукулла, народный трибун Габиний провел в Риме предложение о предоставлении чрезвычайных диктаторских полномочий Помпею с поручением ему уничтожить пиратов и восстановить безопасность морских путей сообщений. Помпею, дей-

[1] *Cic.*, De imperio Pompeii, II, 4—5; V, 12; VI, 16.

ствительно, удалось захватить укрепления пиратов и он, разгромив их силы, заставил их сдаться.

В начале 66-го г., по предложению народного трибуна Манилия, Помпею же была передана чрезвычайная власть (imperium majus) на продолжение восточной войны. Согласно этому постановлению, с Востока были отозваны Марций Рекс и Маний Ацилий Глабрион и обязанности их были возложены на Помпея. Помимо прежних полномочий, предоставленных ему законом Габиния, Помпей, этот давнишний противник Лукулла, получил, таким образом, и верховное командование армией в предстоящей войне с Мидридатом и Тиграном, а также неограниченное право объявлять войну и заключать мир от имени римского народа.

В 66 г. на Востоке возобновились военные действия под начальством Помпея.

16. ПОХОД ПОМПЕЯ ПРОТИВ ПОНТА И ПОРАЖЕНИЕ МИТРИДАТА

В то время как римский сенат принимал вышеупомянутое предложение трибуна Манилия, сам Помпей находился в Киликии. Получив извещение о полном осуществлении своей заветной мечты и о поручении ему ведения понтийской и армянской войн, он немедленно стал готовиться к войне.[1] Он приказал союзным и подручным азиатским династам и городам доставить ему вспомогательные войска. Ему удалось собрать под свои знамена даже отпускных ветеранов, отказавшихся от дальнейшей службы в армии Лукулла В самый короткий срок он сконцентрировал в Киликии более чем пятидесятитысячную новую армию, не считая вышеупомянутых трех легионов Марция Рекса, а также и азиатских вспомогательных войск.

В начале 66 г., прежде чем начать свой поход, Помпей со свойственной ему осторожностью принял все необходимые меры и для дипломатической подготовки предстоящего военного похода. Под видом ведения дружественных переговоров, а, в действительности, с разведывательными и шпионскими целями, он, по словам Кассия Диона,[2] отправил к Митридату в качестве посла эмигранта Митрофана. Одновременно он отправил и другое посольство в Ктесифон для переговоров с Фраатом III о заключении союза против понтийского и армянского царей. Союза этого Помпей, как рассказывает Дион[3], добился на тех условиях, которые в 68 г. были предложены парфянскому царю Тиграном и Митридатом. Помпей обещал Фраату всю Месопота-

---

[1] *Cass., Dio,* XXXVI, 45, 1—2.

[2] Там же, XXXVI, 45, 2.

[3] *Cass. Dio,* XXXVI, 45, 3.

мию до Евфрата, т. е. все страны, захваченные у него Тиграном на юге. Одновременно Фраату было предложено, чтобы он, в качестве союзника, напал на Армению с юго-востока.

К заключению предложенного Помпеем союзного договора склонил Фраата, согласно новейшим исследованиям[1], сын Тиграна II—Тигран Юный, восставший в начале 66 г. против отца и бежавший в Ктезифон. Это господствующее и общепринятое мнение я считаю не только спорным, но и невероятным. В соответствующем свидетельстве Диона мы имеем прямое указание на то, что договор с Помпеем был заключен еще до появления в Ктезифоне Тиграна Юного, который лишь уговаривал Фраата, чтобы он помог ему предпринять поход против Армении.

> „Тигран же, сын Тиграна,—пишет Кассий Дион,—взяв с собою некоторых из магнатов, которым была неприятна власть старика, бежал к Фраату. И когда последний подумывал о том, что предпринять по договору, заключенному с Помпеем, Тигран Юный убедил его итти войною на Армению“[2].

Политические события в начале 66 г. складывались, таким образом, не в пользу союзных царей. В частности, Митридат, против которого вскоре должен был начать свой поход Помпей, не мог более рассчитывать ни на парфян, ни, тем более, на Тиграна, в стране которого к тому времени возникли внутренние смуты и восстания.

Заговоры против Тиграна II в Армении, по словам Аппиана и Валерия Максима, устраивались не раз. Рассказы об этих заговорах у названных историков сопровождаются такими романтическими подробностями[3], которые подрывают доверие к их достоверности; и потому сообщения их в этой части, если и могут быть приемлемы, то лишь со значительными оговорками. Из сообщений этих авторов видно, что при дворе Тиграна, женатого на дочери Митридата—Клеопатре, стали обычными дворцовые интриги и кровавые

---

[1] *Reinach*, Mithridate Eupator, стр., 382; *Моммзен*, Римская история, III, стр. 104; *Халатьянц*, Очерк истории Армении, стр. 208, и др.

[2] *Cass. Dio*, XXXVI, 51, 2.

[3] *App.*, Mithrid., 104, *Val. Max.*, 9, 11.

преступления, которые, как известно, были еще в большей мере присущи также понтийскому, селевкидскому и другим восточным дворам.

От Клеопатры Тигран имел, как сообщает Аппиан[1], трех сыновей, каждый из которых домогался царской власти еще при жизни отца. Старший сын, Зариадр[2], составил против отца заговор вместе с армянскими князьями, недовольными Тиграном, с целью низложения его с престола. Заговорщики, как рассказывает Валерий Максим[3], принося клятву взаимной верности, для подкрепления ее, согласно местному обычаю, пускали себе кровь из правой руки и сосали ее друг у друга. Заговор этот, однако, не имел успеха. Зариадр вместе со своими сообщниками потерпел поражение и все они были убиты. Средний сын Тиграна от Клеопатры, имя которого не сохранилось в источниках, также захотел занять престол отца, пользуясь для этого другим случаем. Старик Тигран был на охоте вместе с этим средним сыном и Тиграном Юным. Во время охоты старик упал с лошади и лишился чувств. Средний сын, оставив отца в таком тяжелом положении, снял с него царскую тиару и возложил ее на себя. Напротив, младший сын остался при отце, ухаживал за ним и оказал ему помощь. Придя в сознание, старик приказал предать смерти среднего сына, корону же и престол он обещал дать младшему. Однако, как мы видели, когда царь Тигран находился в Каппадокии, против отца восстал также и этот младший сын.

Получив в начале 66 г. весть об этом восстании младшего сына, Тигран был вынужден прекратить свой победоносный поход в Каппадокии и вернуться в Армению. Восставший сын, потерпев поражение в войне с отцом, бежал вместе со своими сообщниками, мятежными армянскими магнатами, в Ктезифон и женился там на дочери парфянского царя Фраата III[4].

---

[1] *App.*, Mithrid., 104.

[2] У Валерия Максима (9, 11) он назван Sariaster. Имя это соответствует армянскому имени Зарэ (=Zariadris).

[3] *Val. Max.*, 9, 11, 3.

[4] *App.*, Mithrid., 104; *Cass. Dio*, XXXVI, 51, 1; ср. также *Gutschmid*, Geschichte Irans, стр. 83.

Восстание Тиграна Юного накануне похода Помпея не только чрезвычайно ослабило силы и обороноспособность союзных царей, но и явилось причиной ухудшения их дружественных отношений. Старик Тигран, как рассказывает Кассий Дион[1], подозревал, что сына Тиграна возбуждал против него и подстрекал к восстанию сам его тесть Митридат. Подозрения эти, действительно, не были лишены основания. Царь Тигран, будучи союзником Митридата, вел, как мы видели, свою самостоятельную политику, и Митридату, конечно, было выгоднее видеть на армянском престоле своего молодого внука, которого он мог сделать игрушкой и слепым орудием в своих руках.

Весною 66 г. Помпей, оставив для защиты Киликии и Каппадокии три легиона Марция Рекса, сам со своими войсками направился в Галатию, чтобы заменить в должности Лукулла и принять от него верховное командование армией. Свидание обоих полководцев, как сообщает Страбон[2], состоялось в замке Данале, находившемся в стране трокмийцев. Несмотря на старания общих друзей примирить Лукулла с Помпеем, свидание последних, в действительности, окончилось взаимной бранью и оскорблениями. Помпей объявил недействительными все распоряжения Лукулла, сделанные им после его прибытия, и отнял у него почти все войско, оставив ему лишь 1600 солдат для сопровождения его в Италию. Вернувшись в Рим, Лукулл, как известно, перестал играть какую бы то ни было политическую роль и вел здесь бездеятельную и расточительную жизнь, приобрев известность выпивками и кутежами, так называемыми пышными „Лукулловыми пирами", на которые он тратил средства из своих несметных богатств, ограбленных и вывезенных им из Понта и Армении.

Из Трокмийской страны, граничившей с царством Митридата, Помпей со всей своей армией, состоявшей более чем из пятидесяти тысяч бойцов, одних только римлян[3],

---

[1] *Cass. Dio*, XXXVI, 50, 1.

[2] *Strabo*, XII, 5, 2 (567).

[3] Армию Помпея, не считая вспомогательных войск союзников, Моммзен определяет в 40 или 50 тысяч человек (Римская история, III, стр.

вторгся в Понт; флоту же, в составе около 270 единиц, он приказал нести патрульную службу в приморских районах и оказать поддержку сухопутным войскам в их наступлении. Против этих крупных военных сил Помпея Митридат, страна которого была опустошена и истощена во время нашествия Лукулла, мог собрать и выставить всего около 30 тыс. пехоты и 2—3 тыс. конницы[1]. Рассчитывать на помощь Армении он не мог, так как Фраат III и Тигран Юный начали уже войну против старика Тиграна.

Предоставленный самому себе и считая исход войны численным превосходством противника почти предрешенным, Митридат решил, не вступая в войну, начать переговоры с Помпеем о мире и отправил к нему своих послов. Соглашение, однако, не состоялось ввиду чрезвычайно тяжелых условий, выдвинутых Помпеем. Последний требовал, чтобы Митридат выдал находившихся среди понтийских войск римских эмигрантов и чтобы сам также сдался ему без каких-либо условий[2].

Весною 66 г. возобновилась война с Митридатом в Понте. Как и в 68—67 гг., Митридат и на этот раз вел горную малую войну, с таким успехом применявшуюся им против Лукулла. Он все время отступал, совершал внезапные нападения, расстраивал силы врага и, разоряя собственную страну, старался затруднить продовольствование римской армии[3].

Устав от этих бесконечных и бесплодных походных движений, Помпей был вынужден отказаться от преследования противника и вторгся в Малую Армению, где почти не было понтийских войск, но где имелись для его армии

---

104). Рейнак основную римскую армию предполагает в 60 тысяч человек (Mithridate Eupator, стр 382). Цифра в 30 тысяч человек, показанная у Ферреро, представляет очевидную ошибку, так как она не оправдывается его ссылкой на Диона (Величие и падение Рима, I, 212).

[1] *App.*, Mithrid., 97; *Plut.*, Pomp., 32. Незначительное число конницы Митридата, указываемое в источниках, по моему, может считаться спорным, ибо в боях 67 г. у него, как мы видели, конница состояла из 8 тыс. всадников.

[2] *App.*, Mithrid., 98; *Cass. Dio*, XXXVI, 45, 3—4.

[3] *Cass. Dio*, XXXVI, 47, 1; ср. также *App.*, Mithrid., 97.

богатые продовольственные запасы. Однако, и Митридат, как рассказывает Кассий Дион[1], спешно последовал за ним в Малую Армению, укрепился на высокой, недоступной горе и пытался также и здесь приостановить подвоз съестных припасов для римского войска. Понтийские летучие конные отряды, беспрерывно спускавшиеся в открытую равнину, тревожили римлян своими постоянными нападениями и возвращались к себе в лагерь, уводя с собою перешедших на их сторону перебежчиков. Вскоре положение Помпея ухудшилось и здесь вследствие недостатка продовольствия. Но, к его счастью, Митридат сам был вынужден покинуть занятые им удобные позиции из-за недостатка воды, запасы которой вскоре иссякли в этой безводной местности. После ухода Митридата с этой горы, на скатах последней обнаружились, по словам Плутарха[2], богатые водные источники, которыми стали пользоваться войска Помпея.

Помпей преследовал по пятам Митридата, отступавшего по лесистым оврагам и ущельям Малой Армении, в которых последний не мог использовать свою конницу. Во время преследования врага отдельные отряды пехоты и кавалерии Помпея, устраивая засады, причиняли большие потери коннице Митридата[3]. После этого частичного поражения Митрадат, опасаясь новых нападений Помпея, занял, как сообщает Страбон[4], „многоводную гору Анголисены возле Дастейры“[5] и, укрепившись в этом новом месте, возобновил тактику набегов с целью парализовать дело снабжения римского войска продовольствием.

Однако, Помпей на этот раз вызвал из Киликии оставленные там три римских легиона и, увеличив численность своей армии, блокировал здесь лагерь Митридата цепью своих сторожевых постов на расстоянии около двадцати восьми километров и стал теперь, со своей стороны, затруд-

---

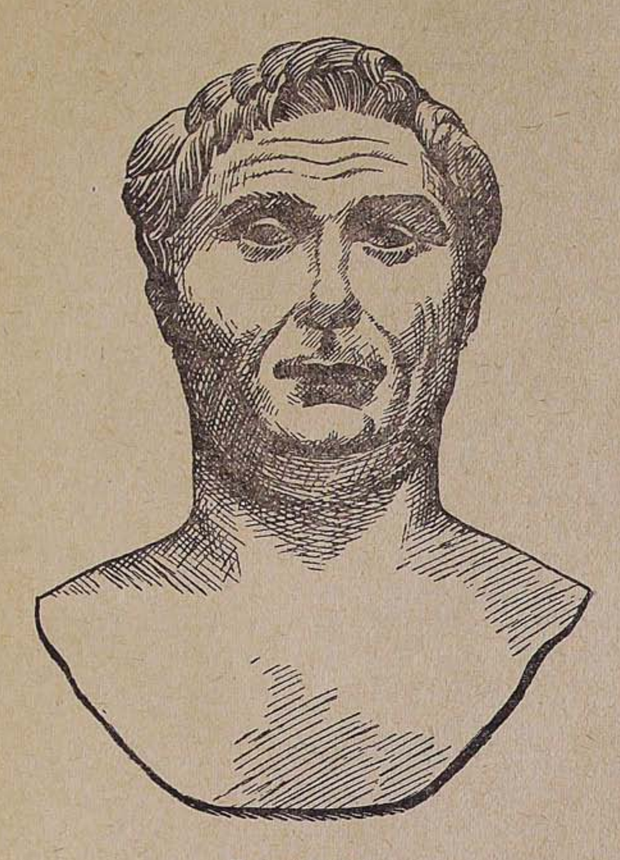
[1] *Cass. Dio,* XXXVI, 47, 2 и сл.

[2] *Plut.,* Pomp., 32, 2.

[3] *Front.,* II, 5, 33; *Cass. Dio,* XXXVI, 47, 4.

[4] *Strabo,* XII, 3, 28 (555).

[5] Гора эта у Оросия названа „Dastracus mons“ (см. VI, 4, 3).

ПОМПЕЙ

нять доставку продовольствия войску Митридата.[1] Римская же армия беспрепятственно получала необходимые ей продовольственные запасы из района Акилисены, занятого одною из частей римской армии Помпея на левом берегу Евфрата.

Понтийское войско, которое было окружено осаждающей армией Помпея, очутилось в весьма тяжелом положении и, обреченное на голод, было вынуждено даже закалывать коней. Ему уже нельзя было оставаться около Дастейры. Поэтому, по истечении 45 дней, Митридат, по словам Плутарха,[2] приказал умертвить слабых и раненых воинов понтийской армии и глубокой ночью, тихо и бесшумно, вышел незаметно вместе со своим войском через цепь спавших сторожевых постов и спас свою армию от голодной смерти. Утром следующего дня Помпей пустился за ним в погоню, настиг его на третий день и вновь окружил его в тесном ущелье. Митридат уже не мог здесь уклониться от боя. Последнее и решительное сражение с Митридатом произошло в районе к югу от реки Лика, на расстоянии около десяти километров от Эндереса, недалеко от теперешнего Пюрка, на том месте, где был основан позднее город Никополь.

Римские легионы, зайдя в тыл неприятеля и заняв окрестные высоты, неожиданно, в ночной тишине, подняли страшный боевой крик и шум и осыпали неприятеля градом камней, стрел и копий. Римляне затем спустились с высот и уничтожили почти всю понтийскую армию, объятую ужасом и паникой.[3]

Митридату и на этот раз удалось уйти с поля битвы. В сопровождении незначительных остатков войска и своей любовницы Гипсикратии, всегда следовавшей за ним и сражавшейся бок о бок с ним в мужском платье, он бежал в

[1] *App.*, Mithrid., 94; *Plut.*, Pomp., 32, 3.

[2] *Plut.*, Pomp., 32, 3; *Front.*, I, 1, 7.

[3] Описание сражения дается разно у разных авторов. Ср. *App.*, Mithrid., 99 и 100; *Cass. Dio*, XXXVI, 48, 3—5, 6 и 49, 1—8; *Plut.*, Pomp., 32, 3—5.

пределы Армении, в крепость Синорию, надеясь и на этот раз найти убежище и помощь у старика Тиграна[1].

Местоположение вышеупомянутой Дастейры, равно как путь отступления Митридата из Дастейры в Синорию, в исторических трудах разъяснены неправильно и крайне путанно. Путаница объясняется тем, что и сами первоисточники несогласны между собою и сообщают, большею частью, недостоверные и неточные топографические сведения. Этот темный вопрос, как мне кажется, с достаточной определенностью выяснен в географическом моем исследовании „Главные пути древней Армении", посвященном подробному изучению Певтингеровой карты[2].

Принимая во внимание, что предлагаемые мною новые разъяснения имеют значение не только для исторической географии Малой и Внутренней Армении, но вместе с тем уточняют историю похода Помпея и устанавливают древние пути передвижения его войск, считаю нелишним остановиться и здесь на этом вопросе и рассмотреть относящиеся к нему первоисточники более обстоятельно, чем это было сделано в вышеупомянутом моем географическом труде.

Свидетельства первоисточников, относящиеся к этому вопросу, привожу в переводе полностью, подчеркивая в них места, содержащие сведения о Дастейре, Синории и Никополе.

1. Страбон, XII, 3, 28 (Лейпциг, 1915):

„Усилившись, Митридат Евпатор овладел также Колхидою и всеми странами, которые передал ему Антипатор, сын Сисида. Он так заботился об этих местностях, что соорудил в них 75 укреплений, в которые и поместил большую часть своих сокровищ. Наиболее значительные укрепления были: Гидара, Басгойдариза *и Синория; последняя находилась на границе с Великой Арменией, почему Феофан и назвал ее Синорией.* Вся горная область Париадра, изобилующая водой и лесами и отгороженная с разных сторон отвесными ущельями

[1] *Plut.*, Pomp., 32, 6—7; *Val. Max.*, IV, 6, 2; *App.*, Mithrid., 101.

[2] См. „Главные пути древней Армении", стр. 68—73.

и горными вершинами, имеет столь много удобств, что именно там построил Митридат большую часть укрепленных казнохранилищ. И в конце концов в эти далекие окраины Понтийского царства бежал и сам Митридат, преследуемый Помпеем. *Захватив многоводную гору Анголисены*[1] *возле Дастейры (вблизи же находился Евфрат, отделяющий Акилисену от Малой Армении*), он остался здесь некоторое время, пока был осажден; но затем он был вынужден бежать через горы в Колхиду и оттуда в Боспор. *Помпей же вблизи этого места основал в Малой Армении город Никополь*, который существует и теперь и прекрасно населен".

2. Плутарх, Помпей, гл. 32, 3:

Затем [Помпей], расположившись лагерем вокруг него [Митридата], оцепил его со всех сторон. Выдержав осаду в течение 45 дней, он [Митридат] вместе с наиболее сильной частью своего войска бежал незаметно для неприятеля; негодных же и больных своих солдат он приказал убить. Но Помпей *настиг его около Евфрата*, расположился лагерем возле него и, боясь, что он *переправится через Евфрат и убежит*, вывел в полночь против него свое вооруженное войско".

3. Там же, Помпей, гл. 32, 6—7:

„Они [Митридат с войском] *дошли, наконец, до крепости Синории*, битком набитой царскими деньгами и драгоценными предметами... Отсюда он [Митридат] двинулся в Армению к Тиграну; однако, когда последний отказался принять его и назначил за его голову награду в сто талантов, *он прошел мимо истоков Евфрата и бежал через Колхиду*".

4. Кассий Дион, кн. 36, гл. 48, 1—2:

„И так, когда все это благополучно окончилось, Митридат *на некоторое время занял Анаитскую область*

[1] В печатном издании Мейнеке чтение 'Ακιλισηνῆς вместо правильного чтения рукописей 'Αγγολισηνῆς является конъектурой Ксиландера; см. *Markwart*, Die Genealogie der Bagratiden, стр. 60.

Армении, посвященную некоей одноименной богине, и после того здесь примкнули к нему многие другие. Но когда к Помпею присоединились и войска Марция, Митридат испугался и не остался далее в этой области. Он тотчас же, ночью, незаметно ушел и затем, продвигаясь по ночам, *направился в Армению Тиграна*".

5. Там же, кн. 36, гл. 50, 3:

„[Помпей] *основал город на том месте, где он одержал победу*[1], и отдал его своим раненым и пожилым воинам. Вместе с последними здесь поселились и многие желавшие из соседних местностей. И они существуют и поныне и *называются никопольцами.*"

6. Аппиан, Mithrid., гл. 101.

„Митридат с одними только своими телохранителями пробился сквозь крутые горы и, спасаясь бегством, встретил по дороге некоторых из своих наемных всадников и около трехсот пехотинцев, которые и *проводили его до замка Синореги*".

7. Оросий, кн. VI, гл. 4, 3:

„*В Малой Армении, около горы Дастрака Помпей оцепил лагерь царя* [Митридата]".

В приведенных свидетельствах, как мы видим, упоминаются три главных географических пункта в Малой Армении, в которых происходили сражения или через которые отступал Митридат,— Дастейра, Никополь и Синория. В европейской историографии, изучавшей расположение этих трех пунктов, установлено с полной бесспорностью местоположение одного только Никополя. Последний, как было указано выше, находился около теперешнего Пюрка, где найдены надписи, в которых ясно упоминается имя города Никополя[2].

Однако, многие из европейских ученых, как Рейнак, Маркварт и другие, полагают, что Никополь был основан не на самом месте ночной битвы и решительной победы

---

[1] Ср. *App.*, Mithrid., 105.

[2] *См. Taylor J. G.,* Journal of a tour in Armenia, Kurdistan and Upper Mesopotamia. Journ. of Roy. Geogr. Soc., London, 1868, t. 38, стр. 302.

Помпея, как указывает на это само название города [Νικό-πολις = „Город победы“] и как это утверждают Кассий Дион и Аппиан (свид. 5, 6), а на месте Дастейры, как это указано в вышеприведенном свидетельстве Страбона[1] (свид. 1). В подтверждение этого предположения Маркварт ссылается на вышеприведенное сообщение Плутарха (свид. 2), в котором место ночной битвы указано близ реки Евфрата. Поэтому он и полагает, что решительное поражение Митридата имело место недалеко от Евфрата, в древней области Акилисене.

Против предположения Рейнака и Маркварта, которое на первый взгляд кажется вполне убедительным, следует, прежде всего, возразить, что вышеприведенное неопределенное и двусмысленное свидетельство Страбона не может вовсе служить основанием для какого-либо твердого вывода. Наоборот, в этом же своем свидетельстве и сам Страбон, как мы видели, Дастейру помещает возле „реки Евфрата, отделяющего Акилисену от Малой Армении“. Следует обратить внимание и на то, что этому показанию Страбона полностью соответствует не мнение Рейнака и Маркварта, а новое предположение Адонца, которое, к сожалению, не принято в соображение в новейших исследованиях.

Дастейра, упоминаемая у Страбона, как правильно полагает Адонц[2], соответствует нынешнему Досталу, расположенному между Камахом и Акном у правого берега Евфрата, а, следовательно, находится, как это указано в свидетельстве Страбона, на границе между Малой Арменией и Акилисеной и вблизи Евфрата. Необходимо иметь в виду, что в эпоху Митридата и Тиграна Акилисена, как совершенно правильно указывает Адонц, представляла обширную область, охватывавшую не только Акилисену древней Армении, но, вероятно, также Дараналию, Маналию, Аливн и Музур[3]. Подтверждением правильности и приемлемости

---

[1] *Reinach,* Mithridate Eupator, стр. 385, прим. 1; *Markwart,* Die Genealogie der Bagratiden, стр. 59—63.

[2] *Адонц,* Армения в эпоху Юстиниана, стр. 54.

[3] Там же, стр. 54—55.

предположения о тождестве Дастейры с Досталом могут служить, несомненно, также нижеприведенные наши указания о расстоянии Дастейры от Никополя.

Необходимо прежде всего отметить, что теперешний Достал упоминается также у Тейлора, как селение, находящееся на расстоянии 10—12 километров от Зимары, на пути, идущем от последней к нынешнему Пюрку (Никополю), подробно описанному в его труде „Дневник одного путешествия по Армении, Курдистану и Верхней Месопотамии[1]". Дорога эта, описанная Тейлором, явным образом совпадает с линией Таблиц Певтингера Никополь—Зимара, направление которой правильно определено как у Адонца, так и у Конрада Миллера в его пояснительной карте[2]. На Певтингеровой карте расстояние между Никополем и Зимарой показано всего 75 римских миль, или около 111 километров. Совершенно ясно поэтому, что расстояние от Пюрк—Никополя до теперешнего Достала могло быть равно приблизительно 100 километрам, а от Достала до Зимары—11 километрам.

Расстояния эти являются, несомненно, новым доказательством тождества Дастейры с Досталом. Совершенно очевидно, что Помпей, преследовавший Митридата, отступавшего форсированным маршем, мог догнать его и прибыть из Дастейры—Достала в Никополь—Пюрк как раз на третий день, как об этом свидетельствуют древние источники.

Следует поэтому признать правильными сообщения Кассия Диона и Аппиана, которые свидетельствуют, что Никополь был построен не в Дастейре, как предполагают Рейнак и Маркварт, а на месте победы Помпея и окончательного поражения Митридата, т. е. на месте нынешнего Пюрка, находившегося на расстоянии около 100 километров от Дастейры—Достала.

---

[1] *Taylor J. G.*, Journal of the Royal Geographical Society, vol. 38, London, 1868; см. также русский перевод этого же труда—*Астафьева*, „Материалы для географии Азиятской Турции", Тифлис, 1874, прилож. II к тому II „Известий Кавк. Отдел. Русск. Геогр. Общ.", стр. 25.

[2] *K. Miller*, Itineraria Romana, Stuttgart, 1916, стр. 679—680.

Местоположение упоминаемого в вышеприведенных свидетельствах также и третьего пункта—Синории рассмотрено и выяснено в том же историко-географическом моем труде „Главные пути древней Армении“[1].

Крепость Синория, как указывает Конрад Миллер, несомненно, соответствует станции Синара Таблиц Певтингера. Однако, местоположение ее как у К. Миллера, так и у Р. Киперта[2] указано неправильно. Синория, по мнению Миллера, находилась на месте нынешнего Сенгарича; по мнению же Киперта—около нынешней Аладжи. В действительности же она находилась, как подробно объяснено в вышеназванном моем труде, на расстоянии 15 римских миль, или около 22 километров от нынешнего Калдарича, соответствующего станции Chalchdiaris Таблиц Певтингера, и лежала на пути, идущем из Калдарича в Садаг, на расстоянии приблизительно 15 километров к северо-западу от Ашкалы, у реки Евфрата. О крепости Синории имеет особую ценность вышеприведенное важное свидетельство Страбона (см. выше, свид. 1), из которого видно, что она была значительным укреплением в царстве Митридата и находилась на границе между Понтом и Великой Арменией. Исходя из этого сообщения Страбона, можно, как видим, заключить, что во время Тиграна II юго-западная граница Армении доходила до горного массива нынешнего Коп-даг, на юговосточных склонах которого, около реки Евфрата, находилась крепость Синория, соответствующая станционному пункту—Синара Таблиц Певтингера.

Что наше заключение о местоположении Синории верно и бесспорно, подтверждается также новыми соображениями Маркварта, изложенными в его вышеупомянутом труде[3]. Теперь и им высказано новое предположение, что при Митридате и Тигране область Дерджан принадлежала, вероятно, Митридату, а после окончательного его поражения „Акилисена и Дерджан и, возможно, также и Каренития“ были

---

[1] Главные пути древней Армении", стр. 66—68.

[2] *K. Miller,* Itineraria Romana, стр. 676–677; *R. Kiepert,* Atlas von Kleinasien in 24 Blättern, 1902—1906.

[3] *Markwart,* Die Genealogie der Bagratiden, стр. 63.

присоединены к Армении. Предположение это в части, касающейся Каренитии, как мы видели, едва ли вероятно. Каренития, согласно нашему предположению, принадлежала Армении вплоть до Синории и горного массива Коп-даг.

Мы сочли необходимым остановиться подробно на вышеприведенных топографических вопросах, так как исторические труды в этой именно части больше всего нуждаются в основательном пересмотре и исправлении.

Таким образом, согласно вышеприведенным новым соображениям, путь отступления Митридата от Дастейры до Синории ясно определяется по древней линии Zimara—Nikopolis—Satala, описанной в Таблицах Певтингера, а также в Дорожнике Антонина и подробно рассмотренной и выясненной в историко-географических трудах моих и Адонца.[1]

Крепость Синория, куда с незначительными остатками своего войска бежал Митридат, был одним из крупнейших казнохранилищ последнего. Здесь, по словам Аппиана и Плутарха[2], хранились шесть тысяч талантов деньгами (около двадцати пяти миллионов золотых марок, или двенадцати с половиной миллионов золотых рублей), а также драгоценные вещи и одежды. Митридат роздал здесь своему войску деньги и подарки и отправил отсюда к Тиграну послов просить у него гостеприимства. Однако, старик Тигран, как было указано выше, подозревал,—и не без основания,—что именно сам Митридат и возбуждал сына против него и был главным подстрекателем и виновником вспыхнувшего против него восстания. Поэтому он не только отказал ему в гостеприимстве и помощи, но и арестовал его послов и выдал их Помпею. Мало того, он объявил через глашатаев, что назначает денежную награду в сто талантов (около 420 тыс. зол. немецких марок, или 210 тыс. зол. рублей) за голову Митридата.

Французские ученые Турнебиз и Морган, равно как и Моммзен, совершенно справедливо полагают[3], что мирные

---

[1] См. *Адонц*, „Армения в эпоху Юстиниана", стр. 75—80, и мою работу „Главные пути древней Армении", стр. 66—81.

[2] *App.*, Mithrid., 101; *Plut.*, Pomp., 32, 6.

[3] *Fr. Tournebize*, Histoire politique et religieuse de l'Arménie, стр. 774;

переговоры с Помпеем Тиграном были начаты уже во время бегства Митридата.

Повидимому, Митридат и сам не рассчитывал больше на гостеприимство зятя в Армении и поэтому, не ожидая ответа Тиграна, он вместе со своим небольшим войском двинулся из Синории дальше, в северном направлении. Он надеялся на то, что дойда до северного прибрежья Черного моря, ему удастся изгнать из своего бывшего Боспорского царства восставшего сына, успевшего заключить союз с римлянами.

Путь Митридата от Синории до Колхиды подробно описан у Аппиана[1]. Выйдя из Синории и двигаясь вверх по течению Евфрата, он дошел до истоков последнего. Митридат пробыл здесь три дня и привел в порядок свои войска, а затем он направился на север через местность Хотене[2] в Армении, где вооруженные луками и пращами хотенцы и иберы пытались преградать ему путь.

Однако, Митридат отбросил их и, двигаясь дальше вдоль реки Чороха и берегов Черного моря, дошел до Фазиса (теперешнего Поти), а отсюда до Диоскурии. Основываясь на данных источников, можно предположить, что путь Митридата пролегал через Ашкалу и мимо Эрзерума в направлении к Олти и далее через Артвин и Батуми к Сухуму.

Войну с Митридатом, после бегства последнего, Помпей счел оконченной и в том же 66 году он направился вместе со своими войсками в Армению.

J. de Morgan, Histoire du peuple arménien, Paris, 1919, стр. 78; *Моммзен*, Римская история, III, стр. 107.

[1] *App*., Mithrid., 101; ср. также *Plut.*, Pomp., 32, 7; Cass. Dio, XXXVI, 50, 2—3.

[2] Гюбшман полагает, что местность Хотене находилась между истоком Евфрата и рекою Апсаром (см. „Названия местностей древней Армении", Вена, 1907, стр. 19, прим. 1). По мнению Рейнака, Хотене соответствует упоминаемому у Страбона Хорзене (Mithridate Eupator, стр. 389, прим. 2).

17. ЗАКЛЮЧЕНИЕ МИРА МЕЖДУ ТИГРАНОМ И ПОМПЕЕМ

В то время как в Понте происходили вышеописанные события, Армения, в свою очередь, подверглась нападению. По просьбе своего зятя Тиграна Юного и, повидимому, по подстрекательству также и Помпея, парфянский царь Фраат III начал войну против Тиграна, который был его непримиримым соперником и врагом. В сопровождении восставшего сына царя Тиграна и мятежных армянских магнатов Фраат вторгся в Армению и, покорив ее юго-восточные области, дошел до столицы Арташата.

Застигнутый врасплох, старик Тигран,—рассказывает Кассий Дион[1],—был вынужден бежать в горные области своей страны. Однако, город Арташат, сохранив верность своему царю, оказал упорное сопротивление неприятелю. Как видно из свидетельства Страбона, Арташат благодаря своим укреплениям был почти неприступен.

> „Город этот,— пишет Страбон[2],— расположен в углублении, похожем на полуостров; кругом его, исключая перешейка, тянется перед рекой стена; перешеек его обведен рвом и насыпью".

Вследствие этой крепкой его позиции парфяне, которым недоставало опыта для осады укрепленных городов, не смогли его взять и осада города сильно затянулась.

По свидетельству Кассия Диона[3], когда парфянский царь увидел, что осада может сильно затянуться, он вернулся в свою страну, оставив часть своего войска сыну царя Тиграна. Однако, после того как он удалился, старик

---

[1] *Cass. Dio,* XXXVI, 51, 2.

[2] *Strabo,* XI, 14, 6 (перевод Мищенка).

[3] *Cass. Dio,* XXXVI, 51, 2.

Тигран, собрав вокруг себя военные силы, оставшиеся ему верными, напал на сына-изменника и восставших армянских князей, разбил и преследовал их силы и восстановил свою власть во всей стране. Тигран Юный был вынужден бежать из Армении и, решив отправиться к Митридату, направился в Понт, но, узнав дорогой, что дед его потерпел поражение и сам нуждается в помощи, изменил свой план и явился прямо к Помпею. Ценою новой измены он надеялся притти к соглашению с римлянами и получить престол и царство отца.

Встреча Тиграна Юного с Помпеем в лагере последнего, как видно из соответствующего свидетельства Плутарха[1], произошла на берегу Аракса. Это место их встречи можно предположить около теперешнего Кеприкея. Здесь именно, на пути, ведущем из Внутренней Армении в Арташат, находился на берегу реки Аракса, как указано в моем труде „Главные пути древней Армении"[2], станционный пункт Таблиц Певтингера Ad Confluentes, лежавший у слияния реки Мурца с Араксом.

Римский полководец, несомненно, должен был быть рад, что мятежный сын Тиграна, изменив своему отцу, искал покровительства и помощи римлян. Но Тигран Юный уже явно опоздал. Убедившись в невозможности для себя вести войну одновременно против парфян и сына, с одной стороны, и против римлян—с другой, старик Тигран, как было указано выше, начал еще перед этим мирные переговоры с Помпеем. Им еще до окончания переговоров были арестованы и выданы Помпею послы Митридата и даже была объявлена награда в сто талантов (более 200 тыс. золотых рублей) за голову тестя.

Вероятно, и Помпей сам был не против мира, но он, пользуясь возникшими в Армении внутренними раздорами, желал, естественно, продиктовать Тиграну условия мирного договора по личному усмотрению.

В этом, как ясно и определенно видно из соответ-

---

[1] *Plut.*, Pomp., 33, 1.

[2] „Главные пути древней Армении", стр. 60—62.

ствующего свидетельства Кассия Диона[1], Помпею в значительной мере помог Тигран Юный, который чинил препятствия и всячески затруднял начатые переговоры. Это противодействие сына явилось, по словам Диона, причиной неудачи старика Тиграна в его усилиях заключить мир на выгодных и умеренных условиях.

В надежде получить корону отца, Тигран Юный стал проводником римского войска, которое он повел прямым путем в Арташат. Путь этот устанавливается с полной определенностью вдоль магистрали Sinara—Bagauna—Artaxata Таблиц Певтингера, которая была выяснена и подробно описана в моем историко-географическом труде „Главные пути древней Армении". Римское войско из Садага шло через Калдарич в Кеприкей, затем прибыло в Алашкертскую равнину, а оттуда оно, продолжая путь вдоль южной стороны горной цепи Агри-даг, спустилось через Куджахский перевал в Айраратскую равнину. Основываясь на крайне ценном свидетельстве Кассия Диона[2], можно предположить, что Помпей так же, как и позднее Домиций Корбулон, перешел реку Аракс в Айраратской равнине через мелкое место около Варданакерта[3] и подошел к Арташату не с южной, а с северной стороны Аракса.

Когда Помпей приблизился со своей армией к Арташату, Тигран II, видя, что сопротивление бесцельно и бесполезно, решил притти к соглашению с Помпеем любою ценою и сам лично явился к последнему и добровольно сдался римлянам. Об этом свидании Тиграна с Помпеем источники дают довольно путанные сведения, которые в некоторых существенных пунктах в значительной мере противоречат друг другу. Аппиан, например, хотя и свидетельствует, в согласии с Дионом и Плутархом, что Тигран явился к Помпею сам добровольно, но он вместе с тем указывает и на то, что Тигран, как свидетельствуют некоторые, явился к Помпею по приглашению последнего. Мне

---

[1] *Cass. Dio,* XXXVI, 52, 1.

[2] Там же, XXXVI, 52, 1.

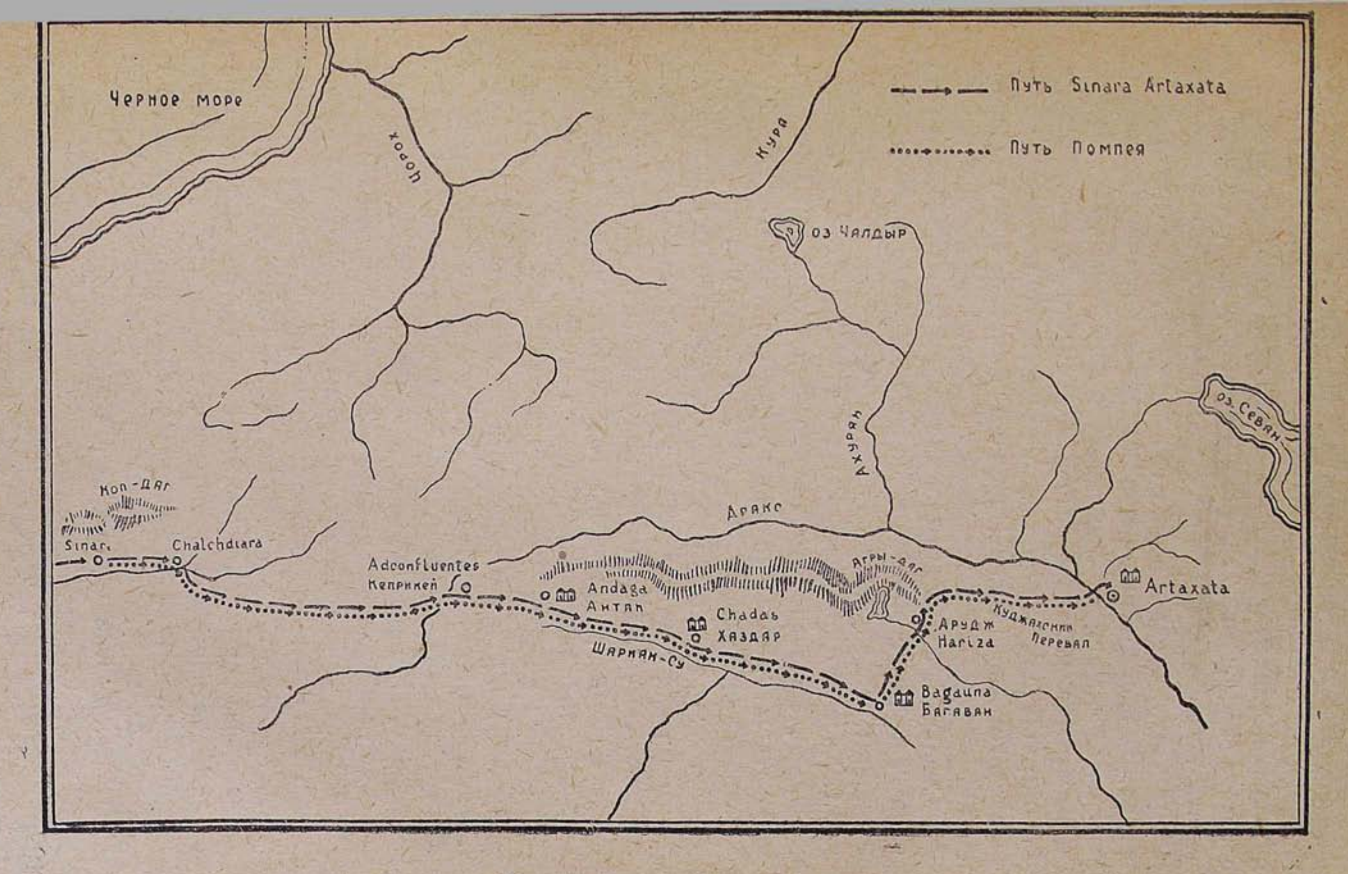
[3] См. мою работу „Главные пути древней Армении", стр. 45—46.

кажется, что это последнее сведение, которое упоминается у Аппиана лишь вскользь и которое не принято во внимание в новейших исторических трудах, может, повидимому, считаться правильным, так как и у Плутарха также мы находим указание на то, что Тигран, прежде чем отправиться к Помпею, впустил к себе в Арташат присланный им туда римский гарнизон. Поэтому мы имеем достаточное основание предположить, что Тигран, действительно, явился к Помпею не самовольно, а по специальному приглашению, вероятно, после предварительных переговоров и определенных заверений со стороны Помпея. Римские источники старались, повидимому, затушевать вероятный этот факт предварительного соглашения и, с целью возвеличения Помпея, считали нужным особенно подчеркнуть, что Тигран послушно и безоговорочно сдался на милость победителя.

Согласно сообщениям источников, старик Тигран, которому в то время было около 75 лет, прибыл к Помпею верхом, без пурпурной одежды, но с царской повязкой и диадемой на голове. Подъехав к въезду в римский лагерь, он хотел, по армянскому обычаю, въехать туда на коне. Однако, по требованию ликторов Помпея, он, по заведенному в римском лагере порядку, слез с коня, отдал им свой меч и вошел в лагерь пешком. Придя к Помпею, он, как передает Кассий Дион[1], снял диадему и хотел склониться и приветствовать его, но Помпей тотчас же встал с места, поднял его и усадил рядом с собой. После того, по словам Кассия Диона, Помпей стал утешать Тиграна и объявил ему, что он не только останется царем Армении, но и будет считаться другом и союзником римлян. Успокоив и ободрив старика, Помпей затем пригласил его к обеду. Сын Тиграна, присутствовавший при этой сцене и сидевший по другую сторону Помпея, который надеялся получить из рук Помпея престол Армении, видя, что он обманут, не явился на обед к Помпею, на который он был приглашен вместе с отцом.

---

[1] *Cass. Dio,* XXXVI, 52, 3.

Путь Помпея из Понта в Арташат.

Приведенное описание свидания Тиграна с Помпеем, которое, как было сказано, быть может, несколько прикрашено и тенденциозно, мы изложили, главным образом, согласно сообщению Кассия Диона. Следует, однако, отметить, что в соответствующих свидетельствах Кассия Диона, Плутарха и Аппиана имеются непримиримые разногласия, объясняемые, повидимому, тем, что они пользовались разными первоисточниками. Кассий Дион, по мнению Рейнака, мог пользоваться в этой части своей истории Ливием; Плутарх—трудом биографа Помпея, Теофана Митиленского; Аппиан же—Николаем Дамасским или Посидонием[1].

Сведения, сообщаемые в этих трех источниках о свидании Тиграна с Помпеем, считаю нелишним привести в подлинном переводе.

1. Кассий Дион, кн. 36, гл. 52,1—4:

„И когда Помпей перешел Аракс и подошел к Арташату, тогда только Тигран сдал ему город и сам добровольно явился к нему в лагерь. При этом он, сколько это было возможно, открыто выставлял напоказ как свое прежнее величие, так и теперешнюю покорность, чтобы оказаться достойным как уважения Помпея, так и его сочувствия. Он снял свой полубелый плащ и пурпурную верхнюю одежду, но оставил на голове диадему и головную повязку. Помпей выслал к нему навстречу одного из своих ликторов, который и велел ему слезть с коня, так как Тигран ехал в лагерь, как это принято у них, верхом. Когда Помпей увидел, как Тигран, войдя пешком, бросил в сторону диадему и собирался преклониться и так приветствовать его, сжалился, встал с места, поднял его, возложил ему на голову диадему и усадил его рядом с собой на диван. Помпей утешил его и сказал ему, между прочим, что он не только не потерял армянского царства, но и приобрел дружбу римлян. Так подружился Помпей с ним и пригласил

[1] *Reinach*, Mithridate Eupator, стр. 452.

его к себе на обед. Сын же, сидевший по другую сторону Помпея, не встал с места при виде отца и не оказал ему никакого знака почтения. Он также не пошел на обед, к которому был приглашен. И этим он вызвал к себе сильную ненависть Помпея".

2. Плутарх, Помпей, гл. 33, 1—4:

„А царь Тигран, разбитый недавно Лукуллом, узнав о мягком и кротком характере Помпея, впустил римский гарнизон в свою столицу и, в сопровождении своих друзей и родственников, пошел к Помпею, с целью сдаться ему. Когда он подъехал к лагерю, к нему подошли двое ликторов Помпея и велели ему слезть с коня и итти пешком,—ибо никогда еще не видано, чтобы в римский лагерь кто-либо въезжал верхом на коне. Тигран подчинился и снял с себя и отдал им свой меч. После того, когда он пришел к Помпею, он снял диадему и собирался положить ее к его ногам и, кроме того, хотел—что унизительнее всего—склониться пред ним на колени. Однако, Помпей предупредил это и, взяв его за правую руку, привлек к себе и усадил его рядом с собою, с другой же стороны посадил его сына... Но сын остался недоволен и, будучи приглашен к обеду, он отвечал, что не нуждается в подобном почете от Помпея и что найдет среди римлян другого".

3. Аппиан, Mithrid., гл. 104:

„Однако, справедливость и прямодушие Помпея пользовались у варваров широкой известностью. Полагаясь на эту его репутацию, Тигран-отец явился к нему без того, чтобы предварительно известить его через посланца. И Тигран, предоставив себя вполне справедливости Помпея, хотел обвинить перед ним сына своего. Когда же Помпей, желая оказать почести, приказал своим военным трибунам и начальникам конных отрядов выйти ему навстречу, люди сопровождавшие Тиграна, испугались во время пути и разбежались, ибо ехали к нему без предупреждения. Тигран же поехал дальше и, считая Помпея могуществен-

нее себя, приветствовал его, по обычаю варваров, преклоняясь. Другие говорят, что Тиграна, который заранее был приглашен Помпеем, провожали к последнему его ликторы".

Во время этой встречи Помпея с Тиграном между ними состоялось соглашение, положившее конец молодой армянской великодержавной империи. Согласно условиям этого соглашения[1], Тигран должен был отказаться от всех своих завоеваний, а именно: Сирии, Восточной Киликии, Финикии, Каппадокии, Кордуены и Софены, оставаясь царем лишь одной отечественной страны—Великой Армении. Младший же сын его, Тигран Юный, должен был получить Софену (и Кордуену—по Аппиану[2]), а после смерти отца наследовать его престол. Опираясь на одно неопределенное свидетельство Аппиана[3], некоторые из историков полагают, что Софену Тигран Юный получил еще до этого из рук своего отца[4].

Старик Тигран был вынужден не только отказаться от завоеванных им стран, но должен был также уплатить Помпею военную контрибуцию в 6000 талантов (=около 25 млн. немецких золотых марок, или около 12,5 млн. золотых рублей). Помимо этого, он согласился также выдать римскому войску в виде особого денежного подарка каждому солдату по 50 драхм, или денариев (около 35 золотых марок, или 17,5 зол. рублей), центурионам по 1000 драхм (350 зол. рублей) и военным трибунам по 1 таланту (2100 зол. рублей)[5].

---

[1] *Cass. Dio*, XXXVI, 53, 2; *Plut.*, Pomp., 33, 3—4; *App.*, Mithr, 104—105.

[2] *App.*, Mithrid., 105.

[3] Там же, Mithrid., 104.

[4] *См. Астурян*, Политические отношения между Арменией и Римом, стр 77.

[5] *Strabo*, XI, 14, 10 (530); *Plut.*, Pomp., 33, 3—4; *App.*, Mithtid., 104. Согласно свидетельству последнего, каждому из военных трибунов было выдано не по 6000 драхм, или по одному таланту, а по 10.000 драхм. Денарий, или драхма республиканского Рима, по вычислениям Гульча, был равен 0,70 зол. мар., или 35 зол. коп.; см. *Hultsch*, Griechische und römische Metrologie, Berlin, 1882, стр. 250—252, 297—299 и 711.

Приводим в дословном переводе свидетельства, касающиеся условий этого соглашения.

1. Кассий Дион, кн. 36, гл. 53, 2:

„На следующий день [Помпей], выслушав их жалобы, оставил старшему Тиграну целиком его отечественное царство; покоренные же им земли—как другие страны, так и части Каппадокии и Сирии, равно как Финикию и сопредельную с Арменией Софену, он отобрал у него и, кроме того, потребовал денег. Сыну же его он предоставил только Софену."

2. Плутарх, Помпей, гл. 33, 3—4:

„Он [Помпей] сказал, что вина за прошлые потери падает на Лукулла, так как он отнял у Тиграна Сирию, Финикию, Киликию, Галатию и Софену. Все же остальное, что до его прихода сохранил Тигран, будет оставлено ему, но что, в наказание за свою вину, он должен уплатить римлянам шесть тысяч талантов военной контрибуции. А сыну его предоставляется трон Софены. Тигран принял эти условия с удовлетворением и, когда римляне, приветствуя его, провозгласили его царем, он сильно обрадовался и обещал дать каждому солдату по полумине, каждому центуриону—по 10 мин., а военным трибунам—по таланту."

3. Аппиан, Mithr., гл. 104—105:

„Явившись к Помпею, он [Тигран] извинился перед ним за происшедшие события и выдал самому Помпею 6000 талантов; каждому из воинов—50 драхм; каждому из центурионов—1000 драхм; а каждому из военных трибунов—10000 драхм. Помпей простил ему происшедшие события, помирил его с сыном и решил, чтобы сын был царем Софены и Кордуены, составляющих ныне Малую Армению, а отец—царем остальной Армении и сын—ему преемником; а от всех владений, которые были им завоеваны, приказал отказаться. И Тигран отказался от Сирии—от Евфрата до моря. До этого же страна эта, как и часть Киликии, откуда он изгнал Антиоха по прозвищу „Благочестивого", принадлежала ему."

4. Страбон, XI, 14, 10 (530), перевод Мищенка:

„Важными признаками богатства и силы страны [Армении] служит то обстоятельство, что Тигран, отец Артавазда, когда Помпей наложил на него дань в 6000 талантов серебра, немедленно роздал эти деньги римским войскам, именно: каждому солдату по сто пятьдесят драхм, сотникам—по тысяче, а начальникам конных отрядов и тысячникам—по таланту."

Хотя в исторических трудах часто указывается, что обращение Помпея с Тиграном было необычайно мягким, однако, вышеприведенные мирные условия, как видим, были довольно тяжелыми. Следует отметить, что внешняя мягкость в обращении и чрезвычайная осторожность представляли основную отличительную черту Помпея в его как политической, так и военной деятельности. Будучи сторонником римских финансистов и ростовщиков, Помпей, как известно, и сам был одним из крупнейших ростовщиков Италии. Решать задачи римского империализма он предпочитал не силою оружия, подобно Лукуллу, который был отважным воином, а мирным путем и без риска. И, как мы видим, он сумел с большим успехом сломить силу сопротивления Армении и ограбить ее без кровопролития и жертв.

Условия мирного соглашения не могли, конечно, удовлетворить Тиграна Юного. В вознаграждение за измену он рассчитывал получить не Софену, переданную ему, повидимому, отцом еще до этого, до поднятого им вооруженного восстания, а армянское великое и могущественное царство. Не менее несправедливым и тяжелым для себя он считал также и то, что условленная огромная контрибуция должна была быть уплочена, главным образом, из казнохранилищ, находящихся в Софене, иными словами, из средств его же царства.

Кассий Дион подробно рассказывает о трудностях, с какими были вывезены денежные богатства из казнохранилищ Софены. Ниже мы приводим, без сокращений, его пространное сообщение, характерное и для порядка хранения царских сокровищ в Армении.

Кассий Дион, кн. 36, гл. 53, 3—5:

„И так как казнохранилища случайно находились в Софене, то поэтому молодой Тигран по поводу их возбудил спор. И потерпев неудачу (так как Помпей не мог из какого-либо другого места получить выговоренную сумму), он остался недоволен и задумал бежать. Но Помпей, узнав об этом, установил наблюдение за ним без того, чтобы арестовать его, и, отправив курьеров к хранителям сокровищ, приказал им выдать их Тиграну—отцу. И когда хранители не подчинились этому приказанию, говоря, что разрешение на выдачу сокровищ должен дать им молодой Тигран, которому принадлежит страна, Помпей отправил на место хранилищ самого Тиграна Юного. И когда последний увидел, что хранилища заперты, подошел к ним и, досадуя, приказал им открыть их. И когда хранители опять не послушались, возражая, что приказание это он дает не добровольно, а по принуждению, Помпей возмутился и приказал арестовать молодого Тиграна. И, таким образом, старик Тигран получил сокровища“.

Об аресте Тиграна Юного, о котором имеется указание в приведенном свидетельстве Диона, сведения древних источников разноречивы. Согласно сообщению Кассия Диона, причиной ареста были сопротивление и препятствия, которые он чинил Помпею при выдаче сокровищ. Аппиан намекает, что царевичем Тиграном был организован новый заговор против отца.[1] А Плутарх, соответствующее свидетельство которого было приведено выше, указывает, что он, будучи приглашен к обеду, отказался притти и этим обидел и оскорбил Помпея[2]. Все эти свидетельства как в целом, так и каждое в отдельности, мне кажется, в известной мере правдоподобны. Тигран Юный, недовольный и настроенный враждебно к Помпею, мог, действительно, вести себя грубо по отношению к Помпею, мог оказать сопротивление

[1] *App.*, Mithrid., 105.

[2] *Plut.*, Pomp., 33,4.

при выдаче сокровищ из казнохранилищ своего царства и мог быть, равным образом, организатором заговора против отца.

Арест Тиграна Юного, фактического союзника Помпея, представлял акт открытого насилия и нарушения международного права. Арест этот являлся, одновременно, враждебным и оскорбительным актом в отношении тестя арестованного—Парфянского царя Фраата III. Согласно свидетельству Плутарха[1]:

> „Парфянин Фраат отправил к нему [Помпею] посла, чтобы потребовать выдачи молодого Тиграна, который был его зятем, а также, чтобы обратить его внимание на то, что границей между их государствами должна служить река Евфрат. Помпей ответил ему, что Тигран—ближе к отцу, чем к тестю, границей же будет то, что будет признано справедливым“.

Вопреки протестам Фраата III, напоминавшего Помпею о договоре, заключенном им с римлянами, Тигран Юный вместе с женою и дочерью[2] вскоре был отправлен в Рим участвовать в триумфальном шествии по случаю побед Помпея.

Эта неожиданная перемена в отношениях Помпея к Парфянскому царству вполне соответствовала коварной и вероломной внешней политике Рима. Пока Понтийское и Армянское царства были врагами Рима и вели войны против республики, эта последняя выдавала себя за друга парфян. Римские полководцы—Сулла и Лукулл, равно как и Помпей, или вели с ними дружественные переговоры, или же заключали договоры, обещая им Месопотамию до Евфрата. Но теперь уже не существовало Понтийского царства, Тигран же был признан другом и союзником Рима, и поэтому республика, не желавшая иметь вокруг себя великие и могущественные государства, стала теперь покровителем царя Тиграна и изменила свое отношение к Фраату III. Парфия, как независимое и сильное государство, уже стала

---

[1] Там же, 33, 4.

[2] Там же, 45,4.

нетерпимой для Рима. Прежняя дружба этих государств вскоре, как увидим, превратилась в непримиримую вражду.

Нетрудно также догадаться,—почему Помпей не предоставил престола Армении Тиграну Юному. Совершенно понятно, что для римлян Тигран-отец, заклятый враг парфян, был более приемлем как союзник, чем Тигран Юный, зять и друг Фраата III.

Включив Армению в сферу римского влияния, Помпей, по словам Плутарха,[1] оставил здесь в качестве легата Афрания, сам же повел свои войска на север против Митридата Понтийского, укрепившегося вместе со своим небольшим войском в Колхиде. Однако, ввиду наступления зимы он был вынужден перезимовать вместе с войском около реки Куры, недалеко от древней военной магистрали, ведущей из Арташата в Колхиду.

Зимние стоянки римлян в 66, 65 гг., как указано подробно в моей статье, посвященной выяснению маршрутов Помпея в Закавказье[2], были расположены не между верхним течением Евфрата и истоками Куры, как полагает Моммзен[3], а в районе между нынешними городами Ахалцихом и Ахалкалаки. Мнение Моммзена основано, несомненно, на свидетельстве Диона, у которого место зимней стоянки римского войска указано в Анаитской области и около реки Куры[4]. Однако, эта Анаития, упомянутая у Диона, которую обычно считают тождественной с древнеармянской областью Екелесеной, на самом деле, как указано в вышеозначенной моей статье, находилась около станционного пункта Caspiae Таблиц Певтингера (теперешняя Хоспия) и близ реки. Куры.

Данные того же нашего исследования определяют в точности также путь продвижения римского войска от Арташата до места зимовки. Путь этот, обозначенный в Таблицах Певтингера и подробно выясненный в моем труде „Глав-

---

1 Там же, 34, 1.

2 „Круговой путь Помпея в Закавказье," Вестн. Древней Истории, 1939, № 4.

3 *Моммзен*, Римская история, III, Москва, 1887, стр. 108.

4 *Cass. Dio*, XXXVI. 53, 5.

ные пути древней Армении", шел по линии Арташат—Севастополь, мимо нынешнего Аштарака, Кондахсаза, Канлиджи и Хоспии по направлению к правому берегу Куры.

В районе зимовки Помпей, по словам Кассия Диона,[1] разделил свои войска на три части, расположив их на значительном расстоянии друг от друга. Командование одною из них Помпей оставил за собою, а двумя другими передал помощникам своим—Луцию Флакку и Метеллу Келеру. В лагере последнего и содержался под арестом Тигран Юный.

Подготовляя свой поход в Колхиду, где находился Митридат, Помпей вступил в переговоры с царем иберов Артоком и с царем албанов Оройзом, которые обещали остаться нейтральными и беспрепятственно пропустить через свои земли римские войска.[2] Однако, на самом деле, они по подстрекательству ли Митридата или с целью освободить Тиграна Юного, приготовились устроить римлянам засаду и напасть на них врасплох.

В средних числах декабря, в то время как войска Помпея безмятежно и спокойно справляли праздник Сатурналий, иберы и албаны перешли реку Куру и неожиданно напали на все три войсковые части римлян, надеясь нанести им удар и разбить каждую из них порознь. Нападение это, которое могло оказаться весьма опасным для армии Помпея, не имело успеха. Войска Артока и Оройза были отброшены с большими для них потерями, особенно тяжелыми при отступлении у переправы через Куру[3], которая, по всей вероятности, находилась около станции Ad Metcurium Таблиц Певтингера, недалеко от теперешнего Ахалциха.

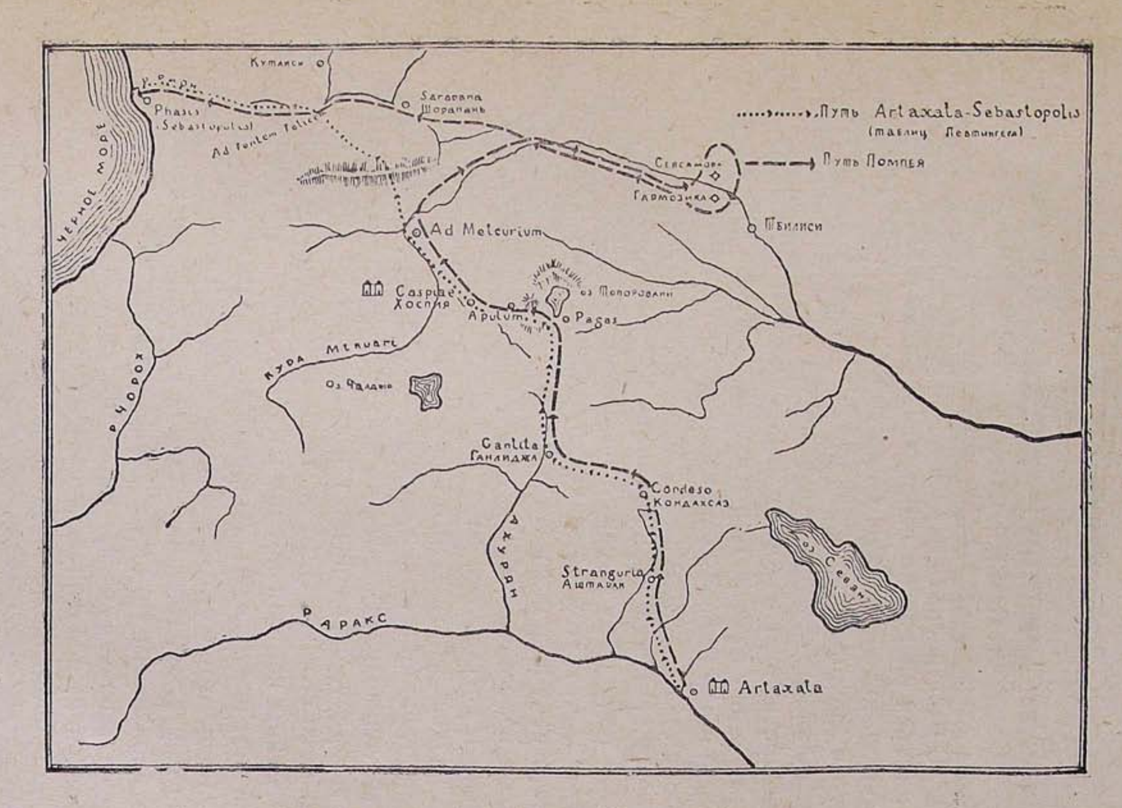
После успешного отражения этого неожиданного и опасного нападения, римляне, нетревожимые никем, оставались около реки Куры до весны 65 года.

---

[1] *Cass. Dio,* XXXVI, 54.

[2] *Plut.,* Pomp., 34,2.

[3] *App.,* Mithrid., 102—103; *Cass. Dio,* XXXVI, 54, 1—5; *Plut.,* Pomp., 34, 1—3.

Путь Помпея из Арташата в Иберию и Колхиду

18. АРМЕНИЯ И СОСЕДНИЕ СТРАНЫ ПОСЛЕ ПОХОДА ПОМПЕЯ

С наступлением весны 66 г. Помпей вместо того, чтобы двинуться вперед по направлению к Колхиде, решил предварительно обеспечить свой тыл со стороны Иберии, для чего и предпринял поход против последней. Спустившись по долине реки Куры и не встречая на пути сопротивления, римское войско подошло к укреплению Гармозике, лежавшему к югу от реки Куры и теперешнего Мцхета. Этот поход Помпея подробно описан в историческом труде Кассия Диона[1].

Иберийский царь Арток, как сообщает Дион, сжег мост через реку Куру и бежал на левый берег ее. Убедившись, однако, что Помпей, занявший Гармозику, готовится перейти реку и продолжать преследование, Арток немедленно начал переговоры о мире, отправил римлянам продовольствие и восстановил мост на реке.

Однако, после того как римское войско переправилось на противоположный берег Куры, Арток, испугавшись, бежал глубже внутрь страны, до самой реки Пелора. Перейдя и эту реку, он сжег мост и здесь. Как во время преследования со стороны Помпея, так и при переходе реки Пелора иберийцы понесли крупные потери. Видя, что римские войска не прекращают дальнейшего продвижения и у реки Пелора, Арток был вынужден послать Помпею подарки и, дав ему в качестве заложников своих сыновей, подчинился предложенным Помпеем мирным условиям.

Обеспечив себе, таким образом, тыл от возможных нападений, победоносная армия Помпея получила, наконец, возможность продолжать свой поход против Митридата Ев-

---

[1] *Cass. Dio,* XXXVII, 1, 3—5, 2, 1—6.

патора. Из области близ Гармозики, по долине реки Куры и через теперешние Сурам и Шорапань, она направилась в долину реки Риона и оттуда прибыла в Севастополь—Поти, где стоял римский флот. Помпей полагал, что Митридат, который был окружен со стороны моря, находится словно в ловушке. И он был немало удивлен, когда ему сообщили, что дичь успела уже выбраться из ловушки. Упорный старик вместе со своим немногочисленным отрядом прошел около 700 км. по почти непроходимым дорогам и уже находился в Крыму, где он вновь завоевал свое Боспорское царство.

Помпей счел опасным и нецелесообразным продолжать свое наступление и итти морским путем в Крым, где Митридат успел усилиться и восстановить свою власть. Из Колхиды он вернулся в Армению и отсюда направился в Албанию[1]. Он решил наказать и подчинить своей власти и албанского царя Оройза, напавшего, как мы видели, на римлян, повидимому, по подстрекательству Митридата.

Обратный путь Помпея из Колхиды в Армению, как и маршрут его похода против албанцев, остававшиеся до последнего времени невыясненными, можно теперь определить с полной достоверностью благодаря новейшим историко-географическим исследованиям. Путь его из Колхиды в нынешнюю Абаранскую область, как было указано выше, следует предположить, по военной магистрали Севастополь—Арташат Таблиц Певтингера, через нынешние Абастуман, Хоспию—Канлиджу. А дальнейший путь в Албанию шел, вероятно, по древней круговой дороге Арташат—Армастика — Лазо Таблиц Певтингера, исследованной в одном из трудов Маркварта[2].

Из теперешней Канлиджи римское войско продолжало путь, повидимому, через Кировакан, Делижан и Акстафу в область Камбизену, лежавшую к северу от Куры между нынешними реками Иора и Алазань.

Албанский поход Помпея подробно описан Кассием

---

[1] Там же, XXXVII, 3, 3—4.

[2] *Markwart* J., Das Itinerar von Artaxata nach Armastica auf der römischen Weltkarte, Wien, 1828.

Дионом и Плутархом[1]. Дойдя до нижнего течения реки Куры, римское войско, согласно их описанию, перешло вброд через ее русло, ставшее крайне мелководным вследствие летней жары. Перейдя Куру, оно вышло в теперешнюю Караязскую степь и двинулось по направлению к реке Иора, именуемой у Диона Камбизом (Камбедж). После перехода через эту реку римское войско продолжало путь по направлению к теперешней реке Алазань, называвшейся в древности, согласно свидетельствам Диона и Плутарха, Абас, или Абант. Вследствие жары весь этот путь римляне должны были пройти по ночам, претерпевая большие страдания из-за жажды. Они имели с собою около тысячи мехов воды; продовольствие же доставляли им добровольно жители области Камбизены.

Сражение с войсками албанского царя произошло на левом берегу реки Алазани, где римская армия впервые пришла в соприкосновение с неприятелем. По словам Плутарха, албанские войска, предводительствуемые братом царя Оройза, Козом, были вооружены плохо и большая часть их одета была в звериные шкуры. Еще до начала сражения Помпей дал приказ своей пехоте укрыться сзади конницы, и албанцы, полагая, что против себя имеют одну лишь римскую конницу, немедленно вступили с нею в бой. Вскоре римские легионы, выступив вперед вслед за конницей, разбили их на́ голову и обратили в бегство, рассеяв их по ближайшим лесам. Многие из бежавших нашли себе смерть в этих лесах, которые, по приказанию Помпея, были окружены и подожжены. После этого разгрома был заключен мир с Оройзом. Албанский царь, как и до него царь иберов Арток, подчинившись Помпею, признал номинально верховную власть Рима.

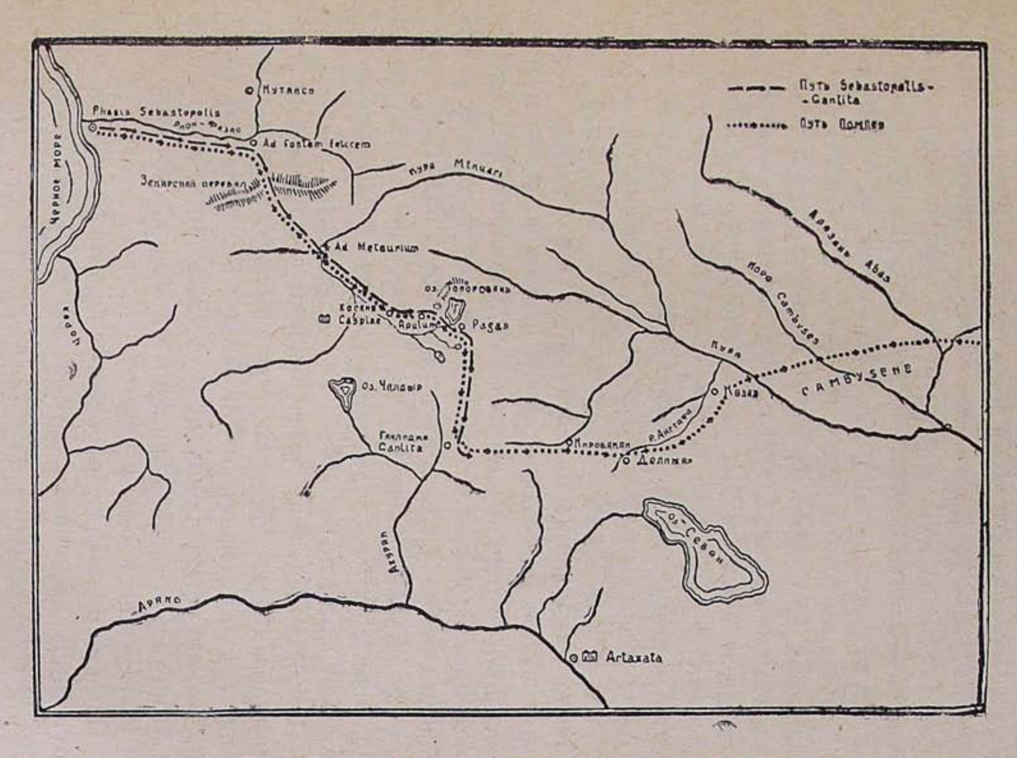
Из Албании римская армия, как сообщает Плутарх[2], вернулась в Армению и оттуда в Малую Армению.

Согласно свидетельству Кассия Диона, Помпей и в

---

[1] *Cass. Dio,* XXXVII, 3, 3—6; 4, 1—4, и 5, 1; *Plut.,* Pomp., 35, 1—2; *App.,* Mithrid., 103.

[2] *Plut.,* Pomp., 36, 1.

Путь Помпея из Колхиды через Армению в Албанию

65/64 г., как и в предыдущем 66/65 г., провел зиму в области Аспиде (ἐν τῇ Ἀσπίδι)[1]. Крайне любопытно, что в этом новом свидетельстве Диона та же область, именуемая в его другом свидетельстве Анаитией, названа вторично Аспией. Как подробно было указано в моей статье „Круговой путь Помпея в Закавказье"[2], эта область была названа Аспией, или, вернее, Каспией, вероятно, по имени станционного пункта Caspiae Таблиц Певтингера, который был центром района и находился близ нынешней Хоспии. Повидимому, Анаитской областью называлась не только Акилисена, но также и Каспия. Зимние квартиры армии Помпея в 65—64 гг. в трудах европейских историков, вопреки свидетельству Диона, указаны в Малой Армении, что представляет явную ошибку.

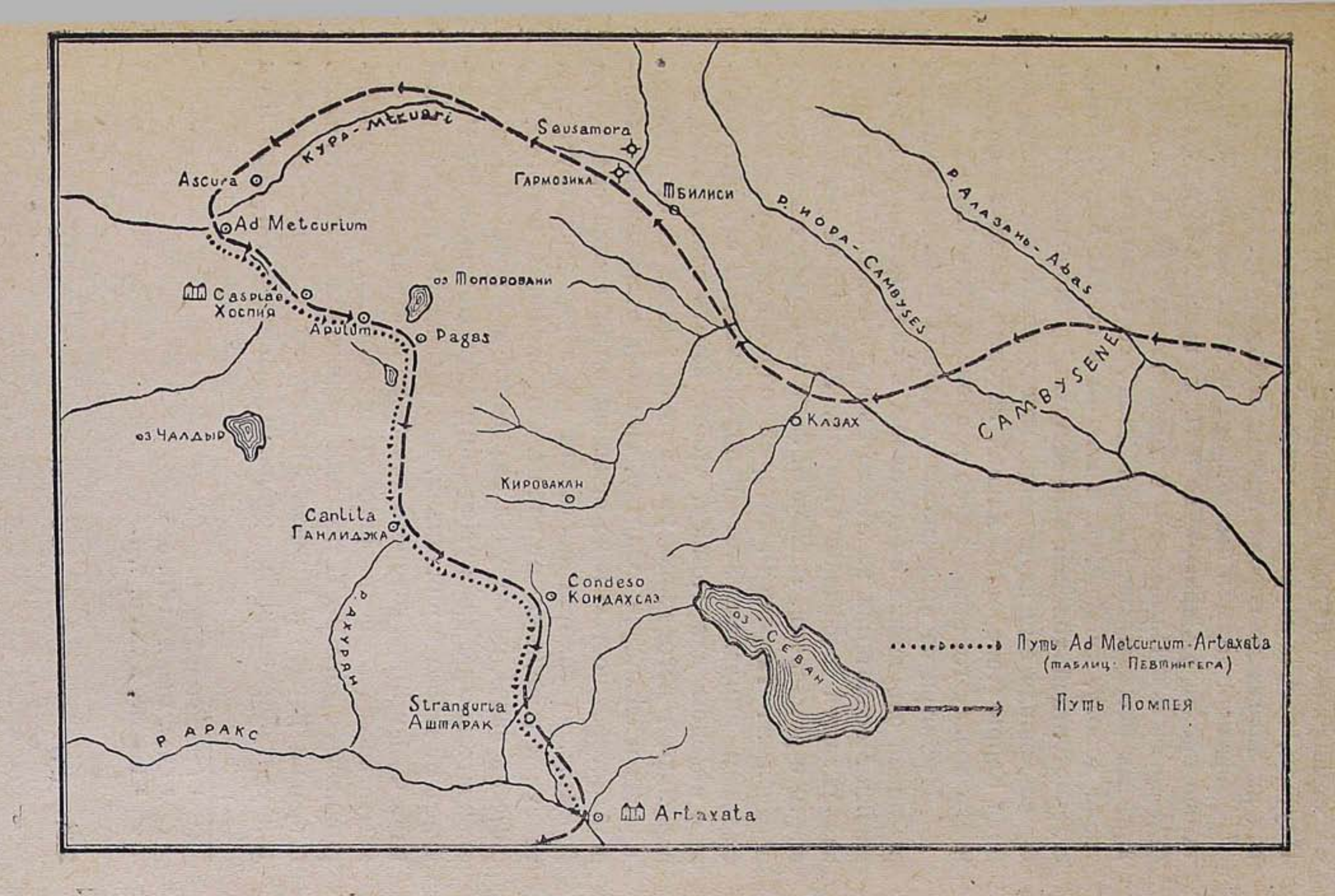
Возвратившись в 64 г. из Армении в Понт, войска Помпея осадили и завладели укрепленными богатыми казнохранилищами Митридата в Понте и, главным образом, в Малой Армении, равно как и захватили знаменитые архивы, находившиеся в Талавре, Новом Замке, Синории и в других местах. В укреплениях этих хранились тысячи позолоченных изнутри ониксовых чаш, огромное количество сосудов, лож, тронов, равно как вооружений и снаряжений, в большинстве покрытых позолотой или украшенных драгоценными камнями. Все эти богатства и все драгоценные предметы эллинистического искусства, не подвергшиеся ограблению во время походов Лукулла, были отправлены в Рим при Помпее.

Пока Помпей был занят войною с иберийцами и албанцами и захватом понтийских укреплений, парфяне заняли Месопотамию, которая, по договору с Помпеем, как мы видели, должна была принадлежать им вплоть до Евфрата. Они вторглись и в Кордуенскую страну, на которую заявляли притязания и они, и армяне.

Помпей, однако, потребовал от Фраата III очистить Кордуену, принадлежавшую, как он подтверждал, Тиграну II. Не дождавшись ответа Фраата III, он приказал одному из

[1] *Cass. Dio*, XXXVII, 7, 5.

[2] См. Вестник древней истории, 1939, № 4.

Путь Помпея из Албании в Понт

своих помощников, Афранию, занять Кордуену и передать ее армянскому царю. Полководец этот, как рассказывает Плутарх,[1] изгнал парфян из занятой ими страны и преследовал их вплоть до города Арбелы в Адиабене.

Афраний должен был отсюда через северную Месопотамию пройти в Сирию, куда в то же время, в 64 г., должен был прибыть и Помпей. Но в середине зимы 65/64 гг. Афраний, как рассказывает Кассий Дион[2], со своим войском потерял дорогу, заблудился и мог бы в степях Месопотамии стать жертвой холодов и недостатка продовольствия, если бы не пришли ему на помощь македонские поселенцы города Карры (теперешн. Харан), которые оказали Афранию и его войску гостеприимство и провели их в Сирию.

Несмотря на вызывающие действия Помпея и на бесцеремонное нарушение им договора, в силу которого вся северная Месопотамия вплоть до Евфрата была признана принадлежавшей парфянам страной, Фраат III не решился на войну с римлянами. Весною 64 г. он направился в Армению и напал на Тиграна II, который обратился за помощью к союзным римлянам. Этот инцидент мог бы служить удобным поводом для Помпея, чтобы начать войну также и с парфянами, чего давно уже хотели многие из его приверженцев и офицеров. Однако, Помпей, отличавшийся большой осторожностью и не обладавший отважной смелостью Лукулла, на захотел поставить на карту достигнутые им успехи и уклонился от войны. Он оправдывался тем, что римский народ не поручал ему вести эту войну и что еще окончательно не разоружен Митридат Понтийский[3]. Уклонился от войны с римлянами, как мы видели, и парфянский царь Фраат III, у которого также не хватило мужества открыто восстать против римского полководца, вероломно нарушившего договор. И так как он ограничился тем, что вновь отправил послов к Помпею, последний сообщил ему, что для урегулирования пограничного спора с Тиграном II он

---

[1] *Plut.*, Pomp., 36, 1.

[2] *Cass. Dio*, XXXVII, 5, 5.

[3] Там же, XXXVII, 7, 1.

пошлет трех третейских судей.[1] Фраат III и Тигран II прекратили войну и согласились подчиниться решению судей.

Эти последние, рассмотрев их жалобы и требования, решили передать спорные области Тиграну. Согласно их решению армянский царь получил не только Кордуенскую страну, но и часть северной Месопотамии. Интересно отметить, что и сам Фраат, как свидетельствует Кассий Дион,[2] не возвразил против этого решения и согласился с ним, в надежде, что в будущем ему удастся помириться с армянами и получить от них помощь против римлян.

В то время, как происходили эти события, Митридат Понтийский, восстановивший свою власть в Боспорском царстве, предложил римлянам новые условия мира и изъявил готовность подчиниться Риму в качестве его вассала и данника, если Помпей согласится возвратить ему Понтийское царство. Как и в 66 г., Помпей ответил ему вновь, что, прежде чем вести переговоры, Митридат должен явиться к нему лично и подчиниться Риму. Мир, таким образом, оказался невозможным. Митридат после того решил подготовиться к новой войне с Римом и выработал новый, смелый план похода против республики. Он задумал заключить союз со скифами, фракийцами и кельтами и, подобно карфагенянину Ганнибалу, итти походом на Италию по долине реки Дуная и через Альпийские горы. Для этого крупного похода, естественно, требовались колоссальные людские и материальные силы и средства. Поэтому, в 63 г., когда Митридат заканчивал свои военные приготовления, вся тяжесть которых ложилась на население и города Боспора, неожиданно вспыхнуло против него стихийное восстание, в котором участвовали не только почти все города, но также его войска и сын его Фарнак. Старик Митридат понял, что ему не будет ни пощады, ни спасения. Осажденный в своем замке в городе Пантикапее (теперешний Керчь), он не захотел сдаться повстанцам и кончил жизнь самоубийством (весною 63 г.). Труп его, отправленный Фарнаком в Сирию,

---

[1] *App.*, Mithrid., 106; *Plut.*, Pomp., 39, 3; *Cass. Dio*. XXXVII, 7, 3.
[2] *Cass. Dio*, XXXVII, 7, 4.

по приказанию Помпея, был похоронен в склепе понтийских царей около Синопа После смерти Митридата, большая и долголетняя война с ним, начатая еще 25 лет назад, могла уже считаться оконченной.

Войну можно было считать оконченной также на всем Востоке и в Сирии. В 65, 64 гг. полководцы Помпея—Габиний, Скавр, Афраний и другие—уже завоевали на юге Финикию, Палестину и некоторые мелкие княжества и города Сирии и Месопотамии.

В 64 и 63 гг. Помпей дал политическую организацию только что завоеванным странам и регулировал их внутренние дела и управление Еще в 64 г., во время своего пребывания в Понте, им были обращены в римские провинции бывшее царство Никомеда Вифиния и западная часть Понтийского царства Митридата. Еще до Помпея законным царем Сирии как Лукуллом, так и римским сенатом был признан, как мы видели, Селевкид Антиох Азиатец. Теперь же власть Селевкидов в Сирии была объявлена упраздненной и вся эта страна была обращена в римскую провинцию. Вышеупомянутый другой Селевкид Антиох стал вассалом Рима и взамен Сирии получил небольшое Коммагенское царство, центром которого была столица Самосата. В пределах этого царства находилась переправа через Евфрат (теперешн. Береджик), около крепости Селевкии, имевшая крупное военное и торговое значение.

Новые обширные владения получили друзья и союзники Рима, царь Каппадокии Ариобарзан и князь Галатии Дейотар, оказавшие римлянам значительные услуги во время понтийских и армянских войн. Ариобарзану Помпей даровал несколько округов, отторгнутых им от Киликии, и всю Софену. Ему же принадлежали важнейшая переправа через Евфрат и крепость Томиса. Князь же Дейотар вместе с царским титулом получил восточную часть прежнего Понтийского царства с приморскими городами—Фарнакиею и Трапезунтом, а также и Малую Армению. Колхида, лежавшая к северу от царства Дейотара, была передана, в качестве особого княжества, Аристарху, с именем которого имеются и упоминаются в нумизматических трудах не-

сколько монет. На востоке от реки Евфрата верховенство Рима признали и считались в сфере его ялияния не только Армения, объявленная другом и союзником римского народа, но также Атропатена, Иберия, Албания, Осроена и некоторые из мелких арабских племен северной Месопотамии.

Армения, объявленная другом и союзником Рима и признавшая номинально верховенство последнего, отныне становилась военным форпостом римского государства. Помпей после того совершенно изменил свою политику в отношении Армении. Тигран так же, как и Ариобарзан и Дейотар, получил лично от Помпея или же при его содействии не только Кордуену и северную Месопотамию, о присоединении которых к Армении было упомянуто, но также Дерджан и Акилисену[1], из которых последняя в то время, повидимому, включала в себе, кроме древней области Екелесены, также Дараналию, Аливн и Музур[2]. Великая Армения, таким образом, и при Тигране II расширила свои границы как на юге Армянского нагорья, так и в районах, сопредельных с Малой Арменией и Софеной.

Новая предупредительная политика, которой придерживался Помпей в отношении Армении, нашла свое выражение и в том, что титул „царя царей", придаваемый раньше исключительно парфянским царям и предоставленный затем, с падением великой державы Тиграна, Фраату III, отныне был сохранен за Тиграном, с оставлением за Фраатом III титула просто лишь „царя".

Парфянский царь был вынужден безропотно сносить эти явные обиды и акты недружелюбия. Этот, обманутый в своих надеждах союзник Рима теперь сам очутился между двух огней, как раньше в 66 г. его соперник Тигран. На границах Сирии в полной боевой готовности стояла теперь крупная армия Помпея, а со стороны Месопотамии и Атропатены угрожали парфянам армянские войска Тиграна, нового союзника Рима. Фраат III теперь только должен был

---

[1] См. *Markwart,* Die Genealogie der Bagratiden, стр. 63 и мою работу „Главные пути древней Армении," стр. 73.

[2] См. *Адонц,* Армения в эпоху Юстиниана, стр. 54—55.

понять, что союзом с Римом, он, как об этом предупреждал его Митридат, погубил не только своих соседей, но и самого себя.

К исключительной осторожности Помпея следует отнести то, что он не воспользовался благоприятным стечением обстоятельств и воздержался от нападения на парфян, почти не готовых для ведения большой войны. В своем тылу он оставил в целости и сохранности своего оскорбленного и униженного бывшего союзника, который получил возможность подготовиться и выбрать момент, наиболее удобный для разрыва и отместки. Само собой понятно, что в предстоящей неизбежной будущей войне дружба и помощь Армении приобретали исключительное значение как для римлян, так и для парфян. Этим и объясняется то, что Фраат III, как мы видели выше, еще в 64 г. вынужден был изменить свою враждебную политику по отношению к Армении и безоговорочно уступил Тиграну не только Кордуену, но и северную Месопотамию. Благодаря этой новой политике установления добрососедских отношений с Арменией, впоследствии, как известно, при сыне Тиграна, Артавазде, оказались возможными политическое сближение и союз между армянами и парфянами [1].

По возвращении Помпея в Италию (в 61 г.) Тигран II царствовал в Армении спокойно и безмятежно до глубокой старости, вероятно, до 56 или 55 г. (до н. эры). В 56 г. он еще был жив и упоминается в одной из речей Цицерона.[2] В 54 же году, во время похода Красса, в Армении, как известно, царствовал единолично сын его Артавазд II. Тигран, по свидетельству Лукиана, умер, дожив до глубокой старости, на восемьдесят пятом году от рождения[3]. В слу-

---

[1] Утверждение Моммзена и других историков о том, что сын Фраата III, Митридат III (57—54 гг. до н. э.), вел войну против Артавазда II, является очевидным недоразумением. Соответствующее свидетельство Юстина (42, 4, 1), как отмечено Гутшмидом, относится, в действительности, к войнам Митридата II против Артавазда I. См. *Gutschmid*, Geschichte Irans, стр. 86, прим. 2, и *Моммзен*, Римская история, III, стр. 292.

[2] *Cic.*, Pro Sestio, 27, 59.

[3] *Lucianus*, Makrobioi, Bibl, Teubn.

чае подтверждения этого свидетельства Лукиана, которое, впрочем, может быть оспорено, можно будет предположить, что он родился в 141 или 142 г. (до н. э.) и был, следовательно, на десять лет старше Митридата Евпатора, родившегося, по данным Рейнака, в 132 г.[1]

Жена Тиграна, Клеопатра, повидимому, оставив мужа, уехала к отцу во время восстания Тиграна Юного. Во время самоубийства Митридата, в 63 г., она, как известно, находилась при отце в городе Пантикапее.[2]

Вместе со смертью Тиграна оканчивался весьма непродолжительный период великодержавного подъема Армении. Вполне понятно, что этот могущественный царь, превративший Армению в обширное государство, поставивший себе целью развитие в своей стране эллинистической городской культуры и желавший вывести армянский народ из состояния культурной отсталости, не может быть отнесен к числу заурядных и посредственных личностей. Однако, несмотря на это, образ этой крупной и передовой исторической личности, к сожалению, искажен и извращен почти во всех как иностранных, так и армянских исторических трудах.

Приводимые в этих трудах ошибочные характеристики личности Тиграна II, несомненно, должны быть решительнейшим образом отвергнуты, так как, как мы видели, они основаны, главным образом, на злонамеренных измышлениях Плутарха или же его первоисточников, лишенных исторической ценности.

Тигран II и Митридат Евпатор были, несомненно, монархами эллинистического типа, с исключительной энергией продолжавшими великое культурное дело Александра Македонского и его преемников. Насколько глубоко было влияние эллинистической культуры на высшие слои армянского общества, видно из того, что сын Тиграна, Артавазд, как указано выше, писал на греческом языке трагедии, речи и исторические сочинения, некоторые из которых были известны и Плутарху.[3]

---

[1] *Reinach,* Mithridate Eupator, стр. 52.

[2] Там же, стр. 405.

[3] *Plut.,* Crassus, 33,1.

Походы Лукулла и Помпея положили конец культурной и преобразовательной деятельности как Митридата, так и Тиграна. Победоносный Рим во время своих завоевательных походов не только опустошил и обратил в груды развалин богатые и пышные города и села Понтийского царства и южной Армении, но он, вместе с тем, утвердившись навсегда в Сирии и ведя на Востоке постоянные войны, вызвал как в Армении, так и во всей Передней Азии постепенное ослабление эллинизма и общий культурный регресс.[1] В Армении, в частности, и в странах соседнего Парфянского царства, эллинизм и эллинская городская культура постепенно уступили свое место древним иранским традициям и быту, имевшим глубокие корни преимущественно в этих странах.

***

С утверждением Римской империи на берегах Евфрата и Тигра для древней Армении создалось тяжелое и мучительное положение буферного государства, продолжавшееся в течение многих веков. Находясь между двумя могущественными соперниками—Римом и Ираном, Армения, вопреки жизненным интересам своего народа, была вынуждена участвовать в жестоких и бесконечных войнах, периодически возобновлявшихся между соседними великими державами.

Армянское плоскогорье само после того сделалось объектом международной постоянной борьбы соперничающих мировых империй и очень часто играла тяжелую роль опорной территории или же плацдарма военных действий. Обладение Арменией было крайне важно для воевавших империй и обусловливалось не только наличием в ней северной магистрали мировой торговли, но, главным образом, также ее военным и стратегическим значением. Благодаря своим физико-географическим особенностям Армянское плоскогорье являлось, как известно, гигантской природной ци-

[1] См. *Eduard Meyer*, Blüte und Niedergang des Hellenismus in Asien, Berlin, 1925, стр. 62 и след.

таделью и имело первоклассное значение как для оборонительной, так и для наступательной войны. Армения, как дружественная парфянам страна, представляла прямую опасность для восточных областей Рима, а как союзница Рима—она представляла страшную угрозу Парфянскому царству. Поэтому политическое сближение с Арменией или насильственное ее завоевание с тех пор стали существеннейшими вопросами внешней политики как Рима, так и Парфии и Персии.

Это роковое положение, создавшееся для Армении после похода Помпея 66 г., продолжалось не только в римско-парфянскую эпоху ее истории, но также в византийско-сасанидскую, византийско-арабскую и последующие эпохи. В качестве театра упорных и кровопролитных военных столкновений, она подвергалась периодическим разрушениям и опустошениям, а население ее предавалось огню и мечу или же уводилось в плен. Ее буферное положение стало главной причиной того, что она не могла взять в собственные руки распоряжение своею судьбою и ее политическое положение почти постоянно определяли заинтересованные великие державы.

Освободиться от положения государства—буфера Армения, очевидно, могла лишь в том случае, если бы граница Востока с Западом и театр их постоянных войн были бы перенесены куда-нибудь дальше от нее. Для Армении, конечно, было желательно, чтобы в Передней Азии было восстановлено то политическое и стратегическое положение, которое она имела при Александре Македонском или Ахеменидской Персии.

Но добиться такого положения не было суждено Армении. В течение многих веков западные и восточные великие державы оставались на своих старых позициях, вблизи Евфрата и Тигра. И Армения, потерявшая после победы Помпея 66 г. свое прежнее великодержавное положение и независимость, стала постоянной жертвой этих великих соперничающих империй—западных и восточных.

УКАЗАТЕЛИ ИСТОЧНИКОВ, ЛИТЕРАТУРЫ И СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

Краткий обзор источников

Век Тиграна II был бурным периодом политических и социальных потрясений, когда происходила решительная и коренная перестройка исторических судеб не только Армении, но и всей Передней Азии. Однако, эти крупные перемены и, в частности, те исторические события, которые имели место в это время в Армении, в значительной мере искажены во всех исторических трудах и даже в таких исследованиях, которые считаются классическими.

Одной из главных причин этих искажений следует, без сомнения, считать пристрастные и тенденциозные сообщения первоисточников, которые безоговорочно использованы в новейших исторических трудах.

Основными первоисточниками исторической эпохи Митридата и Тиграна являются произведения очевидцев событий и современных авторов:

1. Официальные донесения Суллы, Лукулла и Помпея.
2. Мемуары Суллы.
3. История воин Помпея, написанная Теофаном Митиленским.
4. Поэма Архия Антиохийского.
5. История Саллюстия.
6. Речи Цицерона.

Большинство последующих историков, несомненно, пользовалось, главным образом, этими именно первоисточниками. Следует, однако, отметить, что вышеуказанные донесения, как и другие источники этого же рода, как установлено новейшей исторической критикой, не могут быть признаны надежными источниками.

„Авторы донесений, — пишет Рейнак[1], — уверенные в том, что их ложь не будет разоблачена, раздували свои успехи, скрывали свои неудачи, а порою свои поражения выдавали за победы, — Мурена, например, удостоился триумфа, хотя он, на самом деле, потерпел поражение. Они крайне преувеличивали число вооруженных сил противника и соответственно преуменьшали численность своего войска. Так, например, войско Тиграна, участвовавшее в сражении около Тигранакерта, Лукулл, в своем отчете об этом сражении, показывает в 250 тыс. человек, в то время как другие источники исчисляют его в 80 тыс. человек[2]. В той же битве количество римских потерь он определяет в пять человек убитыми и сто человек ранеными, в то время как потери противника определяет по меньшей мере в 30 тыс. человек. Лукулл, впрочем, поступил так, следуя примеру Суллы, и можно быть уверенным, что Помпей, ученик того же учителя, еще более превзошел этих своих предшественников".

Аналогичные преувеличенные и ложные сведения о Лукулле и Помпее, своих покровителях, дают также Архий Антиохийский и Теофан Митиленский.

Сравнительно более достоверными источниками считаются Саллюстий и Цицерон. Однако, и они, видимо, не свободны от некоторых преувеличений, поскольку и они пользовались вышеуказанными или же им подобными источниками.

Римские и греческие источники более позднего времени можно разделить на две группы.

К первой группе относятся те труды, авторы которых пользовались римскими первоисточниками; ко второй же — те греческие произведения, источниками которых служили устные предания или же не дошедшие до нас письменные труды эллинистического Востока.

Очень важным источником из исторических трудов

---

[1] *Reinach*, Mithridate Eupator, стр. 418—419.

[2] *Мемн.*, 57.

первой группы считается проникнутая патриотическим духом, пристрастная и тенденциозная „Римская история" Тита Ливия. Историю эту излагают в сжатом виде или же пользуются ею Флор, Евтропий, Орозий, Фронтин и другие. К этой же группе источников относятся также Плутарх и Аппиан, в трудах которых сохранились полностью подробные сведения о Тигране II и Армении.

Первым из этих авторов, Плутархом, написаны, как известно, жизнеописания Суллы, Лукулла и Помпея. Эти произведения Плутарха имеют, однако, морализирующую тенденцию и являются явными дифирамбами, в которых исторические факты зачастую затушеваны или же прикрашены, главным образом, с целью прославления возведенных автором в герои римских полководцев. И характерно, что эти именно повествования Плутарха, в которых имеются и преувеличения и явные измышления, безоговорочно использованы в новейших исторических трудах.

Другой автор, Аппиан, пользовался, кроме Тита Ливия, также и малоазиатскими источниками, не дошедшими до нас,—повидимому, трудами Николая Дамасского и Посидония. Особое внимание заслуживают, несомненно, те отрывки Истории Аппиана, которые почерпнуты им у нейтральных малоазиатских авторов.

Греческие произведения эллинистического Востока, составляющие вторую группу источников, к сожалению, весьма малочисленны и дошли до нас не полностью, а лишь в отрывках. Наиболее важным из них является „История Гераклеи" Мемнона, содержащая, между прочим, интересные сведения о походе Лукулла в Армению. Те сообщения Мемнона, которые основаны на свидетельствах древних летописей города Гераклеи, более точны и заслуживают большего доверия, чем самохвальные и тенденциозные сообщения источников римской группы.

Крайне ценным и достоверным источником, кроме Мемнона, следует признать также Страбона (род. в Понтийской Амасии в 63 г. до н. э.). Предки его занимали высокие должности в Понте и некоторые из них были выдающимися военнослужащими. От своих родственни-

ков и соотечественников он, несомненно, слышал многое о великой митридатовой эпохе, и эти сведения, собранные им, были приведены в его „Исторических воспоминаниях“ (Ἱστορικὰ ὑπομνήματα). При составлении означенного труда он пользовался многими произведениями древних понтийских историков, которых он в своей Географии называет „писателями митридатовых событий“ (τὰ Μιθριδατικὰ συγγράφαντες, см. XI, 2, 14).

Утрата этого крупного исторического труда Страбона является, несомненно, одной из величайших потерь исторической литературы. Из трудов Страбона сохранилась лишь его География, в которой имеются, к счастью, между прочим краткие сведения о Митридатовых войнах, об Артаксиадской Армении и о Тигране II.

Несколько важных свидетельств, заимствованных, повидимому, из нейтральных малоазиатских источников, сохранилось также в „Олимпиадах“ Флегона Тралльского.

Из трудов II группы, как мы видим, сохранились лишь отрывочные и бессвязные свидетельства, которые не дают вовсе возможности восстановить в деталях исторические события. Тем не менее, сохранившиеся эти свидетельства, разоблачающие в достаточной мере ложь и извращения римских источников, определенно указывают нам на то, что с крайней осторожностью надлежит пользоваться этими римскими источниками даже и в тех их частях, которые считаются приемлемыми и достоверными.

Эта необходимая осторожность, к сожалению, вовсе не соблюдена ни в европейских, ни в армянских научно-исторических трудах.

В настоящем нашем исследовании путем сравнительного изучения источников по возможности исправлены преувеличения и искажения римских авторов и история Тиграна II и его эпохи представлена в новом освещении.

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВ

А. Современные римские источники

1. Официальные донесения Суллы, Лукулла и Помпея римскому сенату после заключения Дарданского договора, взятия города Тигранакерта и после смерти Митридата Евпатора.

Основными этими первоисточниками, которые не сохранились, пользовались Цицерон, Аппиан, Плутарх и другие авторы.

2. Мемуарами Суллы, которые также утрачены (Commentarii rerum gestarum), пользовались Плутарх, Ливий и др. Сохранившиеся отрывки изданы Петером: Peter, Historicorum Romanorum fragmenta (2-ое издание), стр. 127 и сл.

3. Саллюстий (87—34 до нашей эры), „Истории" которого сохранились только в отрывках: см. Historiarum fragm., ed. Fr. Kritzius, Leipzig 1853 и Historiarum reliquiae, ed. B. Maurenbrecher, fasc. I—II, 1891, 1894.

„Истории" Саллюстия, от которых сохранились ценные отрывки, считаются лучшим источником для истории походов Лукулла.

4. Цицерон (106—43 до нашей эры)—речи, письма и другие произведения: см. Pro lege Manilia или De imperio Cn. Pompeii, Pro Murena, Pro Sestio, Pro Archia poeta, Pro Flacco и Accademicorum libri duo. Ср. русский перевод речей Цицерона: „М. Туллий Цицерон. Полное собрание речей в русском переводе", под редакцией Ф. Зелинского, т. I, СПб. 1901.

В. Современные греческие источники

1. Посидоний, родом из Апамеи (около 135—51 до нашей эры), считается продолжателем Полибиевой „Всемирной

истории". Он же, повидимому, написал, как предполагает Рейнак, также и историю походов Помпея (см. Mithridate Eupator, стр. 426). Сохранившиеся отрывки изданы К. Мюллером; см. C. Müller, Fragmenta historicorum graecorum, III.

2. Теофан Митиленский—участвовал в походах Помпея и дал описание этих походов, тенденциозно прикрашенное в угоду Помпея. Текст сохранившихся отрывков см. C. Müller, Fragmenta histroricorum graecorum, III.

3. Архий Антиохийский—сопровождал Лукулла и участвовал в его походах. Он написал поэму, прославлявшую Лукулла, и любопытно, что даже этой поэмой, которая утрачена, пользовались как историческим источником Ливий и Плутарх (см. Reinach Th, Mithridate Eupator, стр. 427).

C. Римские источники Августовой и более поздних эпох

1. Из посвященных истории эпохи Тиграна II книг исторического труда Тита Ливия (59 до нашей эры—17 после нашей эры) дошли до нас краткий перечень содержания (periochae) и извлечения, сохранившиеся у Флора, Евтропия, Орозия и у других авторов.

2. Помпей Трог был современником Тита Ливия и составил всеобщую историю под названием Historiae Philippicae. Сохранились вступления к отдельным книгам и краткое содержание в переработке, сделанной Юстином, см. M. Juniani Justini, Epitoma historiarum Philippicarum Pompeii Trogi, ex recen. Fr. Ruehl, Lipsiae, 1915.

3. Веллей Патеркул, современник римского императора Тиберия (14—37 до нашей эры), составил краткую римскую историю, см. Vellei Paterculi, Ex historiae Romanae libris duobus quae supersunt, ed. C. Halm, Bibl. Teubn.

4. Фронтин, современник римского императора Домициана (81—96 после нашей эры), написал—Strategematon libri IV, ed. G. Gundermann, Lipsiae, 1888.

5. Флор написал в первой половине второго века (после нашей эры) историю войн римлян в двух книгах по Титу Ливию, см. Flori Juli, Epitomae de T. Livio bellorum annorum DCC libri II, ex recens. C. Halm. Bibl. Teubn.

6. Евтропий составил в четвертом веке краткий очерк

римской истории до 364 г. нашей эры, см. Eutropii, Breviarium histor. Roman., rec. Fr. Ruehl, Bibl. Teubn.

7. Орозий, христианский священник из Испании, написал краткую историю языческого мира, в которой имеются заимствованные из древних авторов ценные сообщения о походах Лукулла и Помпея, см. Orosii Pauli, Historiarnm adversus paganos libri VII, recen. C. Zangemeister, Lipsiae, 1889.

D. Греческие источники Августовой и более поздних эпох

1. Страбон (63 до нашей эры—19 после нашей эры)—см. Strabonis, Geographica, recogn. A. Meineke, vol. I—III, Lipsiae 1915—1925. Русский перевод: Ф. Г. Мищенко—„География Страбона в 17 книгах", Москва, 1879.

2. Николай Дамасский, секретарь Ирода (37—4 до нашей эры), написал всеобщую историю, от которой сохранились лишь отрывки,—см. C. Müller, Fragm. hist. graec., III. История эта является одним из источников Аппиана.

3. Плутарх (ок. 46—120 после нашей эры) написал биографии Суллы, Лукулла, Помпея, Сертория и Красса,—см Plutarchi vitae, graece et latine, парижск. изд. Th. Döhner'a и F. Dübner'a, vol. I—V, 1846—1855.

4. Иосиф Флавий (род. около 37/38 г. после нашей эры, в Иерусалиме) написал два исторических труда: „Иудейскую войну" в 7 книгах и „Иудейскую археологию,"—см. Josephi Flavii, opera omnia, recogn. Eman. Bekker, Bibl. Teubn.

5. Флегон Траллъский, современник римского императора Адриана (117—138 после нашей эры), написал хронографический труд под заглавием Ὀλυμπιάδες, от которого сохранились отрывки,—см. C. Müller, Fragm. hist. graec., III.

6. Аппиан Александрийский, современник римских императоров Адриана (117—138 после н. э.) и Антонина (138—161 после н. э.), написал римскую историю, в которой события эпохи Тиграна II и Митридата Евпатора описаны в 11-ой и 12-ой книгах (XI—Συριακή, XII—Μιθριδάτειος),—см. Appiani Alexandrini, Historia Romana, ed. L. Mendelssohn, 2 vol., Lipsiae 1879.

7. Мемнон (время не выяснено) составил историю города

Гераклеи,—см. Memnonis, Historiarum Heracleae Ponti, ed. C. Orellius, Lipsiae, 1816.

8. Кассий Дион (ок. 155—235 после нашей эры) написал „Римскую историю“ в 80 книгах. Сохранились книги 36—60, обнимающие время с 69 г. до нашей эры по 46 г. нашей эры, а также отрывки из других книг,—см. Cassii Dionis Cocceiani, Historiarum Romanorum quae supersunt, ed. Boissevain, vol. I, Berlini, 1895.

E. Другие вспомогательные источники

1. Diodorus, Biblioth. histor., ex recensione L. Dindorfii, Lipsiae, 1866—1868.

2. Isidori Characeni, Stathmoi Parthicoi, см. C. Müller, Geogr. graeci min., I.

3. Lucianus, Makrobioi, Bibl. Teubn.

4. Herodoti, Historiarum libri IX, Bibl. Teubn. Русский перевод Ф. Г. Мищенко, 2 тома, Москва, 1885—6.

5. C. Plinii Secundi Naturalis Historiae, см. Histoire naturelle de Pline, avec la traduction en francais, par M. É. Littré, t. I—II, Paris, 1883.

6. Polybii Historiae, Bibl. Teubn.; русский перевод Ф. Г. Мищенко, „Всеобщая история в 40 книгах“, т. I—III, Москва, 1890—1899.

7. Ptolemaei, Geographia, изд. C. Müller'a.

8. Valerii Maximi factorum et dictorum memorabilium libri XVI, rec. C. Kempf, Bibl. Teubn.

9. C. Cornelii Taciti opera, adc. Weise, T. I, Annalium libri XVI, Lipsiae, 1829.

10. Моисей Хоренский, История Армении, русский перевод Н. Эмина, Москва, 1893.

11. Фауст, История Армении, Венеция 1889 (на древнеарм. яз.).

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ

Абегян М., Армянские народные мифы (на арм. яз.), Вагаршапат, 1901.

Адонц Н., Армения в эпоху Юстиниана, СПб. 1908.

Aslan Ķévork, Études historiques sur le peuple arménien, Paris, 1909.

Астурян, Политические отношения между Арменией и Римом (на арм. яз.), Венеция, 1912.

Belck W., Majafarkin und Tigranokerta, Zeitshrift für Ethnologie, 1899.

Его же, Der Weg Xenophons auf seinem Rückzuge bis in die Ebene von Alaschgert, Verhandl. der Berl. anthrop. Gesellschaft, 1899.

Брюсов В., Летопись исторических судеб армянского народа, Москва, 1918.

Гарагашян А. М., Критическая история Армении, II, Тифлис 1895 (на арм. яз.).

Gutschmid Alf. von, Geschichte Irans und seiner Nachbarländer von Alexander dem Grossen bis zum Untergang der Arsaciden, Tübingen, 1888.

Его же, Untersuchungen über die Geschichte des Königreichs Osroëne, Mém. de l'Acad. Imp. des sciences de St.-Pétersbourg, 1886.

Hultsch Fr., Griechische und römische Metrologie, Zw. Bearbeitung, Berlin, 1882.

Hübschmann H., Die altarmenischen Ortsnamen, Strassb. 1904.

Дагбашян, Уточненная история армян (на арм. яз.), Тифлис, 1914.

Dolens et Ķhatsh, Histoire des anciens Arméniens, Genève, 1907.

Duruy Victor, Histoire des Romains, t. II, Paris, 1890.

Drumann, Geschichte Roms, bearbeitet von. P. Groebe, Bd IV, Berlin, 1899.

Eckhardt Kurt, Die armenischen Feldzüge des Lukullus, Klio, Bd. IX, Heft 4, Bd. X, Heft 1, 2.

Каррьер А., Восемь капищ языческой Армении по Агафангелу и Хоренскому, арм. перевод Ташьяна, Вена 1899.

Kiepert H., Ueber die Lage der armenischen Hauptstadt Tigranokerta, Monatsberichte der Akademie der Wissenschaften zu Berlin, 1873.

Kiepert R., Atlas von Kleinasien in 24 Blättern, 1902—1906

Karbe Hans, Der Marsch der Zehntausend vom Zapates zum Phasis — Araxes, Wissenschaftliche Beilage zum Jahresbericht des Königstädtishen Gymnasiums zu Berlin, 1898.

Ковалев С. И., История античного общества, Эллинизм и Рим, Ленинград, 1936.

Lehmann-Haupt C. F., Armenien einst und jetzt, Bd. I, Berlin, 1910.

Лео, История Армении (на арм. яз.), т. I, Тифлис, 1917.

Манандян Я. А., О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен, Эривань, 1930.

Его же, Феодализм в древней Армении (на арм. яз.), Ереван, 1934.

Его же, Главные пути Армении по Tabula Peutingeriana (на арм. яз.), Ереван, 1936.

Его же, Круговой путь Помпея в Закавказье, Вестник древней истории, 4, Москва, 1939.

Markwart J., Eranschahr nach der Geographie des Ps. Moses Xoren., Berlin, 1901.

Его же, Untersuchungen zur Geschichte von Eran, I, Göttingen 1896, Philologus, Bd. 54—55.

Его же, Südarmenien und die Tigrisquellen nach griechischen und arabischen Geographen, Wien, 1930.

Его же, Die Entstehung und die Wiederherstellung der armenischen Nation, Potsdam, 1919.

Его же, Das Itinerar von Artaxata nach Armastica auf der römischen Weltkarte, Handes Amsorya, 11, Wien, 1927.

Его же, Die Genealogie der Bagratiden und das Zeitalter des Mar Abas und Ps. Moses Xoren., Caucasica, fasc. 6, 2 Teil, Leipzig, 1930.

Meyer Ed., Blüte und Niedergang des Hellenismus in Asien, Berlin, 1925.

Merivale Ch., General history of Rome, 1875.

Miller Konrad, Itineraria Romana, Römische Reisewege an der Hand der Tabula Peutingeriana, Stuttgart, 1916.

Moltke H. von, Briefe über Zustände und Begebenheiten in der Türkei (1835—1839), Berlin.

Моммсен Ф., Римская история, том второй, перевод В. Н. Неведомского, Москва, 1887.

Его же, Римская история, том третий, перевод А. Веселовского, Москва, 1887.

Его же, Römische Geschichte, Bd. V, Dritte Auflage, Berlin, 1886.

Его же, Die Lage von Tigranakerta, Hermes 9, 1875.

Morgan J., Histoire du peuple arménien, Nancy—Paris—Strasbourg, 1919.

Ниче Б., Очерк римской истории и источниковедения, издание третье, СПб. 1910.

Нич К. В., История римской республики, Москва, 1908.

Reinach Th., Mithridate Eupator roi de Pont, Paris, 1890.

Sachau E., Ueber die Lage von Tigranocerta, Abhandl. der kg. Akademie der Wissensch. zu Berlin, 1880.

Taylor J. G., Journal of a tour in Armenia, Kurdistan and upper Mesopotamia; русский перевод Н. Астафьева, Материалы для географии Аз. Турции, прилож. к тому II Изв. Кавк. Отд. Рус. Геогр. Общ., Тифлис, 1874.

Tournebize F., Histoire politique et religieuse de l'Arménie, Paris 1900.

Fabricius, Theophanes von Mitylene und Q. Dellius, als Quellen der Geographie des Strabons, Strassburg, 1888.

Ферреро Г., Величие и падение Рима, т. I, перевод А. Захарова, Москва, 1915.

Халатьянц Г., Очерк истории Армении, Москва 1910.

Его же, Армянские Аршакиды, Москва, 1903.

Чамчян М., История Армении, т. I—III, (на арм. яз.), Венеция, 1784—1786.

Chapot Victor, La province romaine proconsulaire d'Asie, depuis ses origines jusqu'à la fin du Haut—empire, Paris, 1904.

Spiegel F., Eranische Alterthumskunde, Bd. III, Leipzig, 1878.

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

	Годы до н. э.
Поражение селевкидского царя Антиоха III при Магнесии	190
Образование независимых армянских царств Великой Армении и Софены	189
Участие Артаксия I в мирном договоре пяти царей Малой Азии	180
Основание города Арташата	166
Поход селевкидского царя Антиоха IV в Армению	165 (?)
Рождение Тиграна II	142/141
Начало царствования Тиграна II	95

Союз Тиграна II с Митридатом Евпатором . .	95/94
Присоединение Софены к Великой Армении . .	94
Первый поход Тиграна II в Каппадокию . .	93
Занятие Каппадокии Суллой	92
Вторжение Митрааса и Багоаса в Каппадокию . .	91
Армяно-парфянские войны и завоевание Тиграном II западных областей Парфянского царства . .	89—85
Первая Митридатова война	88—84
Дарданский мирный договор	84
Завоевание Тиграном II Сирии и Низменной Киликии .	84/83
Третья Митридатова война	73—71
Отправка Метродора Скепсийского в качестве посла к Тиграну II	71 (летом)
Поражение Митридата Евпатора и его бегство в Армению	(71 осенью)
Требование Аппием Клавдием выдачи Митридата Лукуллу	71 (в конце г.)
Возвращение Лукулла в Провинцию Азию и празднества по поводу окончания войны	70
Внезапное и неожиданное вторжение Лукулла в Армению	69 (весною)
Нападение Меружана с немногочисленной конницей на римлян	" "
Осада города Тигранакерта	" "
Ночная атака армянской конницы и вывоз из Тигранакерта царского гарема и сокровищ . .	69 (весною)
Свидание и совещание Тиграна II с Митридатом .	69 (летом)
Сражение под Тигранакертом	69 (6 окт).
Римско-армянская война в районе среднего и верхнего течения реки Арацания	68 (летом)
Сражение у переправы через реку Арацаний . .	68 (сент.)
Осада и взятие Низибина Лукуллом . . .	68 (в конце г.)
Тяжелое поражение Триария в Понте . . .	67 (весною)
Деморализация римского войска и отступление Лукулла в Галатию	67 (летом)
Поход Помпея против Митридата Евпатора . .	66 (весною)
Восстание Тиграна Юного	" "
Отступление Митридата из Дастейры и поражение его около реки Лика	66 (осенью)
Поход Помпея в Армению и заключение мира с Тиграном II	" "
Внезапное нападение иберийцев и албанцев на римлян .	66 (17—24 дек.)
Поход Помпея в Иберию	65 (весною)
Поход Помпея в Албанию	65 (летом)
Возвращение Помпея в Малую Армению . .	64 (весною)
Смерть Тиграна II	56/55

ОГЛАВЛЕНИЕ

Указатели источников, литературы и собственных имен

Рисунки и карты

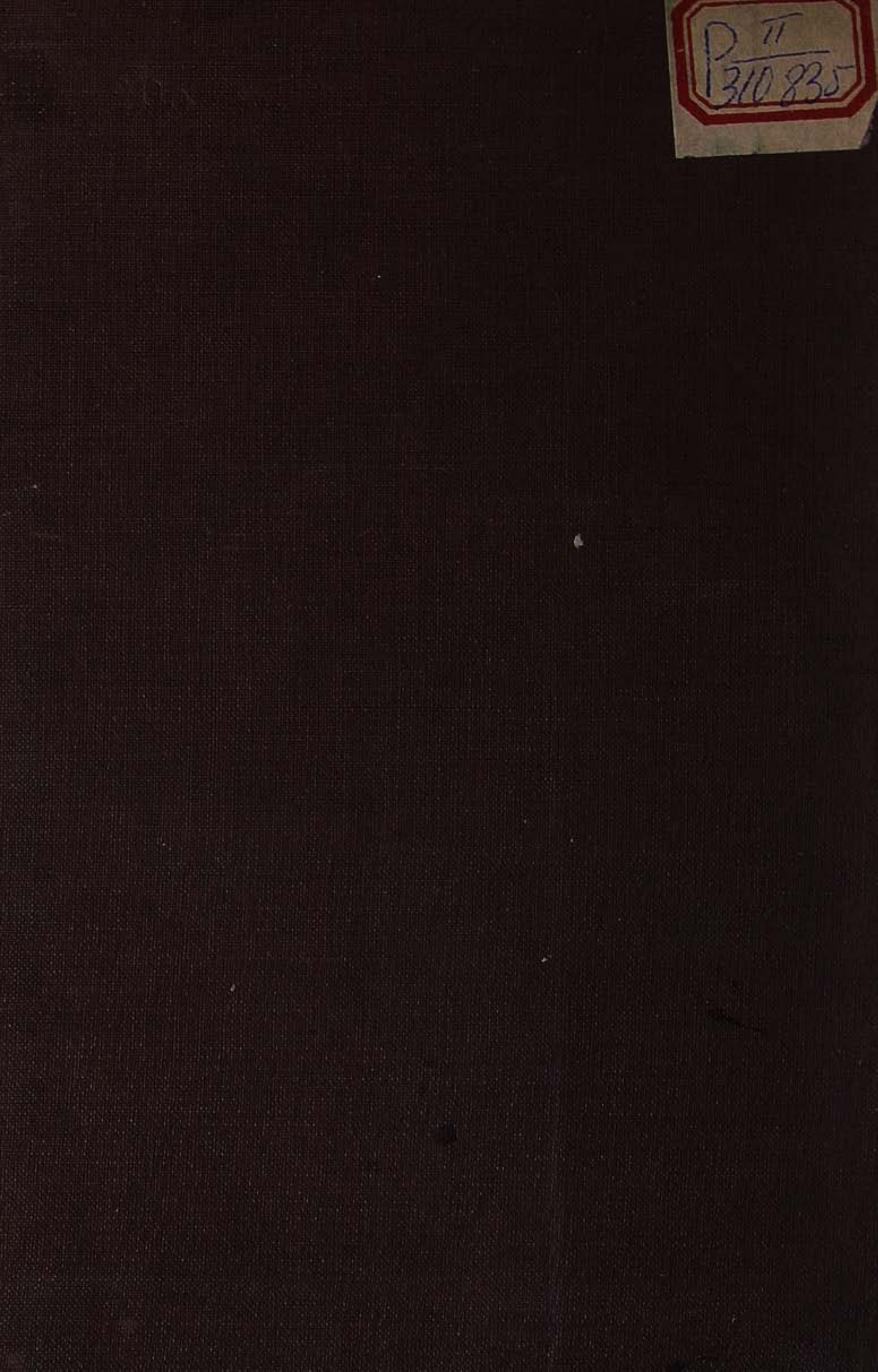
ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
54	13	от Черного моря	от Каспийского моря

ВФ 00800. Подписано к печати 7/III 1944 г.
Об'ем 15 п. л. П. л. 38.400 печ. зн. Изд. 206. Зак. 349. Тираж 2000

Типография ХОЗО НКВД Армянской ССР, г. Ереван

ԳԱԱ Հիմնարար Գիտ. Գրադ.
FL0206562

P II
310 835